

ТАРАНТУЛ

1. «Рыбак»

В холодном воздухе носилась водяная пыль и через шинель, фланелевку и тельняшку проникала к самому телу. От сырости белье казалось липким. Темень — глаза выколи! Внизу вяло шлепали мелкие волны.

На стоящем впереди катере замаячили красные угольки папирос и послышался смех. Кто-то из команды вышел подышать воздухом.

Но вот опять в стороне Петергофа глухо захлопали пушки и над головой зашуршали снаряды. В городе вспыхнули красные зарницы, а через минуту докатился треск разрывов. Сейчас же в ответ глухо ахнули батареи Ленинграда и смяли эти звуки.

Сегодня враги стреляли всю ночь. С большими перерывами, ограничиваясь двумя-тремя залпами, настойчиво посылали они снаряды в разные районы города. Как бы солоно им ни приходилось, молчать они не хотели. Ленинград праздновал двадцать шестую годовщину Октября.

«До чего пакостная у фашистов натура! Как праздник, так обязательно безобразят», — подумал стоявший на вахте Пахомов, прислушиваясь к артиллерийской дуэли.

Он вспомнил, как в прошлом году фашисты отметили юбилей. Авиация гудела над городом всю ночь. Во всех районах повесили на парашютах яркие фонари-ракеты и безнаказанно сбрасывали бомбы. Тогда он не был на вахте, но почти всю ночь простоял на палубе каюра. Казалось, что после такой бомбежки от Ленинграда останутся одни развалины...

Стрельба кончилась, и снова установилась тишина. «Они ведь, наверно, считают, что как только снаряд разорвется, так весь район в бомбоубежище кинется». Он знал, что сейчас во многих квартирах кончались вечеринки, и даже сам имел два приглашения от знакомых девчат. Знал, что первый тост поднимали за победу. Она еще не близка, но уже ярко блестит в московских салютах.

«А нынче им достается... Это не прошлый год».

Прошла минута, другая, и вдруг послышался скрип уключин. Пахомов насторожился, повернул голову и уставился в темноту.

Катера стояли почти у самого устья реки, где она впадала в залив, и если он услышал скрип уключин, то, значит, лодка находится где-то недалеко, на середине Невки.

На другом берегу, в единственном доме, жила команда военных рыбаков. Они давно прекратили рыбную ловлю, да и вряд ли в такую погоду, в темноте, могли отправиться куда-то на лодке. Другой лодки поблизости не было.

«Показалось мне, что ли?»

Напрягая слух, он долго стоял без движения, но никаких звуков больше не доносилось.

«Значит, показалось», — уже твердо решил Пахомов.

Снова началась артиллерийская перестрелка, но на этот раз в стороне Московского района.

Пришла смена.

- Замерз? — хриплым со сна голосом спросил его лучший друг и земляк Киселев.
- Отсырел, — сказал Пахомов, передавая вахту.
- Иди сушишь.
- Послушай, Саша. С полчаса назад вроде как на лодке кто-то греб. Веслами скрипнул.
- На лодке? — удивился Киселев. — Да ты что! В такую погоду на лодке кататься... ночью!
- Я и сам не понимаю. А только так ясно слышалось.
- Может, на катере что-нибудь?
- Не знаю.

Пахомов спустился в кубрик и скоро забыл о происшествии, но когда через четыре часа он сменил Киселева, то вспомнил и спросил:

- Ну как, лодку не слышал?
- Какая там лодка! Померещилось тебе. Незаметно начинался рассвет. Появились неясные очертания пулемета в чехле, стоящего на носу катера. Забелел корпус яхты, вытащенной на берег, и корявое дерево с обломленной вершиной все яснее выступало на фоне посеревшего неба.

Пахомов смотрел на противоположный берег. Ему казалось, что там, чуть пониже их катера, чернеет лодка.

Прошло несколько минут — и уже никаких сомнений не осталось. Лодка стояла на одном месте, и в ней сидел рыбак. Откуда он взялся и как попал сюда ночью? Правда, среди любителей-рыболовов можно встретить людей, одержимых своей страстью, которые ловят рыбу невзирая на погоду и время года.

Пахомов тоже был таким любителем и сразу понял, что рыбак ловит на подпуск, но лодка стоит слишком близко от берега, и это было подозрительно. Он вызвал наверх старшину.

- Товарищ старшина, смотрите! — сказал он, показывая пальцем на берег.
- Что там?
- Рыбак.
- Ну так что? Пускай ловит.
- Ночью приехал.
- Как это ночью?
- Вечером его не было, а как стало светать, я его и увидел. Ночью слышал, как он уключинами гремел.
- Вот оно что! Сейчас мы это разберем.

Старшина ушел, и скоро, застегивая на ходу шинель, поднялся лейтенант.

— Пахомов, ты уверен, что рыбак приехал ночью? — спросил он.

— Уверен, товарищ лейтенант.

Глухо зарычал мотор. Сбросили конец, и лейтенант встал у штурвала. Катер плавно развернулся и двинулся к лодке.

Рыбак понял, что катер направляется к нему, и начал торопливо вытаскивать якорь. Лодку подхватило течением и медленно потащило вниз.

— Эй, гражданин! Задержитесь минуточку! — крикнул в рупор старшина.

— А зачем? Здесь нельзя ловить?

— Ловить можно! Давайте сюда... Рыбак взялся за весла, но, видимо, раздумывал, что ему делать.

— Не пугай его, старшина, — вполголоса сказал лейтенант, передавая управление матросу.

— Если нельзя, так я уеду! — крикнул рыбак.

— Да вы не бойтесь, мы только документы проверим! — как можно ласковей сказал в рупор старшина.

Рыбак решительно взмахнул веслами и развернул лодку носом в берег.

— Это хуже. Может уйти, — проворчал лейтенант и снова встал за штурвал.

Лодка ткнулась в песок. Человек выскочил на берег и, не оглядываясь, быстро зашагал к парку.

— Кто за ним пойдет? — вполголоса спросил лейтенант.

— Разрешите — я! — отозвался Пахомов.

— Давай, Пахомов! Особенно не церемонься.

Катер тихо приближался к берегу. Пахомов понимал, что дорога каждая секунда, и, как только под носом катера зашуршал песок, прыгнул в воду. Уже на бегу он слышал, как лейтенант крикнул: «Полный назад!» — и забурлила вода за кормой.

Вытащив пистолет, Пахомов поставил его на предохранитель. Зоркие глаза помогли, и скоро он увидел «рыбака». Тот быстро шагнул по аллее. Вдруг он неожиданно свернул в сторону и спрятался за ствол громадного дерева. Может быть, он рассчитывал на то, что моряк его еще не заметил и пробежит мимо, а может быть, задумал что-нибудь похуже.

«Не вздумал бы стрелять».

Теперь Пахомов не сомневался, что имеет дело с каким-то негодяем. Бросить лодку и трусливо удирать... Так не поступит человек, у которого совесть чиста.

Делая вид, что он не видел, как мужчина свернул, Пахомов побежал прямо по дороге. Поравнявшись с деревом, он круто повернул, сделал несколько скачков в сторону и оказался рядом с «рыбаком».

— Ты куда побежал? Тебе что было приказано? — еле переводя дыхание, сказал Пахомов, поднимая пистолет.

Не предвидя такого маневра со стороны моряка, тот сильно растерялся.

— Я же ничего... — пробормотал он.

— А ну-ка, давай обратно!

— За что вы меня арестовали? Я рыбу ловил. Никому не мешал.

— Все правильно! Незачем было бегать. Иди!

Мужчина нехотя повернулся и пошел к дороге. Пахомов шагал сзади, держа наготове пистолет. Сейчас ему удалось захватить «рыбака» врасплох, но как он будет поступать в дальнейшем — неизвестно. Обыскивать здесь не стоило.

Катер, урча моторами, ждал недалеко от берега. Подойдя к своей лодке, задержанный человек остановился.

— Вы хотите документы проверить? — спросил он и, не дождавсь ответа, предложил: — Можно здесь проверить.

— Садитесь в лодку! — приказал Пахомов. — Идите в корму.

Человек покорно прошел в корму. Пахомов сунул пистолет в карман, оттолкнул лодку и сел за весла.

На воде было значительно светлее, и моряк мог разглядеть незнакомца. Длинный прямой нос. Верхняя губа чуть выдавалась над нижней. Заметная небритость и хмурый взгляд из-под нависших бровей. Под брезентовым плащом виднелся серый ватник. На голове кепка.

Когда лодка приблизилась к катеру, глаза человека тревожно забегали по сторонам и он начал расстегивать пуговицы ватника.

— Ты что? — спросил Пахомов.

— Документы надо приготовить, — угрюмо ответил тот и вытащил из бокового кармана пиджака большой кожаный бумажник.

— Давайте руку, гражданин! — крикнул сверху старшина. — Влезайте!

«Рыбак» встал, повернулся... Все остальное произошло в одну секунду. Пахомов почувствовал, как задержанный сильно качнул лодку и, как бы потеряв равновесие, взмахнул рукой. Бумажник полетел в воду, а мужчина ухватился за борт катера.

«Прячет концы. В бумажнике что-то важное», — подумал моряк и без колебания прыгнул в воду.

В детстве, ныряя в светлой воде, Пахомов без труда находил на значительной глубине монетки, но сейчас, в одежде, в утренних сумерках, найти что-нибудь в холодной и мутной воде было трудно. К счастью, он взял верное направление и под водой оказался на одном уровне с бумажником. Рука сразу наткнулась на него.

Сверху, на катере, не видели, что произошло в лодке.

— Человек за бортом! — крикнул старшина и схватил спасательный круг.

— Не торопись, — остановил его лейтенант.

Пахомов вынырнул за кормой катера и барахтался в воде. Его сносило течением, а в двух метрах от него несло и лодку.

— Держи круг, Пахомов! — крикнул лейтенант.

— Не надо... я сам...

Он подплыл к лодке и уцепился за борт

— Вот черт! Как это он вывалился! — сказал с облегчением Киселев.

— Старшина, надо ему водки дать да растереть всего! — приказал лейтенант. — Выкупался ради праздничка! — Он нарочно прыгнул в воду, товарищ лейтенант, — сердито пояснил старшина, — Этот чего-то вы бросил, а Пахомов и нырнул.

Лейтенант взглянул на «рыбака», скромно стоявшего около рубки.

— Что вы там выбросили?

— Я не выбросил... я обронил.

Когда Пахомов поднялся на катер и, передав бумажник лейтенанту, ушел переодеваться, задержанного увели в каюту. Катер развернулся и плавно направился на место своей стоянки.

2. Письмо

«Уважаемый Сергей Дмитриевич!

Если бы вы знали, с каким восхищением и гордостью мы следим за титанической борьбой Ленинграда! Каждое самое незначительное и мелкое сообщение о ваших героических делах волнует всех истинных патриотов. О вас, ленинградцах, ходят легенды, и я не сомневаюсь, что эти легенды переживут века и будут передаваться из поколения в поколение. Должен сознаться, что я завидую вам и жалею, что оказался в тылу. хотя, само собой разумеется, отдаю все силы и работаю не покладая рук для победы. Приятно будет сознавать потом, что в этой великой войне есть и мои усилия. С радостью сообщаю вам, что наконец добился командировки, и надеюсь числа двадцатого лично засвидетельствовать вам мое восхищение и пожать руку. Рассчитываю воспользоваться вашим любезным приглашением и остановлюсь у вас, если, конечно, не стесню. Что касается продуктов, то захвачу с собой, сколько унесу.

Еще раз примите мои самые лучшие пожелания. До скорой встречи.

Ваш почитатель Мальцев».

Подполковник государственной безопасности, выстукивая пальцами по столу ритм какой-то мелодии, задумчиво смотрел на лежащее перед ним письмо. Его только что принесли из лаборатории. Самое тщательное исследование ничего интересного не обнаружило. Обычное письмо ленинградцу с Большой земли.

Он еще раз внимательно перечитал его и откинулся на спинку кресла. «Неужели тут сложный шифр?»

Письмо это находилось в числе других документов в бумажнике мужчины, задержанного сегодня утром у Крестовского острова. Предполагалось, что немцы отбуксировали лодку из Петергофа в ночь на седьмое ноября до фарватера, а дальше он уже сам добрался до устья Невки. Письмо имело какое-то особое значение.

Шестое чувство чекиста подсказывало Ивану Васильевичу, что с приездом этого «почитателя» начинается серьезная операция. Перехватить Мальцева в день приезда, конечно, ничего не стоило, но это не решение. За Мальцевым, несомненно, стоят еще люди, и неизвестно, с какой целью он собрался в Ленинград.

Положение на фронте требовало от советской контрразведки глубокой, четкой и быстрой работы. Фашисты терпели поражение за поражением, и от них можно было ждать чего угодно. Они чувствовали, что Ленинград окреп и готовится к наступлению.

Если у него в руках находится кончик ниточки, надо распутать весь клубок.

Письмо адресовано уважаемому и известному в городе человеку. Сергей Дмитриевич Завьялов — ученый-химик, общественник — работал на оборонном заводе.

Чем больше думал Иван Васильевич, тем загадочнее становилось это простое на первый взгляд письмо. Десятки всевозможных и правдоподобных догадок мелькали в голове, но все они не имели под собой твердой почвы. Он, конечно, не собирался разматывать клубок, сидя за письменным столом, но любил поломать голову над сложной задачей, прежде чем приступить к расследованию. Потом, когда дело распутывалось и все становилось ясным, полезно было проверить ход своих мыслей и догадок.

Иван Васильевич достал лист бумаги, сделал несколько пометок, спрятал его в боковой ящик стола и позвонил по местному телефону.

— Товарищ Бураков? У вас там все готово? Я сейчас приду.

Затем он набрал городской номер. Через минуту послышался звонкий женский голос,

— Номер слушает.

— Какой номер? Цирковой или эстрадный? — шутливо спросил Иван Васильевич.

— Это говорит дежурная. Вам кого нужно, товарищ? Я не расположена шутить,

— Извините. Я не заметил, что у вас нахмурены брови. Скажите, пожалуйста, когда я могу видеть Сергея Дмитриевича Завьялова?

— В любое время... кроме ночи.

— А точнее? От и до?

— С восьми утра до десяти вечера. Кто это говорит? Коля?

— Нет, не Коля.

— Ну да! Я сразу вас узнала. Что вы делаете завтра вечером?

Иван Васильевич повесил трубку. «Скучно, бедняжке, дежурить в праздник», — с усмешкой подумал он.

Положив содержимое бумажника: паспорт, продовольственные карточки, письмо — и протокол задержания в папку, он взглянул на часы и вышел из кабинета.

В комнате следователей кроме ожидавшего помощника сидела стенографистка и чинила карандаш. При входе подполковника оба встали.

— Здравствуйте, Надежда Аркадьевна. Извините, что пришлось вас потревожить сегодня, — с улыбкой сказал Иван Васильевич, протягивая руку.

— Ну что вы, Иван Васильевич!

— Признаться, я и сам рассчитывал сегодня отдохнуть, но ничего не поделаешь...

Бураков выжидательно смотрел на начальника, Иван Васильевич вынул из папки письмо и спрятал его в ящик стола. Остальное разложил на столе.

— Ну что ж, давайте приступим к допросу, — сказал он, обращаясь к помощнику. — Вы начинайте, а я посмотрю, что это за человеке...

Когда Бураков вышел, Иван Васильевич переставил стул в темный угол комнаты. Здесь его будет не видно. Яркий свет лампы, стоявшей на столе, отражался рефлектором и освещал середину комнаты. Слева, за маленьким столиком, сидела Надежда Аркадьевна.

— Долго мы будем работать? — спросила она.

— Боюсь, что да. Дело срочное. Как Славик поживает?

Даже в тени было видно, как покраснела от удовольствия стенографистка.

— Благодарю вас. Здоров. Переменил профессию. Сейчас решил стать танкистом. Только и занятий, что танки из коробочек строит..

Вошел арестованный. Разговор прекратился.

— Садитесь сюда, — сказал Бураков.

Человек опустился на указанный стул, положил ногу на ногу и сунул руки в карманы. Почти тотчас же он переменил позу: опустил ногу и скрестил руки на груди. Затем снова сунул руки в карманы.

Бураков сел за стол, неторопливо достал портсигар, зажигалку и закурил.

— Как ваша фамилия? — начал он с обычных вопросов.

— Казанков.

— Имя, отчество?

— Александр Семенович.

— Какого года рождения?

— Тысяча девятьсот первого.

— Где родились?

— Под Самарой.

— Точнее?

— Деревня Максимовка.

— Национальность?

— Русский.

Иван Васильевич чувствовал, что Бураков волнуется, но держал он себя хорошо и вопросы задавал спокойным, ровным голосом. Арестованный отвечал вяло, почти равнодушно. Видимо, он был подготовлен к такому повороту своей судьбы и успел заранее примириться. «Знал, на что идет», — решил подполковник.

— Где вы жили до войны?

— В Ленинграде.

— А как переехали в Ленинград? — Это долгая история.

— Ничего, у нас времени хватит,

— Приехал учиться и остался совсем.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее.

Арестованный начал рассказ о том, как в первые годы революции он приехал в Питер учиться. Раскрывалась биография обыкновенного человека, жившего для того, чтобы жить без особых стремлений, увлечений, идей. Прожил день — и хорошо. В этой жизни были и радости. О них арестованный вспоминал с явным удовольствием, и по всему было видно, что говорил правду. Заминка произошла под конец.

— Где вы работали перед войной?

— Все там же.

— Вас призвали в армию?

— Нет. Я, как говорится, доходягой был. Списали на актировке.

Бураков поднял голову и пристально посмотрел на арестованного, но тот сидел опустив голову и не обратил на это никакого внимания.

— А чем вы больны? — спросил Бураков прежним тоном.

— А я точно не знаю.

— Как же это вы не знаете свою болезнь? Что-то не так.

— А так ли, не так, все равно вы не верите! — сказал вдруг с раздражением арестованный.

— Почему не верим? Наоборот, я верю всему, что вы говорите, но хочу уточнить, чтобы поверили и судьи. Если вы считаете, что следователь заинтересован приписать вам поступки, которых вы не совершили, то ошибаетесь. Мы заинтересованы только в одном... узнать правду. Если вы этого тоже хотите, то наши интересы совпадают...

Стенографистка покосилась на Ивана Васильевича и прикрыла рот рукой. Он понял причину улыбки. Бураков даже в интонациях подражал ему, хотя сам и не замечал этого.

— Если вы не хотите говорить, — продолжал серьезно Бураков, — это ваше дело, но тогда достается пробел. Чем его заполнить? Так или иначе, но отвечать вам придется на все вопросы. Насчет болезни мы установим через врачей, и они определят, чем вы больны. Оставим вопрос открытым. Вчера рано утром вас задержали на Невке. Так?

— Да.

— Что вы там делали?

— Рыбу ловил.

— Какую?

— Какая попадется.

— Поймали что-нибудь? — Не успел. Я только что приехал.

— Почему вы бросили лодку и хотели скрыться?

— Испугался.

— Чего?

— Думал, что не разберутся, арестуют. Время военное.

— Как оказался бумажник в воде? — Я его достал, чтобы документы предъявить, а как раз в это время лодка качнулась, когда я хотел на катер залезать. Он и выпал.

— Где вы взяли лодку?

— У товарища.

— Как его фамилия?

Арестованный задумался и снова сказал с горечью:

— А что говорить зря. Все равно вы мне не верите.

— Станный вы человек. Я же вам сказал, что верю, но если произошло недоразумение и вас задержали при таких обстоятельствах, надо все выяснить. Как фамилия Вашего товарища, который дал вам лодку?

— Не буду я ничего говорить. Вы и товарища посадите.

— За что?

— А за что вы меня посадили?

Допрос затягивался.

Теперь Иван Васильевич разобрался в этом человеке и понял, что в армию Казанков не был призван потому, что сидел в тюрьме. И об этом Казанков проговорился сам. «Доходяга» и «списать по актировке» — типично Тюремные выражения. Если он их употребил, то сделал это машинально и, значит, в тюрьме сидел немало времени. Странно, что Бураков не использовал эту оговорку.

— Сделаем перерыв, — сказал Иван Васильевич, поднимаясь. — Надежда Аркадьевна, вы пока свободны. Сходите в столовую.

— Вы останетесь здесь? — спросил Бураков.

— Да. Я вам позвоню.

Помощник понимал начальника с полуслова и молча вышел за стенографисткой.

Чтобы дать арестованному свыкнуться с его появлением, Иван Васильевич несколько раз прошелся по комнате и сел на место Буракова. Арестованный, смущенный неожиданным вмешательством, оправился и с любопытством разглядывал Ивана Васильевича. Раньше, ослепленный яркой лампой, он его не видел.

— Если вы хотите курить, — пожалуйста) — предложил Иван Васильевич, кладя на край стола папиросы и спички.

Арестованный, не разгибаясь, подошел к столу, взял папиросу, прикурил, пятась вернулся на место и с наслаждением затянулся.

— Спасибо

— Вы, конечно, догадались, что я человек не посторонний, — начал медленно говорить Иван Васильевич. — Слушал я ваш допрос и размышлял про себя. Откуда у нас берутся преступники? Ведь человек рождается не преступником. У каждого из них есть хорошее детство, юность, молодость, и каждый хочет себе добра. В чем дело? Вы никогда не задумывались над этим вопросом?

— Нет, — настороженно сказал арестованный.

— Сейчас мы говорим один на один и никакого протокола не ведется. Я вам задал этот вопрос не случайно. Есть русская пословица: «От сумы да от тюрьмы не отрекайся». Она, может быть, в какой-то степени и устарела, но по существу правильная. Бывает такое стечение обстоятельств, которое трудно предвидеть, и человек запутывается. Наш закон это предусматривает и судит строго, по справедливо. Закон дает преступнику возможность искупить свою вину и вернуться в общество. Это зависит от воли и характера... Неужели вам не приходилось думать об этом, когда вы сидели в тюрьме?

— Здесь? — с удивлением спросил арестованный, и этого восклицания Ивану Васильевичу было достаточно, чтобы утвердиться в своем предположении.

— Нет, раньше. Перед войной, — уже уверенно сказал он.

— Откуда вы... Почему вы думаете, что я сидел в тюрьме?

— Да потому, что у меня есть некоторый опыт. Вы, вероятно, считаете себя единственным. Ошибаетесь. Вы не первый и не последний. Нацисты умеют использовать в своих интересах человеческие слабости.

Иван Васильевич говорил, не спуская глаз с лица арестованного. Складка на переносице Казанкова постепенно углублялась, он делал глубокие затыжки, а значит, слушал внимательно и думал.

— До войны у вас была растрата, что ли? — спросил подполковник.

— Да Было такое дело... Проворовался.

— Ну, а кто виноват в том, что вы проворовались?

— Никто... Сам виноват.

— А если виноваты, то надо и отвечать... Вы пришли в эту комнату с намерением молчать. Думаю, что вы даже примирились со смертью. Так?

Арестованный поднял глаза и неожиданно спросил:

— Что я должен сделать, чтобы мне сохранили жизнь?

— Не будем торговаться, — строго сказал Иван Васильевич, — у вас два пути. Продолжать запираяться и этим поставить себя в ряды самых презренных преступников Второй путь — правда. Чистосердечным признанием и полной правдой вы искупите часть своей вины. Суд это примет во внимание.

— Хорошо. Я признаюсь! — твердо сказал арестованный Он хлопнул себя по коленкам и встал, но тотчас же спохватился и, чтобы замаскировать невольный жест, попросил: — Разрешите еще закурить?

— Курите.

Дрожащими пальцами он взял папиросу и сломал две спички, пока закуривал. Иван Васильевич взглянул на часы.

— Хотите есть?

— Не до еды сейчас.

— Почему? Перерыв кончится, и будем продолжать допрос. Придется сидеть всю ночь.

— Ну ладно если можно, поем. Иван Васильевич снял трубку телефона.

— Перерыв можно кончать. Стенографистку на место. Казанкову пришлите поесть.

Когда Бураков и стенографистка вернулись назад, Иван Васильевич сидел откинувшись на стуле, а пальцами постукивал по столу. Глаза его весело блестели. Бураков знал, что начальник обожает музыку и в минуты приподнятого настроения в голове у него всегда какая-нибудь мелодия.

Арестованный сидел сгорбившись, опустив голову на грудь, и даже не поднял ее при их приходе.

3. Допрос продолжается

— При каких обстоятельствах освободили вас из тюрьмы и что вы делали при немцах, расскажете позднее, — начал Иван Васильевич, когда арестованный поел. — Сейчас меня интересует задача, с которой вы приехали в Ленинград.

— В Ленинград меня послали потому, что я здесь жил до войны, — сказал Казанков, глядя прямо в глаза следователю.

— У вас есть родные?

— Здесь живет жена. Хотя я, конечно, не уверен. Может, она уехала или с голоду умерла. —

— Что знали немцы о вашей жене и знакомых?

— Они меня спрашивали подробно обо всех

— Вы им назвали фамилии и адреса?

— Да. Некоторых назвал.

— Кого именно?

Арестованный сообщил несколько адресов и фамилий.

— У вас есть дети? — продолжал Иван Васильевич.

— Нет.

— Люди, о которых вы говорили там, ваши друзья или просто знакомые, сослуживцы?

— Друзьями я не могу считать их. Гуляли вместе, когда деньги были, а когда под суд попал — отшатнулись.

— Больше вы никого не называли там?

— Нет.

— Говорите дальше. Зачем вас послали сюда?

— Послали меня с письмом. Я должен был разыскать одного специалиста, Завьялова Сергея Дмитриевича, проверить, где он живет и где работает, а потом передать письмо. Будто мой родственник привез его из Москвы.

— Дальше?

— Потом надо было сходить в аптеку на Невский, спросить там провизора, по фамилии Шарковский, и сказать ему так: «Григорий Петрович заболел и просил шесть порошков аспирина» На порошках он напишет или отзовет в сторону и скажет, когда и где с ним можно встретиться. Потом я должен ему сказать, что Григорий Петрович зайдет двадцатого ноября, если выздоровеет, и рассказать про письмо... которое привез.

— Что именно рассказать про письмо?

— Ну, как у меня все получилось... Нашел ли я Завьялова, передал ли письмо, живет ли он по старому адресу.

— Все это можно рассказывать своими словами?

— Да.

— Дальше?

— Потом я могу делать что хочу. Искать жену, знакомых... Велели найти всех, кого могу, и восстановить старую дружбу. Денег дали, чтобы угощать.

— Как вы должны были объяснить свое появление в Ленинграде вашим знакомым и жене?

— Объяснить так, что, дескать, выпустили раньше срока из тюрьмы ввиду войны.

— Значит, предполагалось, что вы приехали с Большой земли?

— Почему с Большой земли? — не понял Казанков.

— Ленинградцы так называют всю страну, — пояснил Иван Васильевич.

— Да, да. Мне говорили, — вспомнил арестованный. — Правильно. Нужно было сказать, что я вернулся из Сибири. Будто бы туда меня эвакуировали при наступлении немцев.

— Почему вы выбросили бумажник?

— Мне велели уничтожить письмо, если что-нибудь случится. А письмо я не успел вынуть. Моряк меня захватил врасплох.

Казанков отвечал охотно и даже несколько торопливо, видимо боясь, что его могут заподозрить в неискренности. Иван Васильевич не спускал с него глаз, и малейшее изменение в выражении лица не ускользнуло бы от его внимания. Без сомнения, он говорил правду.

— Что вам сообщили про Завьялова?

— Ничего особенного. Просто приказали передать ему письмо... Разрешите еще закурить?

— Курите.

Пока арестованный закуривал, Иван Васильевич делал пометки на листе бумаги. Бураков сидел плотно сжав губы, стараясь не пропустить ни одного слова. Стенографистка, записывавшая показания, подняла голову и с любопытством разглядывала арестованного.

— Я попрошу вас повторить слово в слово ту фразу, которую вы должны были сказать при явке в аптеку, — продолжал Иван Васильевич.

Арестованный повторил.

— Ее нельзя перефразировать или переставить слова по-другому?

— Нет. Заставили выучить наизусть и несколько раз спрашивали. Это как пароль.

— Так. А все остальное можно говорить своими словами?

— Да. Он уже будет знать, что «свой».

— Дальше. Что вы должны делать после того, как разыщете знакомых?

— После двадцатого числа нужно было прийти опять в аптеку и спросить, какие сведения есть от Григория Петровича? Не заходил ли он к нему?

— К кому?

— К этому... к Шарковскому. Тогда он скажет, где искать или ждать Григория Петровича.

— Дальше?

— Все. Остальное будет приказывать Григорий Петрович. Я должен быть в его подчинении.

Иван Васильевич снова сделал несколько пометок.

— Теперь скажите, кто такой Григорий Петрович. Вы его знаете?

— Видал два раза. Очень серьезный человек.

— Как его фамилия?

— Мальцев.

— А еще как?

— Больше мне ничего про него не говорили. Правда, один раз, когда он проходил по коридору, так мне шепнули: «Тарантул».

— Кто шепнул?

— Один из наших полицаев.

Иван Васильевич переглянулся с помощником, и тот понял начальника.

— Разрешите сейчас сходить? — спросил он вполголоса, наклоняясь к нему.

— Да. Там есть отдельный пакет... — Принести фотографию?

Иван Васильевич кивнул головой, и Бураков ушел в архив разыскивать нужный документ.

— Какой он из себя, этот Мальцев?

— Невысокого роста, широкоплечий... лицо бритое, немолодой. Одет...

— Каких-нибудь особых примет не заметили? — перебил его Иван Васильевич.

— Нет. Ничего такого...

— Кроме Шарковского, вам не давали других адресов? — Нет.

— Ну, а если, предположим, Шарковский арестован или убит снарядом?

— Тогда приказано двадцатого с утра дежурить где-нибудь поблизости, ловить Григория Петровича и предупредить его.

— А если он не приедет?

— Три дня приказано ждать по утрам.

- На чем должен приехать Мальцев? Тоже через залив?
- Нет. Точно я не знаю, но полагаю, что его сбросят на самолете.
- В каком месте?
- Не могу знать, но, наверно, не под Ленинградом. В Ленинград он должен приехать законно.
- Почему вы так думаете?
- Да видите ли... Как-то в прошлом году был у меня разговор с одним полицаем. Раньше, до суда, мы с ним вместе сидели в камере и познакомились. Говорили мы про партизан. Боялись, конечно... Нам от партизан доставалось крепко. Вот он мне и рассказал, что партизаны через линию фронта на самолетах получают боеприпасы... И людей им скидывают на парашютах. Потом и про фашистов рассказал. Немцы, говорит, тоже в советский тыл своих забрасывают. Пятую колонну. Говорил, что есть где-то такое место, куда по ночам самолеты с людьми летают, а назад пустыми возвращаются.
- А где это место?
- Этого он не знал. Ему, видите ли, пришлось некоторое время на аэродроме работать, так он приметил.
- Кто, кроме вас, должен быть еще заброшен в Ленинград?
- Должны приехать, но только после двадцатого, когда Григорий Петрович сигнал даст.
- Расскажите об этом точнее.
- Точнее не могу. Я только догадываюсь, потому что опрашивали многих, кто раньше в Ленинграде бывал. Ну они и проболтались в разговоре между собой. А вообще это все под секретом держат. У них просто. Чуть заподозрили, пуля в затылок — и весь разговор. Они с нашим братом не очень миндальничают.
- О чем вы говорили с Мальцевым?
- Знакомились. Он меня спрашивал про жизнь, про семью, про суд... Человек он серьезный и обстоятельный. Глаза острые... Кажется, всего насквозь видит.
- Он русский?
- Вот не могу сказать. Говорит чисто, не отличишь. Наверно, русский.
- Все, что вы говорите, — правда?
- Все правда. Какой мне смысл сейчас врать?
- Курите, не стесняйтесь, — предложил Иван Васильевич и прошелся по комнате. — Я верю вам, но, конечно, все, что вы сказали, придется проверить.
- Пожалуйста, проверяйте.
- Сколько денег вы получили?

— Тридцать тысяч.

— Они фальшивые?

— Кто их знает... Полагаю, что фальшивые. Уж очень все новые.

Вернулся Бураков и передал начальнику две фотографии. На одной из них Жора Брюнет был снят с отцом, на другой только отец, но в молодых годах, в студенческой форме. Ровно год пролежали фотографии в архиве советской разведки и вот пригодились.

Иван Васильевич передал фотографию арестованному.

— Этого человека вы не встречали там? Нахмутив брови, Казанков уставился на карточку. Поднес ее к свету. Брови его удивленно поднялись.

— Так это же он... Григорий Петрович. Только помоложе. А мальчика не знаю,

— Вы уверены, что на фотографии снят Тарантул?

— Насчет Тарантула не уверен, потому что слышал случайно, а насчет Мальцева Григория Петровича уверен. Это он и есть.

Иван Васильевич взял фото и положил в папку.

— Что вам говорил Мальцев про Завьялова? Вспомните хорошенько.

Казанков подумал, потер рукой лоб.

— Ничего такого... Только чтобы письмо передать.

— Не говорил он вам, что это человек «свой», надежный... или что-нибудь в этом роде?

— Наоборот. Он сказал, чтобы я с Завьяловым вообще ни о чем не распространялся. Если дома его не застану, то это даже лучше. Если домработница есть или дети дома, то письмо отдать им, а самому лучше не показываться старику. Главное, нужно узнать, живет ли он на своей квартире или где в другом месте, и туда передать письмо.

Иван Васильевич посмотрел на часы и встал.

— Так. Я должен уйти. Завтра вызову еще раз. А сейчас допрос будет продолжать мой помощник. Начинайте сначала.

Он собрал записки, кивнул головой стенографистке и ушел в свой кабинет. Здесь он первым делом позвонил по телефону и доложил:

— Арестованный сознался и дал ценные показания. Мы опять встречаемся с Тарантулом... Да. Дело с аммиаком. Казанков узнал его на фотографии. Завтра утром собираюсь к Завьялову, а уж потом разрешите доложить подробно план... Нет. Думаю, что Завьялов ни при чем... Выводов еще никаких.

4. Начальник объекта

В утренние часы, когда рассвет еще только приближался, Ленинград был оживленнее и люднее, чем во все остальные часы дня. Люди торопились на работу. Трамвайные остановки перенесены. Гитлеровцы пристрелялись к ним и часто начинали свои бессмысленные обстрелы в эти часы.

— Живешь, а смерть за тобой по пятам ходит, — пробормотала какая-то женщина па остановке, прислушиваясь к далекой артиллерийской канонаде.

Недалеко раздался звонок, и трамвай вынырнул из темноты. Через единственное стекло около кондуктора, при свете синих лампочек, была видна внутренность вагона. Остальные окна забиты фанерой.

Иван Васильевич вошел в вагон. Он собрался ехать на завод, но по дороге передумал и решил сначала побывать на квартире у Завьялова, адрес которого стоял на конверте. «Может быть, застану дома», — подумал он. Кроме того, в голове созрел интересный план операции, и нужно было самому выяснить возможности его осуществления.

Несмотря на темноту, трамвай бойко бежал, и вожатый только изредка позвякивал на перекрестках, которые угадывал по каким-то ему известным приметам. Синие лампочки под воротами домов, карманные электрические фонарики, приспособленные для регулировщиков, изредка узкие полоски света в фарах встречных автомобилей — это все, что видел вожатый. Остальное — чернота, словно они ехали в туннеле. Удивительнее всего было то, что несчастных случаев, столкновений в эти темные часы было меньше, чем в другое время. Пешеходы на себе испытывали неудобства затемнения и были осторожны.

Иван Васильевич смотрел на пассажиров и думал, что вчера он встречал нарядных женщин, у мужчин были надеты галстуки, а сегодня снова все в ватниках, в старых пальто, на головах простые шапки, платки. Праздник кончился, и вновь начиналась напряженная работа. Некоторые спали, положив головы на плечи соседей, и те не протестовали.

У Самсониевского моста Иван Васильевич сошел и зашагал по набережной. Где-то здесь недалеко жил Завьялов. Он скоро разыскал дом, вошел под ворота и, споткнувшись, остановился. Двор оказался заваленным кирпичом, балками. Было ясно, что сюда упала бомба. Сбоку показался силуэт женщины. Она медленно пробиралась через кучи мусора.

— Скажите, гражданка, здесь кто-нибудь живет?

— В том флигеле живут. А вам кого нужно?

— Где у вас тут управхоз?

— А управхоз во втором дворе. Вот здесь есть тропочка. Идите сюда.

Женщина обстоятельно рассказала, как найти газоубежище, где разместился «объект МПВО» после попадания бомбы. Управхоз был начальником объекта. Там же помещалась и контора жакта. Женщина объясняла так подробно, словно они встретились в дремучем лесу и Ивану Васильевичу предстояло идти по звериным тропам много километров.

Второй двор был заполнен поленицами дров, покрытых сверху старым железом. У входа в жакт горела синяя лампочка, о которой женщина забыла сказать.

В газоубежище, куда спустился Иван Васильевич, было жарко, светло и даже уютно. Столы покрыты белыми простынями, стены побелены. Висели портреты, лозунги. Начальник объекта составляла какие-то ведомости. Это оказалась крупная, полная женщина с мужскими энергичными чертами лица, с грубым голосом.

— Вам чего, гражданин? — спросила она, не глядя на пришедшего.

— Вы управхоз? Мне нужно с вами поговорить.

— Говорите.

— Нас никто не слышит?

При этих словах женщина повернулась всем корпусом и оглядела Ивана Васильевича с ног до головы. Перед ней стоял пожилой мужчина в штатском пальто, в военной фуражке без звезды, в сапогах. Опытный глаз управхоза сразу определил, что перед ней офицер, вернувшийся с фронта или выписавшийся из госпиталя. Пытливые глаза человека пристально смотрели на нее и, казалось, видели больше того, чем она хотела бы.

— Кто вы такой?

Посетитель передал свой документ и сел на табуретку у края стола.

— Говорите смело, товарищ. Нас никто не слышит, — сказала она, возвращая документ.

Иван Васильевич не торопился. Он достал портсигар и угостил управхоза. Она взяла папиросу, нагнулась к «буржуйке», вытащила уголек, прикурила и, продолжая держать красный уголек все теми же пальцами, протянула его Ивану Васильевичу.

— Прикуривайте, товарищ.

— Вы же пальцы сожжете!

— Ничего не будет. У меня на руках подошва. Минуту молчали. Иван Васильевич смотрел на нее и думал, что, наверное, эта женщина физически очень сильная, а судя по манере держаться, независимая и деловая. Задуманный план требовал сотрудничества управхоза, и нужно было определить, в какой мере можно доверять ей тайну.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Мария Андреевна.

— Вы давно работаете управхозом?

— С финской войны.

— Семья ваша здесь?

— Муж на фронте убит под Ленинградом, сын воюет, а две дочери в госпитале работают.

— Вы член партии?

— Беспартийная.

Иван Васильевич положил окурок в пепельницу и медленно спросил:

— Пока что меня интересует следующее... В вашем доме много жильцов?

— По сравнению с прежним — десять процентов. В голодную зиму перемерли, выехали, разбомбило.

— Новых вам не вселяли?

— Есть. Из Московского района переселены.

— Жилые квартиры только на этой стороне?

— Нет. Есть и на той. Дом разрушен слева, а правая сторона в целости. Там кое-где живут.

В это время вошла низенькая женщина в мужском романовском полушубке, с красным обветренным лицом,

— Ну что?

— Марья Андреевна, она говорит, что лопаты не выписывают. Рано еще. Когда снег пойдет, говорит, тогда и выпишем.

— А ты что молчала? — грозно спросила управхоз. — Они знают, когда снег пойдет? Снег по ихнему плану, что ли, пойдет? Иди снова и без лопат не приходи. Скажи этой фитюльке, что, если я сама спикирую на нес, худо будет. Чертова бюрократка! А потом мы же виноваты будем... Тебе же сгрести придется. Понятно? Руками будешь скоблить мостовую. Я не позволю, чтоб на моем участке нынче снег лежал. Понятно? Обязана выписать!

— Она говорит, что лопат хватит, а только нарядов еще не выписывают...

— Должна выписать, если требование есть. Скажи ей, что, если сегодня не выпишет, завтра в «Ленинградской правде» ее продернут. Сама фельетон напишу, если на то пошло. Иди, не разговаривай.

Женщина потопталась на месте и ушла. Начальник объекта повернулась к Ивану Васильевичу и, как ни в чем не бывало, сказала совершенно другим тоном:

— Я слушаю вас, товарищ.

— В седьмой квартире у вас живет Завьялов?

— Нет. Сергей Дмитриевич там не живет. Квартира пустая.

— Почему?

— Взрывной волной сильно трянуло. Все стекла вылетели, штукатурка осыпалась.

— А другие квартиры в округности?

— Вверху живут. Напротив живут. Внизу пустая.

— Почему же квартиру не ремонтируют?

— После войны, говорит, отремонтирую. А то опять снаряд залепит. Многие так делают. Одну-две комнаты сохраняют, топят, и ладно... Не знаю, что с водопроводом делать. Заморозят.

— А ремонт в квартире сложный?

— Да как вам сказать... Недели на две, если по-настоящему.

— Он платит за квартиру?

— А то как же. Человек аккуратный.

— Квартира закрыта?

— Закрыта. Ключи у меня. Мы там водопровод чинили.

— А кто живет напротив?

— Там временные. Две женщины переселены из Московского района.

— Значит, квартира занята?

— Одна комната свободна. Если вам квартира нужна, так у меня хороших сколько угодно.

— Нет. Дело не в этом. Пойдемте посмотрим квартиру Завьялова.

— Можно.

Управхоз достала из шкафа ключи, и они вышли во двор. На улице было уже сравнительно светло, и стало видно, какое разрушение нанесла бомба. Левая половина дома рухнула и завалила обломками весь двор. Стена, примыкавшая к соседнему дому, устояла. Местами на разной высоте к ней прилепились печки. Квадраты комнат были расцвечены обоями, краской и создавали впечатление театральной декорации — дома в разрезе. Правая половина дома уцелела. Вид окоп, забитых светлой фанерой, с черневшими форточками, отлетевшая штукатурка действовали угнетающе. Казалось, что дом нежилой, холодный и может в любую минуту обвалиться.

— Много народу погибло? — спросил Иван Васильевич оглядываясь.

— Не очень. Бомба упала днем, все на работе были. Теперь в Ленинграде бездельников мало...

Они поднялись на площадку третьего этажа и остановились перед дверью, которая была обита черной клеенкой.

5. Сергей Дмитриевич

Лаборатория помещалась недалеко от конторы. Директор завода приоткрыл низенькие широкие ворота и жестом пригласил спутника войти. По середине длинного коридора были проложены рельсы узкоколейки, по сторонам — много дверей.

— Живет он здесь, — пояснил директор, останавливаясь против одной из дверей, и постучал.

— Войдите! — послышался молодой голос. Большая комната — бывшая кладовая — имела сейчас вполне приличный и жилой вид. Удобная мебель, письменный стол, кровати, книжные шкафы, картины. В маленькой плите, наскоро сложенной из кирпича, уютно потрескивали дрова, а в кастрюльках что-то варилось. Стены побелены, и только железные решетки в окнах выдавали

прежнее назначение комнаты. За письменным столом сидел юноша в матросской тельняшке и что-то чертил.

— Коля, а где Сергей Дмитриевич? — спросил директор.

Юноша встал и, сконфужено улыбаясь, быстро надел морской китель.

— Папа в лаборатории.

— С сестрой?

— Да. Они с утра чего-то стряпают.

— Это сын Сергея Дмитриевича, — познакомил директор своего спутника с юношей. — Моряк. В недалеком будущем капитан дальнего плавания.

— Очень рад. Люблю моряков. Сколько же вам лет? — спросил Иван Васильевич.

— Восемнадцатый.

— Вы учитесь?

— Да. В учебном комбинате Балтфлота.

— А вы, случайно, не знаете Мишу Алексева?

— Знаю. Но мы по разным специальностям. Он на механическом, а я на судоводительском.

— Хороший парень. Правда?

— Вообще да, — согласился Коля. — Серьезный. Но я мало его знаю.

В лаборатории стоял туман с удушливо-кислым запахом, от которого першило в горле. Химик возился около электропечи, а на полу сидела дочь и что-то растирала в фарфоровой чашке.

— Папа, имей в виду, если она опять рванет, ты спалишь себе глаза, — предупредила девочка.

— Ни в коем случае... Абсолютно уверен... На сто пять процентов уверен, — говорил ученый, просовывая щипцами в печь маленькую посуду.

Иван Васильевич внимательно следил за работой химика. Это был высокий, сухой старик в больших роговых очках. Седые волосы на голове открывали широкий лоб, а узкая бородка удлиняла лицо, и оно было похоже на неправильный треугольник. Старик был в одной рубашке с засученными рукавами выше локтя. Заметив вошедших, он спустил очки на кончик носа и взглянул вверх них.

— А-а... Валерий Кузьмич. Извините, я вас не заметил.

— Здравствуйте, Сергей Дмитриевич. Я еще не видел сегодня вас. Знакомьтесь. Это товарищ из Ленсовета к вам по делу.

— Очень приятно. Очень, очень, — приветливо сказал ученый и крепко пожал руку Ивана Васильевича.

— Как успехи? — спросил директор.

— Нашел, Валерий Кузьмич. Нашел заменитель, но только сильно детонирующий. Что-то надо делать. Да. Надо делать, делать. Вот поставил еще пробу. Это уже триста тридцать пятая.

— Значит, можно считать...

— Нет, нет... подождите считать, — перебил его Завьялов. — Этот считать нельзя. Никак нельзя. Саперы на фронте народ аховый... Сами могут подорваться. Не могу на свою совесть такую ответственность взять. Да, не могу.

— Ну что ж... Время терпит. Подождем.

— Да, да. Вы лучше подождите, а я потороплюсь.

— Папа, долго еще мешать?

— Мешай, Аля. Чем больше, тем лучше.

— Мы, кажется, не вовремя пришли? — спросил Иван Васильевич. — Вы заняты?

— Наоборот. Очень вовремя. Очень, очень. Пойдемте ко мне, а то здесь воздух такой... с непривычки трудно дышать. Но должен вас предупредить, что весьма полезно... Сильно очищает легкие. Да, да. Очень сильно. Прошу вас. Я здесь и проживаю... Они вышли в коридор.

— Сергей Дмитриевич, я вас оставлю. Вы поговорите с Иваном Васильевичем. Меня в конторе ждут.

— Пожалуйста, пожалуйста. Ничего не имею против. Проходите, Иван Васильевич. Очень рад видеть у себя гостя, — говорил ученый, входя в комнату. — Ну-ка, Колюша, устрой нам по стакану чайку.

— Мне некогда, папа. Скажи Але.

— А ты уходишь?

— Да.

— Ну, тогда я сам. Вот видите, Иван Васильевич. Дети взрослые, спорить бесполезно. Когда росли, думал — на старости помощники будут, — говорил добродушно химик. — А выходит все наоборот. Да, да. Наоборот. Этот в моряки, а дочь в консерваторию метит. Что с ними делать! В химии, говорят, романтики нет. Сухая наука.

С этими словами Завьялов налил два стакана крепкого чая и поставил на стол. Коля надел шинель, взял долевую сумку с учебниками и направился к выходу.

— Я пошел, папа! Приду поздно, — сказал он, закрывая дверь.

— Прошу вас за компанию. Вот сахар, конфеты. А может быть, вы есть хотите? — спохватился старик.

— Нет. Спасибо, Сергей Дмитриевич. Я сыт,

— А вы не стесняйтесь. В такое время живем. А? Каши хотите? Овсяная каша. Великолепная вещь, я вам скажу. В мирное время мы ее недооценивали. Положить? А?

— Нет, нет. стакан чая выпью с удовольствием.

— Ну, как желаете. А то бы съели? А? Иван Васильевич решительно отказался и, пользуясь тем, что они остались вдвоем, приступил к разговору.

— Сергей Дмитриевич, знаете, где я сейчас был? На вашей квартире.

— Да что вы говорите! Ну и как? Опять бомба или снаряд?

— Нет. Я думаю, что отремонтировать ее надо.

— Надо, надо, — вздохнул ученый. — Да ведь как сейчас отремонтировать? Рабочих нет, материала нет. А кроме того, боюсь я, что они опять залепят какую-нибудь неприятность. Такой дом у нас хороший был. Обидно.

— Вот я главным образом к вам за этим и пришел. Мы решили вам отремонтировать квартиру. Вы много делаете для войны, много работаете...

— Что вы, что вы, Иван Васильевич! Мало делаю. Надо больше, да сил нет. Хочешь не хочешь, а, к сожалению, спать приходится ежедневно... Столько времени зря пропадает! И сон у меня, знаете ли, паршивый. Стыдно сознаться. Как закрою глаза, так и аминь. Обязательно кто-нибудь разбудить должен, — с огорчением признался химик. — Сам не понимаю, где я научился так крепко спать.

— Это хорошо, — с улыбкой сказал Иван Васильевич. — У меня наоборот. Сонные порошки иногда принимаю. Так вы не возражаете, Сергей Дмитриевич? Ремонт мы сделаем в самое ближайшее время.

— Конечно, я рад. Очень рад... Но может быть, не следует сейчас людей отрывать на такие пустяки? Я здесь обжился, привык.

Ивану Васильевичу нравился Завьялов. В каждой фразе его было много искренней, почти детской непосредственности. Такой человек не мог быть двуличным. Однако письмо Тарантула было адресовано ему и требовало особой осторожности. Поговорив о ремонте и получив согласие Завьялова, подполковник попросил ключ от квартиры.

— Ключ? — переспросил химик. — Одну минутку. Где же у нас ключи? Ах, да! Свой ключ я отдал Марии Андреевне. Это наш управхоз и начальник обороны дома. Великолепная женщина! Превосходная! Я напишу ей записку, а вы... если это не затруднит вас, возьмите у нее ключ. Она вам все покажет и расскажет.

— Так уж мы тогда будем хозяйничать в вашей квартире по своему усмотрению, Сергей Дмитриевич. Доверяете?

— Пожалуйста, пожалуйста. Кроме мусора, там ничего и нет. Книги я перевез... Все, что нужно было, тоже здесь. Я бы сам помог, но времени у меня мало.

— Нет, уж вы лучше сделайте взрыватель.

— Вот, вот...

Ученый написал записку управхозу и отдал ее гостю. Иван Васильевич подробно расспросил, в какой цвет красить стены в квартире, уточнил план расположения комнат и их назначение и заговорил о детях.

— Значит, дочь ваша тоже не собирается идти по стопам отца? — спросил он.

— Нет, нет. К сожалению, нет... Перед самой войной вдруг надумала в консерваторию. Музыка. музыка... Профессия отцов не увлекает. А может быть, я и сам в этом виноват. Не сумел увлечь...

— Я когда-то собирался учиться на химическом.

— Да что вы говорите! Ну и как?

— Не вышло. Жизнь судила иначе. Вы, случайно, не знаете Мальцева Григория Петровича? — неожиданно спросил Иван Васильевич.

— Мальцева? Позвольте... Где-то я слышал такую фамилию.

Ученый нахмурил брови и задумался. Иван Васильевич напряженно следил за выражением его лица.

— Ах, Мальцева! — вдруг вспомнил химик. — Ну как же! Знаю, конечно. Превосходный человек. Умница. Знающий. Ну как же, как же, отлично знаю.

— И давно вы с ним знакомы?

— Нет. Познакомились перед войной. Был я в доме отдыха ученых. Вместе отдыхали и познакомились. Он москвич. Григорий Петрович Мальцев! Как же это я забыл? Очень знающий человек. Собирался ко мне в гости приехать, да война помешала.

— Он как будто в Ленинграде был в прошлом году.

— Неужели! Что же это он не зашел?

— А впрочем, я не уверен. Мне говорили, что видели его, но могли и обознаться.

— Обознались, Иван Васильевич, обознались. Он бы непременно зашел ко мне. А скорей всего просто остановился бы. С гостиницами сейчас трудновато... А я его приглашал.

— А разве он у вас никогда не бывал? — спросил Иван Васильевич и покосился на бушлат, висевший в углу.

— Нет. Весной сорок первого года мы познакомились в доме отдыха, и с тех пор о нем ни духу ни слуху.

— Сергей Дмитриевич, а вы отдыхали с детьми? — прямо спросил Иван Васильевич, видя, что ученый ничего не подозревает. — Я хотел узнать: видел ли Мальцев ваших детей?

— Ну что вы! Детям в доме отдыха, да еще ученых, — скука! Они у меня каждое лето в деревне у тетки жили. Она там в совхозе коровами командует. Зоотехник. Там у нее раздолье. Лес, озеро... А вы давно знаете Мальцева? — спросил Завьялов.

— Давно, — ответил Иван Васильевич. — Честно говоря, я на него сердит. Он меня как раз и отговорил химией заниматься.

— Неужели! Но похоже на него. Такой энтузиаст. Такой способный химик. У него, говорят, есть интересные работы.

— А какие именно?

— Как будто о нефти. Точно я не могу сказать. Предположение Ивана Васильевича подтверждалось. Завьялов был нужен Тарантулу как ширма, за которую он мог прятаться. Квартира уважаемого ученого была вне подозрений, и вряд ли Тарантула стали бы там искать. Кроме того, туда могли приходиться люди под различными предложениями с завода, из института, и это было бы вполне естественно.

Теперь оставалось тщательно продумать план в мелочах и заняться встречей Мальцева. Все складывалось удачно.

6. План приводится в действие

Временами налетал ветер, ударялся о стены домов, сворачивал, путался в улицах, кружился и хлестал мокрым снегом вперемешку с дождем. Холодные капли скатывались по щекам, текли по подбородку за воротник. Пешеходы, нахлобучив головные уборы, поднимали плечи и шли боком, подставляя ветру наиболее защищенные места.

В такую погоду немцы не стреляли.

В аптеку на Невском проспекте зашел среднего роста мужчина в брезентовом плаще и огляделся.

Единственное окно, оставшееся незаколоченным, пропускало немного дневного света. Возле окна стояла будочка-касса. Налево, в углу, был построен пулеметный «дот», амбразура которого заткнута тряпками. Прямо перед ним — шкафы и прилавок. Налево, за стеклянной перегородкой, полная женщина в белом халате писала рецепты и, закончив писать, каждый раз громко хлопала тяжелым пресс-папье. Кассирша читала книгу.

Неторопливо сняв и стряхнув мокрую кепку, мужчина подошел к рецептару.

— Давайте. Что у вас? — сказала женщина, протягивая руку.

— Мне нужен товарищ Шарковский.

Женщина взглянула на посетителя и молча вышла за стеклянную дверь, через которую виднелись этажерки с массой всевозможных бутылок. Скоро она вернулась и, ни слова не говоря, опять принялась писать и хлопать по столу. Мужчина ждал. Минут через пять стеклянная дверь распахнулась, и маленький старичок со множеством морщин на лице, в пенсне, стремительно выбежал к прилавку.

— Вы меня звали?

— Если вы товарищ Шарковский, то да.

— В чем дело?

— У меня к вам поручение. «Григорий Петрович заболел и просил шесть порошков аспирина», — сказал спокойно посетитель.

От неожиданности Шарковский вздрогнул, но сейчас же взял себя в руки и забормотал:

— Какая неприятность! Надеюсь, ничего серьезного? Простудился, что ли... Такой здоровый человек... Подождите минутку.

Ждать пришлось недолго. Старичок скоро вернулся с пакетиком. Попросив у полной женщины вставочку, он сделал на пакете надпись и прошел в конец прилавка. Мужчина подошел к нему.

— Вот здесь порошки, — сказал Шарковский тихо, передавая пакет. — Seriously он заболел?

— Числа двадцатого ноября зайдет сам, если, выздоровеет, — так же тихо сказал посетитель. — Передайте ему, что письмо я отнес по старому адресу. Скажите, что все в порядке, без изменений.

— Хорошо. Вы давно в городе? — еще тише спросил старик. — На праздники приехал.

— Пластинок не привезли?

— Каких пластинок? — не понял посетитель.

— Патефонных.

— А-а... Нет. Кроме письма, ничего.

— Как вы устроились?

— Ничего устроился. Все в порядке.

— Заходите вечерком. Адрес на пакете.

— Занят я сильно... Но постараюсь. Можно идти?

— Идите, идите... Посетитель сунул пакет в карман и неторопливо вышел из аптеки.

* * *

По набережной Невки, недалеко от Самсониевского моста, шел в мятой шинели, без погон, молодой человек на костылях. По всему было видно, что к костылям он еще не привык и ноги переставлял неуверенно. Ему особенно доставалось от непогодицы. Снегом залепило всю правую сторону тела, но он мало обращал на это внимания.

Свернув в ворота большого, снаружи красивого дома, инвалид остановился. Весь двор был завален мусором. Он долго стоял в раздумье, не решаясь лезть на кирпичи. За спиной послышался шум. Крупная женщина со стареньким портфелем под мышкой топала ногами, отряхивая приставшую грязь.

— Чтоб им всем пусто было!.. — бормотала она, вытирая мокрое лицо ладонью. — Вы сюда, товарищ? Или от снега спрятались? — спросила она, увидев инвалида.

— Сюда. Да вот не знаю, как эти препятствия одолеть.

— А вам в какую квартиру?

— Как следует и сам не знаю. Получил ордер, так надо к управхозу сначала.

— Ага. Я управхоз. Давайте ордер. Мария Андреевна взяла протянутый ордер, взглянула на него и обрадовалась.

— Нашелся! Мне вчера в Жилотделе сказывали. Все поджидала. Вы из госпиталя? Повремените маленько...

Она ловко перебралась по кирпичам к окну первого этажа и забарабанила кулаком по раме. Из парадной выскочила испуганная женщина невысокого роста.

— Я тут, Марья Андреевна!

— Ну-ка, помоги товарищу в тридцать третью квартиру подняться.

— Чичас!

Женщина скрылась в подъезде, но, пока управхоз добиралась до инвалида, она снова появилась в полушубке и шерстяном платке.

— У вас тут хуже, чем на фронте, — сказал инвалид. — Мало того что осколком, а еще и кирпичом, стеклом поранить может.

— И не говори! Как только от страха живая осталась.

Инвалид с улыбкой взглянул на управхоза. Чувство страха не шло к этой мощной фигуре и грубому голосу.

Подошла дворник, и они вдвоем, подхватив инвалида под руки, легко перенесли через кучи мусора, а затем и по лестнице на третий этаж.

Здесь управхоз так же бесцеремонно забарабанила кулаком в дверь тридцать третьей квартиры.

В квартире напротив дверь была открыта, и оттуда, как пар, летела белая пыль извести.

— Тут завод квартиру ремонтирует, — пояснила управхоз. — Ваша комната в порядке. Даже одна половинка окна со стеклами.

В это время за дверью послышался шум и женский голос:

— Кто там?

— Это я, управхоз. Открывайте.

Дверь открыла немолодая, худощавая женщина.

— Ну вот... Жаловалась, что без мужчин страшно, — сказала управхоз. — Вот вам и мужчина, да не простой, а герой. Инвалид Отечественной войны. Смотрите не обижайте.

— Да что вы, Марья Андреевна, как можно! У нас мужья на фронте, а вы такие слова...

— Ладно. Не каждое лыко в строку.

Открыли запечатанную комнату. Управхоз составила акт на мебель, оставшуюся после эвакуированных, и взяла с нового жильца расписку «о временном ее хранении». Затем объяснила, как, когда и где ее можно застать, и, пожелав всего хорошего, ушла.

Инвалид остался с двумя соседками.

В эти дни в Ленинграде было мало инвалидов, и для рабочих женщин, перенесших столько страданий, переселенных из другого района, потерявших родных, новый жилец явился как нельзя кстати. Доброе и жалостливое сердце русских женщин искало и нашло выход для деятельности. Не успел он оглянуться, как на столе уже стоял кипящий чайник и скромная закуска. Молодость инвалида и костыли особенно трогали женщин. Они наперебой предлагали свою помощь.

— Спасибо вам большое, но я устал и хочу спать. Вечерком поговорим, а сейчас ничего не соображаю, — сказал он, пересаживаясь на диван.

Видя, что у него, кроме шинели, ничего нет, женщины принесли подушку и одеяло, и на этом заботы до вечера кончились.

* * *

Во второй половине дня погода немного улучшилась. Ветер дул ровнее, дождь перестал, а снежинки стали легкими и, прежде чем лечь на землю и растаять, долго кружились в воздухе, выбирая себе место.

Сергей Дмитриевич Завьялов только что пообедал с дочерью и готовился к очередному опыту, когда зазвонил телефон.

— У телефона Завьялов!

— Сергей Дмитриевич, зайдите, пожалуйста, ко мне, — услышал он голос директора завода.

— Сейчас?

— Да, если можно.

Завьялов проворчал что-то насчет уплотнения рабочего дня и отправился в контору. Директор встретил его улыбкой.

— Садитесь и не сердитесь. Вопрос очень важный. Вам придется поехать с главным инженером в Москву. Ученый нахмурился.

— Зачем?

— С докладом в главк.

— Вот новость! — удивился Завьялов. — Как же это так... Вдруг?

— Ошибаетесь, Сергей Дмитриевич, совсем не вдруг, а дней через пять-семь.

— А как же мой взрыватель?

— Вот главным образом из-за него и поедете. Там узнаете последние новости нашей техники и выясните все возможности. На складе у нас все равно мало сырья.

— Это другой вопрос. Для этого мое присутствие в Москве не обязательно. Существует отдел снабжения.

— Сергей Дмитриевич, ваш авторитет имеет большое значение. Если вы лично поговорите с начальником...

— Понятно... Да-а! Не ждал, не ждал.

— Вы же собирались летом в академию.

— Это все не то. Меня смущает доклад. Значит, надо готовиться.

— Что ж, время есть. Машинистку я вам дам. Ученый погладил бородку и сделал последнюю попытку отказаться.

— Неужели без меня нельзя обойтись?

— Никак. Мы долго ломали голову, кого послать. Не хотелось вас отрывать от дела, но сами понимаете, как это сейчас важно.

— Вообще-то говоря, если прикинуть, это и неплохо. Совсем неплохо, — сказал задумчиво химик. — Это верно, что нельзя вариться в собственном соку столько времени. Я уже три года никуда не выезжал. Да. Три года без месяца. В химии много нового — это естественно. Научная мысль работает сейчас напряженно... а печатают мало. Ну что ж. Если надо, — значит, надо. Придется ехать. Пишите командировку, Валерий Козьмич. А на чем я поеду? — На самолете.

— На самолете! Да что вы! — удивился ученый и Неожиданно заключил: — Я не умею прыгать на парашюте. Ни разу не прыгал. Директор усмехнулся.

— В сорок первом году, — сказал он, — жена мне рассказывала, как в очереди одна гражданка утверждала, что фашист на парашюте к ним на крышу спустился, посмотрел, что ему нужно было, и опять улетел. Своими глазами, говорит, видела.

Завьялов расхохотался.

— На парашюте улетел? Чудесно! Это надо ребятам рассказать.

Наметив в общих чертах план доклада и записав ряд вопросов, которые следовало «подработать» до отъезда, а потом выяснить в Москве, они расстались, довольные друг другом.

* * *

Вернувшись с задания, Трифонов поднялся к себе и позвонил начальнику.

— Товарищ подполковник, докладывает Трифонов, — сказал он, услышав в ответ знакомый голос. — Только что прибыл.

— Все благополучно? — спросил Иван Васильевич.

— Как будто бы да.

— А что значит «как будто»?

— Есть тут одна непредвиденность...

— Зайдите.

На Иване Васильевиче был надет штатский костюм, местами перемазанный мелом. Он только что побывал на квартире Завьялова, где производился ремонт, и не успел привести себя в порядок. Звонок помощника сильно его встревожил.

Когда Трифонов вошел в кабинет и положил на стол порошки, полученные от аптекаря, Иван Васильевич отодвинул пакет в сторону.

— Ну, что у вас такое? — спросил он.

— Разрешите по порядку?

— Нет. Сначала скажите, что за «непредвиденность», как вы выразились.

— Шарковский меня спросил, не привез ли я патефонных пластинок. Я ответил, что нет. Сказал, что, кроме письма, ничего не привез.

— Ну и дальше?

— А больше ничего. Приглашал заходить вечерком.

— Та-ак! — протянул Иван Васильевич. — Пластинки? Отлично помню, что о пластинках Казанков ничего не говорил. Я просматривал весь протокол. Это что-то новое. Ну, а теперь садитесь и рассказывайте все по-порядку.

Выслушав подробный отчет о посещении аптекаря, Иван Васильевич сверил адрес, написанный на пакете, с имеющимся у него.

— А ведь Шарковского-то Мы прохлопали, товарищ Трифонов. Это матерый шпион. Я получил очень любопытные материалы...

— Да, старичок, по-видимому, опытный, — согласился Трифонов.

Иван Васильевич вынул из пакета порошки, развернул один из них и понюхал.

— Аспирин, — медленно произнес он, думая о чем-то другом. — О пластинках я сам выясню. Сейчас вам нужно будет подумать о сигнализации в квартире Завьялова. Звонок не годится. Какой-нибудь спокойный гудочек... Через площадку лестницы проводить его нельзя. Мальцев может заметить.

— Разрешите предложить?

— Ну?

— Под видом старой антенны! Выведем через окно наружу, соединим на крыше, а другой конец к Буракову.

— Н-не знаю... Посмотрите на месте. Над вторым этажом там протянуты электрические провода. Может быть, замаскировать в них? Но лучше сами посмотрите.

Трифонов внимательно слушал и наблюдал за каждым движением начальника. Он чувствовал, что все это подполковник говорит и делает механически, а голова его занята какой-то другой мыслью.

И он не ошибался. Иван Васильевич думал о самом главном, отчего зависел весь его план.

— Послушайте, товарищ Трифонов, — дружески обратился он к помощнику. — У вас нет знакомой девочки лет пятнадцати? Умной, смелой, находчивой и хорошо бы с музыкальными способностями?

Все помощники Ивана Васильевича знали о плане своего начальника, думали о нем, обсуждали, критиковали его неоднократно, и поэтому Трифонов сразу понял вопрос.

— На место Али? — спросил он,

— Да.

— Есть одна... племянница, но она не годится, товарищ подполковник, — подумав, ответил он и сразу пояснил: — Паникерша. Чуть что — сейчас визг поднимает. Аля, как вы говорили, профессорская дочка... читала много, и все такое. А эта нет... не подойдет! У соседки есть дочь, но чересчур болтливая. Такая тараторка! Всех заговорит.

— Н-да... такие не годятся, — согласился Иван Васильевич. — Можно, конечно, сказать, что девочка эвакуирована к тетке в деревню, но это не то. Лишний человек в квартире нам очень нужен. Алексеев по вечерам будет учиться.

— А что, если сама Аля согласится?

— Нет. Я уже думал об этом. Слишком большой риск. Отношения между ними должны быть родственные. Брат и сестра. Она будет стесняться Алексеева, и вообще они очень разные...

— Так, может быть, у него самого есть знакомая? — спросил Трифонов.

Иван Васильевич поднял голову, пристально взглянул на помощника и улыбнулся.

— Вот об этом я не подумал... Это действительно хорошая мысль. Надо узнать... До приезда Мальцева времени у нас еще много.

В это время за окном раздался вой сирены. Иван Васильевич включил репродуктор, несколько секунд слушал этот волнующий звук, затем выдернул вилку.

— Погода прояснилась. Летят, — сказал он.

— Это какой-нибудь корректировщик. Бомбардировщиков на нашем фронте нет, — заметил Трифонов.

— А кто их знает. Сегодня нет, а завтра могут быть...

Воздушные тревоги в сорок третьем году в Ленинграде объявлялись редко. Превосходство в воздухе полностью перешло к Советской Армии, и гитлеровцы направляли свои самолеты только в самые ответственные места фронта.

7. Лена Гаврилова

«Ленинградскую правду» получали ежедневно, вывешивали на большом щите в раздевалке, и в свободное время возле нее всегда собирался народ.

— Приказ! Какой город, девочки? — нетерпеливо спрашивали входящие мастерицы.

— Фастов.

— А где это?

— На Украине, за Киевом.

— А большой это город? Кто знает?

— Наверно, большой. Недаром же приказ...

Лена Гаврилова стояла среди работниц и со счастливой улыбкой слушала эти разговоры. Седьмого ноября Советская Армия разгромила гитлеровские войска под Киевом и освободила столицу Украины. Сегодня Фастов... А где-то впереди есть день, когда прогонят фашистов из-под Ленинграда. Каждую победу Советской Армии Лена воспринимала так, словно лично участвовала в боях за освобождение Киева, Фастова и других городов. Но разве это не так? Разве она не отдает все силы для победы? Разве она не работает наравне со взрослыми и ни в чем не уступает опытным мастерицам? За последний год она получила три благодарности, две премии...

— Гаврилова тут? — услышала она голос табельщицы и оглянулась. — Лена, иди скорей к заведующей. Срочно вызывают.

Анна Захаровна руководила мастерской давно и отлично знала всех работниц. Знала их характеры, способности, бытовые условия, семейное положение и, прежде чем вызвать Лену Гаврилову, дала подполковнику государственной безопасности подробную характеристику девочки.

— Родных у нее в Ленинграде нет. Круглая сирота, — ровным голосом говорила она. — Отец на фронте, но никаких сведений от него нет. Неизвестно, жив ли он...

Иван Васильевич не перебивал. Со слов этой высокой, сухощавой, немолодой женщины можно заключить, то Лена Гаврилова заслуживает доверия, но ему казалось, что заведующая любит девочку и относится к ней пристрастно.

— Я не знаю, зачем вам понадобилась Лена, — продолжала Анна Захаровна, — но должна сказать, что мне очень жаль расставаться с ней. Девочка у меня работает если и не лучше всех, то не уступает лучшим. Все мы относимся к ней, как к родной дочери.

— Мы ее долго не задержим, — успокоил Иван Васильевич. — К Новому году она вернется обратно на работу.

— Но может быть, вам порекомендовать кого-нибудь другого? — настаивала Анна Захаровна. — Постарше. Она же совсем ребенок...

— Нет. Заменить ее невозможно.

— Мне, конечно, трудно судить... И у вас такое дело... как бы это сказать... вне всякой очереди. Вы с ней будете сами разговаривать?

— Да. От вас нужно только согласие. В дверь постучали, и, после разрешения, в комнату вошла Лена. Она вопросительно взглянула на Анну Захаровну, посмотрела на незнакомого мужчину и встретилась с пристальным, изучающим взглядом.

— Вы меня звали, Анна Захаровна? — опустив глаза, тихо спросила Лена.

— Да. Садись вот на этот стул и не смущайся. Лена подошла к указанному стулу, села, поправила платье, все время чувствуя на себе пытливый взгляд мужчины. «Чего ему надо? Кто он такой?» — подумала она, не решаясь поднять глаза.

— Леночка, тебе хотят поручить серьезное и ответственное дело, — каким-то необычно строгим тоном произнесла Анна Захаровна. — Если ты способна... если ты справишься и согласна взять на себя такую ответственность... — она остановилась и со вздохом закончила: — Я ничего не имею против.

— Какое дело, Анна Захаровна?

— Об этом ты поговоришь с Иваном Васильевичем... Ну, а я вас пока оставлю...

Она встала и, погладив девочку по голове, вышла из комнаты.

— Давайте познакомимся, Лена, — сказал мужчина, поднимаясь и протягивая ей руку. — Зовут меня Иван Васильевич, ну а вы можете называть Меня дядя Ваня.

Лена подняла глаза, и все ее смущение исчезло. Перед ней был совсем другой человек. Приветливая улыбка, доброе выражение глаз, седые виски — все это располагало к себе. Она невольно улыбнулась в ответ, встала и подала руку.

— Скажу вам по секрету, что у нас есть один общий знакомый... даже друг. Я, во всяком случае, считаю его своим другом. Думаю, что и вы с ним дружите.

— А кто?

— Это секрет. Вам можно доверять секреты? — лукаво спросил Иван Васильевич.

— Конечно можно.

— Ну, а если вы подругам разболтаете?

— Нет... Я не люблю болтать, — просто сказала девочка. — Но если вы боитесь, то лучше не говорите.

— А разве вам не интересно?

— Конечно интересно, но что же делать?.. Вдруг на самом деле разболтаю, — с сожалением призналась Лена.

Иван Васильевич засмеялся и пересел на стул рядом.

— Это хорошо, что вы так откровенно... Я приготовил для вас много всяких секретов, и нам нужно договориться. Анна Захаровна говорила мне, что вы патриотка, много работаете для победы, любите свою работу... Думаю, что вы нас не подведете и никому не проболтаетесь... Так?

— Конечно. Зачем же я буду говорить, если нельзя? Иван Васильевич был в затруднении. По работе ему никогда не приходилось иметь дело с девочками, но почему-то он считал, что все они любопытны, болтливы и не могут хранить тайны. Лена ему нравилась. Все движения были сдержанны, и она казалась серьезной, неглупой девочкой.

— Мишу Алексева вы знаете? — неожиданно спросил он.

На лице Лены появилась краска смущения, но она не опустила глаз.

— Да. Мы с ним знакомы, — серьезно ответила она.

— А как вы к нему относитесь?

— Обыкновенно, — еще больше краснея, сказала Лена.

— А мне казалось, что вы друзья.

— В общем да. Он хороший мальчик...

Иван Васильевич видел, что Лена сильно смутилась, и чем пыливее, чем пристальнее он смотрел, тем ярче пылало ее лицо, глаза становились влажными. Казалось, еще немного — и она расплачется. Он вспомнил, что и Миша смутился не меньше, когда он попросил его назвать знакомую девочку, которой доверяет.

— Видите ли, в чем дело, Лена, — сказал Иван Васильевич после некоторого раздумья. — Мише Алексееву мы поручили одно серьезное и ответственное дело... Буду говорить вам откровенно. Опасное дело. Ему нужен помощник, вернее, помощница... Именно поэтому я и решил обратиться к вам с просьбой... Вы меня понимаете?

По мере того как Иван Васильевич говорил, смущение исчезало, румянец на лице девочки таял, брови хмурились.

— Вы думаете, что я могу? — тревожно спросила она. — Конечно, я с радостью... но вдруг я не сумею?

— Особого умения тут не требуется. Нужна воля к победе, выдержка, немного хитрости, а главное — желание.

— А кто вы такой? Вы из военных?

Иван Васильевич насторожился. Сюда он пришел в штатской одежде и одевался, как всегда, очень тщательно. Ботинки, костюм, пальто, кепка... Почему же девочка задала ему такой вопрос и почему в топе ее была уверенность?

— А из чего вы заключили, что я военный? — спросил он. — Разве я похож на военного? — Нет, но, наверно, вы были раньше военным, — с улыбкой ответила она,

— Но почему вы так думаете?

— Потому что вы... Недавно к нам приезжали офицеры на праздник... У нас было торжественное заседание... Вот и вы держите свою кепку тоже, как они — фуражки...

Иван Васильевич взглянул на свою кепку, которую держал за козырек на полусогнутом локте руки, и расхохотался. Привычка взяла свое, и это не ускользнуло от внимания девочки.

— Какая вы наблюдательная, Леночка! — похвалил он. — Это очень хорошее качество... Великолепное качество. Да, вы не ошиблись, я действительно военный...

Теперь все сомнения исчезли. Иван Васильевич решил, что Лена Гаврилова очень подходит для задуманной операции и безусловно справится с задачей. Оставалось как можно проще и подробнее рассказать, какая помощь от нее нужна, и получить согласие.

8. Каратыгин

Майор государственной безопасности Каратыгин Константин Потапыч вернулся с фронта. Доложив начальнику о результатах поездки, он спустился в свой кабинет и занялся разборкой документов. Через несколько минут в дверь постучали.

— Кто там еще? Влезайте! — сердито крикнул он, но, увидев вошедшего, приветливо улыбнулся. — Ты что, Иван? Соскучился?

— Соскучился, Костя, — сказал Иван Васильевич, крепко пожимая руку своего старого друга. — Беспокоился... Долго ты...

— Ничего не поделаешь. Такой клубок запутали. Провокацией занимаются, мерзавцы. И так бесцеремонно... Чувствуют, что скоро им конец. Начинают кричать «капут»... Откуда они это словечко подцепили? «Гитлер капут!» — передразнил он кого-то. — Ну, а у тебя как?

— У меня? — переспросил Иван Васильевич, усаживаясь в кресло. — У меня серьезное дело. Готовлю встречу. Послушай, Костя, ты ведь когда-то бил педагогом? — неожиданно обратился он к майору.

— Ну, что ты выдумал, какой я педагог!

— Ты же сам рассказывал.

— По приказу Дзержинского работал в колонии с правонарушителями. Но когда это было!

— Все равно...

— Что значит — все равно? Зачем это тебе понадобилось? — подозрительно спросил майор.

— Хочу тебя просить...

— Сгинь, сгинь, Иван! — перебил его Каратыгин. — И слушать ничего не хочу! Мне приказано в баню, затем побреюсь — и спать. Двое суток буду спать... Устал я, голубчик.

Иван Васильевич спокойно выслушал протест и невозмутимо продолжал;

— Вот, вот... Я как раз и хочу предложить тебе дня два отдохнуть. В баню сходишь, отоспишься и все, что хочешь... В семейной обстановке, с хорошими ребятами.

— Не уговаривай, пожалуйста. Знаю я твой отдых! У меня и своих дел по горло.

— Подожди, Костя. Сначала послушай. Я убежден, что моя просьба тебя устроит.

— Да ты посмотри, на кого я похож!

— Вид у тебя великолепный! Как раз то, что нужно. Небритый, грязный, глаза осоловевшие... Просто залюбуешься!

Все это Иван Васильевич сказал с таким восторгом, что майор не выдержал и засмеялся.

— Ну, ладно. Не издевайся. Говори, что у тебя, — согласился он, но сейчас же предупредил: — Но имей в виду, если это действительно отдых, как ты заявил...

— Да, да Это отдых, Костя. Вот послушай. На празднике пограничники перехватили одного растратчика, выпущенного гитлеровцами из тюрьмы и завербованного. Перебросили его к нам по заливу...

Иван Васильевич подробно рассказал другу о задержании Казанкова, о его допросе, о письме, о Завьялове и перешел к изложению плана.

— Тарантул — это кличка. Мальцев не настоящая фамилия. Нам уже не первый раз приходится с ним встречаться. Думаю, что участок Ленинградского фронта — его специальность, и готовился он к этому давно Помнишь в позапрошлом году дело с ракетчиками? «Круг однорукого»? Мы тогда большую группу выловили...

— Ну, ну...

— Затем, в прошлом году, дело с аммиаком. Это все он, Тарантул. Сын его погиб. Помнишь, с крыши сорвался?

— Ты думаешь, — сын?

— Да. Теперь это точно установили.

— Значит, до войны он жил в Ленинграде, — задумчиво произнес Каратыгин.

— Ну ясно. Теперь я установил, где он раньше работал. Он химик... Слушай дальше. Завьялова мы помогли отправить в командировку, квартиру его отремонтировали, и вчера там поселились Миша Алексеев и одна девочка. Они под видом детей профессора встретят Мальцева...

— У-у... — протянул Каратыгин. — Это, знаешь, рискованный план.

— Плохой?

— Не-ет... Этого я не сказал. План смелый, но рискованный. Тарантулом его прозвали не случайно. Надо думать, что он не дурак. Недооценивать врага не годится, Ваня.

— Переоценивать и бояться тоже не следует.

— Все это как... Ну, а что ты от меня хочешь? — спросил майор.

— Мальцев должен приехать дней через пять. За аптекарем мы следим... Я хочу, чтобы ты, пока есть время, пожил бы с ребятами вместо Мальцева. Выспишься, отдохнешь..

— Зачем это?

— Надо, во-первых, испытать их и подготовить... затем снять психологическую напряженность. Ты, как педагог, должен понимать, как они себя чувствуют. Они как туго натянутые струны сейчас. Я, конечно, поработал с ними... как умел. Но прорепетировать, устроить маленький экзамен необходимо. Посмотреть, справятся ли они. Еще не поздно. Можно и отказаться от этого плана. За Алексеева я почти спокоен. Он бывал в серьезных переплетах, а вот девочка... не знаю.

Каратыгин задумался. Он понял, что волнует Ивана Васильевича, понял, почему тот обратился именно к нему, и понял, что отказать в такой просьбе нельзя.

— Та-ак... — протянул он. — Значит, ты хочешь, чтобы я превратился в паукообразное насекомое... Ну что ж... Дело серьезное. Надо соглашаться. Пойдем к начальству...

9. Гость

В квартире профессора Завьялова четыре комнаты, ванная, кухня, большая прихожая. Утром и вечером Миша с Леной топят все печи, подолгу держат открытыми форточки, но сырость запущенного жилья прочно держится. После ремонта пахнет краской, клеем и еще чем-то острым, неприятным, отчего щекочет в горле и болит голова.

Миша, затопив печи, ушел в свою комнату готовить уроки. Лена вымыла посуду, убрала в буфет и взялась за тряпку. Не считая запахов, вид у квартиры был вполне жилой. Полы и окна вымыты, мебель расставлена по местам, картины повешены, оставшиеся и сваленные в кучу книги разложены на полках, по девочка никак не может успокоиться. Ей все время кажется, что следы недавнего ремонта слишком бросаются в глаза и где-то есть недоделки, беспорядок.

Она должна чувствовать себя здесь хозяйкой. Об этом говорил ей Иван Васильевич, при всяком удобном случае напоминает Миша, и Лена добросовестно старается быть хозяйкой. А все-таки какая она хозяйка? На два месяца... У Лены отдельная комната. В старомодном комодике она нашла много всевозможных безделушек: коробочки, статуэтки, флаконы, тряпки, ленты, открытки, вырезанные из журналов картинки и старенькую куклу. Лицо у куклы перемазано, волосы отклеиваются, но одета она очень тщательно, и у лифчика даже есть маленькие подвязочки, пристегнутые к чулкам. Наверное, это любимая кукла настоящей хозяйки, какой-то неизвестной ей Али, имя которой сейчас она носит. Нет, Почувствовать себя по-настоящему хозяйкой Лена при всем своем старании не может.

Засучив рукава, девочка отправилась в самую большую комнату, так называемую гостиную. Гостиная? Название говорит само за себя. Раньше сюда приходили гости. В гостиной висит телефон, стоит пианино, а значит, можно петь, танцевать, и, наверно, до войны здесь бывало очень весело.

В печке звонко щелкали распиленные и расколотые доски. Раньше Лена думала, что так «стреляют» только сырые дрова, но Миша объяснил, что это неверно. Щелкают еловые дрова.

Возле окна замаскирован сигнал. Обыкновенная электрическая розетка. Рядом болтается шнур от шторы. На конце шнура кисточка, а в ней несколько проволочек. Если эту кисточку воткнуть в одно из углублений розетки, в соседней квартире загудит сигнал. Лена знает, что там живет человек, который по сигналу немедленно придет на помощь, но кто он такой и как выглядит, этого она не знает. Вчера к ним заходил сосед, живущий напротив, и просил одолжить коробку спичек. Миша с ним знаком, и Лена в этом нисколько не сомневается. Они поздоровались за руку и улыбнулись друг другу, как старые знакомые. Если это тот человек, то как он может помочь, когда сам инвалид и ходит при помощи костылей?

Строго, придирчиво Лена оглядела всю комнату и, конечно, увидела то, что искала. Маленькая люстра, висевшая посередине, была перемазана мелом.

— Вот, извольте радоваться, никто не заметил! — проворчала она и, открыв дверь, звонко крикнула: — Миша! Миша! Иди-ка сюда!

Когда Миша вошел, Лена сразу заметила, что он чем-то недоволен, но не придала этому никакого значения.

— Полюбуйся, пожалуйста! — сказала она, показывая рукой на люстру. — Видишь? Вся перемазана... Я даже не знаю, как ее достать... Как ты Думаешь?

Миша молчал и с упреком смотрел на девочку.

— Если на тумбочку поставить стул? А? Миша! — продолжала спрашивать Лена, по, споткнувшись на последнем слове, вдруг замолчала и сильно покраснела.

— Я не понимаю. Неужели это так трудно? — строго сказал Миша. — Почему, например, я уже привык? Почему я тебя не называю Леной? А? Ни разу...

— Извини, Коля. Я больше не буду.

— Ты мне уже третий раз это говоришь.

— Третий и последний, — с виноватой улыбкой сказала Лена. — Даю слово. Не могу сразу привыкнуть...

Она отошла к окну и несколько раз провела тряпкой по стеклу.

— Если ты при Мальцеве назовешь меня Мишей... Ты понимаешь, что может случиться? Это же провал всей операции, — назидательно продолжал Миша.

— При нем я не забуду.

— Я думаю, что ты, Аля, еще не совсем ясно представляешь всю ответственность... От нас зависит очень многое... Может быть, освобождение Ленинграда.

— Ну что ты, Коля!.. — недоверчиво пробормотала девочка. — Ты преувеличиваешь.

— Вот, вот... Я и говорю, что ты не понимаешь. Ты думаешь, что это все игрушки.

— Ну, хорошо. Не сердись. Я же тебе дала слово. Нет больше Миши! Миша пропал без вести. Остался один Коля. Коля, Коля, Николай, Коля, Коля, Коля, — твердила она до тех пор, пока складка на Мишиной переносице не разгладилась. — А знаешь, почему ты ни разу не ошибся? Хочешь скажу?

— Ну?

— У тебя есть сестренка Оля. Аля и Оля очень похожие имена. Ты все время думаешь про сестренку и говоришь Аля. Правда? А у меня даже знакомого мальчика с похожим именем нет. Хотя бы какой-нибудь Толя... И брата нет, — со вздохом закончила она и, взмахнув тряпкой, совсем другим тоном проговорила: — Все! За работу! Помоги мне, пожалуйста, Коля. Сюда тумбочку...

— Сестренка у меня не Оля, а Люся. Дело не в ней, — просто надо быть серьезнее.

Миша поставил тумбочку под люстру и принес из кухни табуретку.

— Давай тряпку... ты свалишься.

— Нет, нет... Это не мужское дело, — запротестовала Лена. — Не мешай, пожалуйста.

Она проворно залезла сначала на табуретку, затем на тумбочку, но в это время послышался короткий звонок.

— Кто-то пришел...

— Сосед? — шепотом спросила Лена.

— Нет, наверно, это знаешь кто... Ты подожди... — предупредил Миша и отправился в прихожую.

С Бураковым они условились, что тот будет давать один длинный и один короткий звонок, а значит, это был не Бураков. Может быть, Иван Васильевич?

Распахнув дверь, юноша увидел на площадке лестницы невысокого, коренастого мужчину с чемоданом. Когда Миша встретился с внимательным взглядом усталых глаз и разглядел седоватую щетину на щеках пришедшего, сердце его на какой-то момент замерло.

— Вам кого? — глухо спросил он.

— Если не ошибаюсь, Коля Завьялов? — спросил с улыбкой мужчина.

— Да.

— Вот и отлично. Мы с вами знакомы... Папа ваш дома?

— Нет. Папа в командировке в Москве.

— Да что вы говорите! — удивился мужчина. — Неожиданность... Я намерен... Как же быть? А давно он уехал? — Позавчера.

— И надолго?

— Нет... Я думаю, что если не задержат, то через неделю вернется... А зачем вам папа? Вы с завода?

— Нет. Я тоже приехал в командировку. Вы не знаете, Коля, мое письмо он получил?

— Вы Григорий Петрович Мальцев?

— Совершенно точно.

На лице Миши появилось что-то вроде улыбки.

— Папа нас предупредил... Он просил извиниться, что так получилось. Ею вызвали по очень важному делу... Проходите, пожалуйста, — как можно любезнее сказал он и, когда гость вошел в прихожую, громко крикнул: — Аля! Приехал Григорий Петрович!

Первые минуты — самые опасные. Закрывая за гостем дверь, Миша с тревогой думал о том, как девочка встретится со шпионом. Он был уверен, что в дальнейшем Лена освоится и будет вести себя естественно, но сейчас может растеряться,

— Аля? — спросил Григорий Петрович, когда в дверях комнаты появилась Лена.

— Да.

— Э-э!.. Да вы уже взрослая! Со слов Сергея Дмитриевича, я представлял вас маленькой... Очень рад! Давайте руку. С вашим папой мы старые друзья...

— А он говорил, что вы познакомились в доме отдыха и больше никогда не встречались, — с детской наивностью сказала Лена и этим явно смутила гостя.

— Точно, точно... Я имел в виду наш стариковский возраст.

— Раздевайтесь, пожалуйста, проходите... Там ваша комната... Вы, наверно, с дороги устали...

— Да, признаться... я бы хотел привести себя в порядок. Скажите, друзья мои, как в Ленинграде с баней?

— У нас ванна. Можно затопить.

— Ванна — это не для меня. Я люблю в бане попариться.

— Баня работает, — сказал Миша. — Могу вас проводить. Я сейчас пойду в училище.

— Чудесно!.. Великолепно!.. Помыться, побриться, а потом спать. Две ночи я не спал, друзья мои. Трудно к вам в Ленинград добираться.

— А вы на самолете прилетели? — спросила Лена.

— Нет, Алечка... Я на поезде ехал. Опасный путь. Два раза под бомбежку попадал.

Когда гость снял пальто и повесил его на вешалку, Лена прошла в конец прихожей и распахнула дверь в комнату.

— Проходите, пожалуйста, вот сюда. Комната не очень светлая, но она хорошая.

— У вас был ремонт? — спросил Григорий Петрович, проходя за ней в комнату и оглядываясь.

— А что?

— Краской пахнет.

— Да. Какая-то краска противная. Запах такой ядовитый... никак не выветривается. Вы, пожалуйста, не стесняйтесь, Григорий Петрович. Если вам что-нибудь нужно, скажите.

— Спасибо, Алечка. Сейчас мне решительно ничего не нужно. Я ужасно хочу спать.

— А вы разве кушать не будете после бани?

— Ах, да!.. Простите меня... — спохватился Мальцев. Открыв чемодан, он вытащил белье, полотенце, мыло, папку с бумагами, книги и положил все на кровать. — Вот... А это все в общий котел, — сказал он, отодвигая чемодан с оставшимися там пакетами. — Я обещал Сергею Дмитриевичу захватить продуктов. Забирайте, Алечка, и распорядитесь по своему усмотрению. У вас домработница есть?

— Ну что вы! Какая сейчас домработница!

— Кто же у вас ведет хозяйство?

— Я.

— Вы? Дочь профессора!

— Ну так что? Вы думаете, что у профессоров все дочери белоручки? Ничего подобного.

— Тем лучше, — с улыбкой сказал гость. — Маленькая хозяйка большой квартиры.

— Извините, но я не такая уж маленькая. А потом не забывайте, какое сейчас время...

И, словно в подтверждение ее слов, дом вздрогнул, и сразу раздался глухой разрыв снаряда.

— Вот... Обстрел!

Некоторое время они молча стояли, ожидая новых ударов. Один за другим разорвались где-то поблизости еще два снаряда. Остальные полетели дальше. Свистящий, рокочущий звук снарядов был слышен ясно, но разрывы доносились совсем слабо.

В дверях показался Миша. Он был уже в бушлате, форменной фуражке, с портфелем.

— Я готов, Григорий Петрович.

— А вы не боитесь, Коля? Стреляют...

— А чего бояться? Стреляют по Выборгской, а нам в другую сторону, — сказал Миша, вопросительно глядя на раскрытый чемодан, где лежали пакеты, кулечки, банки.

— Григорий Петрович продуктов привез, — пояснила Лена.

— Всякое даяние благо, — весело проговорил гость и, захватив сверток с бельем и мылом, подошел к Мише. — Ну что ж... если моряк говорит, что опасности нет, — я спокоен. Вы народ обстрелянный. Пошли!

На площадка, лестницы второго этажа Миша, остановился.

— Забыл!.. Вы идите, Григорий Петрович, я догоню! — сказал он и прыгая через две ступеньки, помчался обратно.

Лена стояла в дверях квартиры и, прислушиваясь к удаляющимся шагам, думала о том, что теперь делать. Девочке казалось, что она должна как-то действовать. Действовать быстро, решительно. Пока гость в бане, необходимо сообщить о его приезде Ивану Васильевичу. Но как? Может быть, вызвать сигналом соседа-инвалида? Но их предупреждали, что пользоваться сигналом можно только в случае крайней необходимости или опасности.

Неожиданное появление Миши испугало. Лена попятилась. Закрыв за собой дверь, Миша схватил ее за локоть и торопливо зашептал:

— Молодец, Леночка! Позвони сейчас по телефону дяде Ване... Или лучше вызови Буракова... этим... как его... кисточкой и скажи, что он приехал. Вот... А я постараюсь вернуться скорей. Ну, надеюсь на тебя...

— Подожди, Коля... А как ты меня сейчас назвал?

— Как?

— Вспомни-ка. Меня ругаешь, а сам...

— Ну как я назвал? — с досадой спросил Миша.

— Ты сказал «молодец, Леночка».

— Ну ладно, не придирайся. Я же тихо... Значит, поняла? Ну, все. Я пошел!

Миша крепко пожал руку Своей мнимой сестре и выбежал на лестницу.

10. Странный разговор

Обстрел района прекратился, но канонада, похожая на раскаты грома, все нарастала.

— Сильно стреляют, — заметил гость.

— Артиллерийская дуэль, — пояснил Миша. — Во как! Теперь фашистам туго Наши им дают перцу,

Приехавший взял узелок в другую руку, искоса взглянул на юношу и, как ему показалось, улыбнулся.

«Не понравился перец-то», — подумал Миша.

На улице было пустынно. Изредка встречались одинокие пешеходы, да кое-где под воротами стояли дежурные МПВО, прислушиваясь к артиллерийской перестрелке.

«Ученый! — думал Миша, стараясь не забегать вперед. — Сразу видно, что липа».

— Коля, а домой вы возвращаетесь поздно? — неожиданно спросил гость.

Миша насторожился. «С какой целью он задает такой вопрос и что ему ответить? Запутать или сказать правду?»

— А это по-разному... Иногда задерживают, а когда и пораньше прихожу.

— Разве у вас нет расписания?

— Расписание-то есть, но бывают практические занятия.

— А почему вы выбрали такую специальность... морскую? — снова спросил гость. — Отец у вас ученый, химик, а вы кем будете? Штурманом?

— Я буду механиком, — твердо сказал Миша. — Тем более... Вы любите технику?

— Да.

— Ну, а как к этому относится Сергей Дмитриевич?

— А ему что... — пробормотал Миша. — Я же не маленький.

— Ну все-таки. С мнением отца следует считаться, — продолжал гость назидательно. — Он старше, — а значит, и опытнее. Выбор профессии в наше время имеет громадное значение... Много молодых людей калечат себе жизнь из-за этого... Да и не только себе. Способностей, скажем, для научной работы нет, а лезет в аспирантуру... Ему бы токарем работать...

— По хлебу, — подсказал Миша.

— Как это по хлебу? — спросил гость.

— Есть у нас такая поговорка, — пояснил Миша. — Токарь по хлебу... Ну, значит, лодырь. Только и делает, что жует.

— А-а! Да, да... Странно, что до сих пор у нас сохранилось стремление «искать профессию полегче и повыгодней». Так называемое «теплое местечко».

Миша слушал с удивлением. С одной стороны, он знал, то это враг, и к каждому его слову относился с недоверием, а с другой стороны, понимал, что Мальцев высказывает дельные мысли, и в душе не мог не соглашаться с ним.

— Есть у меня один знакомый, — продолжал между тем гость. — Здоровый был парнишка, сильный, но туповатый. Зовут его Вася. Ему бы молотобойцем работать или бревна таскать, а он пошел в науку. Почему? Да потому, что так родные за него решили. Профессия эта почетная, выгодная и вроде как нетрудная. А надо сказать, что Вася был не только глуповат, но и ленив. Тянули его за уши из класса в класс все: и мать, и старший брат, и знакомые... Вытянули. А потом в институт. В те годы в институт легко было поступать. Студентов не хватало... Женили его на умной и дельной женщине. Она за него потом и диссертацию написала. И вот появился ученый, на горе себе и всем окружающим. Делать он ничего, конечно, не делает, да и не может делать, но мнения о себе высокого. И никак ему теперь не доказать, что в науке он болтается зря, что ему надо менять профессию, пока еще не поздно...

Рассказ Мальцева совершенно не трогал Мишу. Сам он в науку не собирался, профессию выбрал по душе и был уверен, что из него выйдет хороший механик. Непонятно только было, зачем Мальцев говорит об этом.

— Григорий Петрович, а где он сейчас? — спросил Миша и, видя, что тот не понял вопроса, прибавил: — Вася-то где сейчас? На фронте, наверно?

— К сожалению, нет. Живет в Ленинграде, — ответил гость, останавливаясь у входа в баню. — Как будто пришли. Здесь?

— Здесь. А обратно вы дорогу найдете, Григорий Петрович? — спросил Миша.

— Да уж как-нибудь... А вы, значит, в училище?

— Да.

— Ну, ну... В такое героическое время учиться под обстрелами... Потом гордиться будете.

Как только Мальцев скрылся за дверью, Миша крупно зашагал назад. До начала занятий осталось времени немного, но он должен был вернуться и позвонить Ивану Васильевичу. У него важные сведения. В Ленинграде живет и работает какой-то ученый-дурак Вася. Старый знакомый Мальцева. «Ученый-дурак». Как-то не вязались эти понятия. До сих пор Миша думал иначе. Правда, ему никогда не приходилось иметь дело с настоящими учеными, и об этом он предупредил Ивана Васильевича, когда узнал, что должен изображать профессорского сына. Иван Васильевич разъяснил, что ученые ничем не отличаются от самых обыкновенных людей, что в Ленинграде они встречаются часто и, конечно,

Миша видел их много раз в трамваях, на улице, не подозревая, что это какой-нибудь профессор или доктор наук. Миша не сразу согласился. Он вспомнил об одной встрече. Весной он с Васькой Кожухом ходил покупать рассаду для огорода в Ботанический институт и там встретил, как ему сказали, кандидата наук. «Вот профессор так профессор! За десять километров видно! — рассказывал он Ивану Васильевичу. — Волосы нестриженные, думает медленно, а ходит важно, как гусь. Увидел нас с Васькой, подошел и по плечу похлопал. «Что, — говорит, — молодые люди, за капустой пришли?» — «Да, — говорю, — за рассадой». — «А как, — говорит, — капуста по-латыни называется?» А мы что... Мы же не знаем...»

Мишин рассказ развеселил Ивана Васильевича, но он уверил, что это был не ученый, а какой-нибудь завхоз, который и выдавал себя за кандидата наук. Настоящие ученые не важничают. Чем больше ученый, чем он умнее, тем проще.

Рассказ Мальцева о глупом Василии окончательно сбил Мишу с толку, и он потерял всякое представление об ученых. Какие же они бывают на самом деле? Но только не такие, как Мальцев. В этом сразу можно угадать шпиона.

Одним духом взбежал Миша по лестнице и позвонил. Дверь открыла Лена.

— А мы знали, что ты вернешься, — с улыбкой сказала она.

— Мы? — удивился Миша, но сейчас же сообразил и кивнул на противоположную дверь. Лена также молча ответила утвердительным кивком.

Бураков сидел в кухне и внимательно разглядывал привезенные продукты.

— Ну что? — спросил Миша.

— Ничего особенного. Продукты наши. Подозрительного ничего не обнаружил.

— Ивану Васильевичу звонили?

— Звонил.

— Ну?

— Что «ну»? Ну, приехал немного раньше. Мы же не знали точно, когда он приедет. Теперь надо держать ушки на макушке...

— И не называть меня Леной, — с лукавой улыбкой прибавила девочка.

— А меня Мишей.

— Нет уж... Извините, пожалуйста, Коля. Я тебя называла Мишей раньше, когда его не было, а ты меня назвал при нем.

— При нем? Не ври, пожалуйста. — Конечно, при нем. Он же был здесь. Где-то внизу на лестнице стоял.

— А он слышал?

— Я не сказала, что он слышал.

— Не будем спорить, друзья, — вмешался Бураков. — Если были ошибки, надо их учесть и не повторять... А теперь так... Вернется он из бани и, как я полагаю, завалится спать. Ну и пускай себе отсыпается. А мы, как ни в чем не бывало, будем жить да поживать, да поглядывать. Задача у нас простенькая... Не теряйтесь, не смущайтесь...

— Товарищ Бураков. По дороге мы разговаривали, и он...

— А почему ты не в училище? Почему ты здесь, Миша? — спросил Бураков и, спохватившись, закрыл рот рукой.

Но было уже поздно. Слово вылетело, и вернуть его назад было невозможно.

— Ага-а! Попался! — торжествующе крикнул Миша, а Лена захлопала в ладоши.

— Виноват, виноват... Грубую ошибку допустил. Проговорился, — с деланным смущением признался Бураков, — Видите, какая сила — привычка. Голову мне надо оторвать за такую ошибку. Счастье, что нас никто не слышит... А теперь будем считать, что все мы виноваты, и не будем больше попрекать друг друга. Теперь надо сделать выводы. А выводы такие: следить за собой, за каждым словом, за каждым шагом. Всякие словечки непотребные, вроде «пошамать», «утекать», — долой, изъять из обращения.

— А разве мы говорим «пошамать»? Я даже не знаю, что это такое. Коля, ты говорил? — спросила Лена.

— Нет.

— Это я для примера. Не забывайте, что вы профессорские дети, — сказал Бураков и, перейдя к своим костылям, прислоненным к шкафу, со вздохом взялся за них. — Вы думаете, это легко — ходить на четырех ногах?.. Надоело и никак не привыкнуть... Пошли, Коля. Ты, наверно, опоздал в училище. Дело делом, а про учебу не забывай.

11. Бьютифл бой

Да. На первый урок Миша опоздал. Но если бы даже можно было успеть, все равно он бы не пошел в училище. Какая сегодня учеба! Ему просто не усидеть за партой. После разговора с Бураковым он немного успокоился, или, как говорил Сысоев, «пришел в норму», но не настолько, чтобы внимательно решать задачи или без ошибок писать диктант. А двойки получать не хотелось. И Миша решил «прогулять». Сходить сначала домой, посмотреть, нет ли письма, а потом побывать у Люси в детском саду.

Выполняя волю отца, Миша сохранял комнату за собой, хотя последние два года жил на судне. В начале лета отец был ранен третий раз, и, пока лежал в госпитале, они часто переписывались. Недавно отец выздоровел и снова ушел на фронт. Но где он?.. Четырнадцатого ноября Советская Армия заняла город Житомир, Очень может быть, что и отец освобождал этот далекий неизвестный город с таким приятным названием. По старой мальчишеской привычке, Миша разделил это слово на две части: «жито» и «мир». Что такое жито, он точно не знал. Лена говорила, что это рожь, но Миша думал, что это какая-то крупа. Во всяком случае, что-то хорошее. Ну, а мир — это самое прекрасное слово. Мир — это значит победа. Ведь только после победы наступит прочный мир и судно выйдет в море. Все лето Миша мечтал о дальнем рейсе и досадовал, что фашисты после разгрома под Сталинградом на что-то надеются и не сдаются. Войну они проиграли, это всем ясно. Сысоев утверждал, что, как только Советская Армия

подойдет к границам Германии, война кончится. Николай Васильевич думал иначе. «Главное впереди, — говорил он. — Предстоят большие упорные бои. Гитлеровцы будут защищаться до последней возможности». В душе хотелось соглашаться с Сысоевым; но как можно не верить Николаю Васильевичу!

Выйдя на Большой проспект, Миша почувствовал, что сзади кто-то идет. «Уж не следят ли?» От этой мысли он сразу внутренне собрался, но продолжал спокойно шагать не оглядываясь. Было время, когда, получив задание от Ивана Васильевича, Миша в каждом человеке начинал подозревать врага и всегда был настороже. Но тогда у него не было опыта и он был совсем мальчишкой. Сейчас он настоящий разведчик, и не случайно Иван Васильевич сказал, что совершенно за него спокоен. Другой вопрос — Лена. Она даже не предполагает, какие неприятные и неожиданные сюрпризы подкарауливают разведчика... И Мише почему-то вспомнилась прошлогодняя операция по разоблачению воровской шайки. Вспомнились Крендель, Нюся, картежная игра, противогаз, взрыв... Здесь, возле «Молнии», был задержан Жора Брюнет, а сам он чуть не отправился на тот свет. Вон там, немного подальше, Брюнет ударил его финкой...

Шаги за спиной становились слышнее. Кто-то догонял... Наконец Миша услышал голос:

— Алексеев!

Оглянувшись, он увидел торопливо шагавшего за ним Степу Панфилова с туго набитой «авоськой» в руке. Приятель шел без пальто, но на нем был надет новый костюм и даже повязан галстук.

— Ого! Бьютифл бой! — насмешливо сказал Миша.

— А что это такое? — удивился Степа.

— Это? Я даже не знаю, как тебе перевести... По-английски это значит красивый парень. Ну вроде фронт лихой!

— А я тебя сначала не узнал, Миш, — не обращая внимания на шутку, сказал Степа. — Ты, думаю, или не ты? Давно иду следом и все сомневаюсь. Богатый будешь.

— Я-то тут при чем? Это ты богатый. Вон какой костюмчик оторвал! Не гнется.

— По ордеру получил. План выполнили...

— Это я слышал. А ради какого праздника вырядился?

— Я выходной. Мать в магазин гоняла. Ты домой?

— А куда больше?

— Ну пошли!

С улыбкой поглядывая друг на друга, они медленно направились вперед. Новый костюм, видимо, нравился Степе, и он старался держаться в нем как можно прямее, отчего и создавалось впечатление, что костюм не гнется, словно сшит из очень грубого материала. Пока шли до дому, Степа раза два поправил галстук. Все это было как-то неуклюже, непривычно и очень забавляло Мишу. Свернули под арку ворот.

— Да! Ты знаешь, какая история, — вдруг спохватился Степа. — Васька-то чуть не сгорел. Жививо!

— «Чуть» не считается.

— Нет, верно! Он в госпитале лежит.

— А что такое? — с тревогой спросил Миша, сообразив, что в госпиталь с пустяками не положат.

— Это он, понимаешь, на работе. В цеху чего-то делал, а тут как раз обстрел, и туда... в цех снаряд зажигательный. Ты знаешь, как они, гады, сейчас стреляют: выпустят зажигательный, а потом фугасками лупят в то же самое место, чтоб не тушили, — все больше оживляясь, рассказывал Степа. — Ну, а Васька что?.. Ясно, не растерялся, а прямо, понимаешь, руками цоп! — и в окно... цоп! — и в окно. Фосфор горит, а он его руками в окошки выбрасывает. Понимаешь? А фосфор вредный, сам знаешь... трещит, брызгает. Шутишь! Чуть жививо не сгорел Сознание потерял... Хорошо, там женщин много было... потушили.

— Что потушили?

— Ваську.

— А цех?

— Потушили. Васька же тушил, — со вздохом проговорил Степа и, помолчав, добавил: — Орден получит. Факт!

— Молодец Васька!

— Ясно, молодец. Он много не думает. Раз — и готово! Помнишь, как мы ракетчика с ним ловили? Раз — и в морду!

Последних слов Миша не слышал. Ему представилась нарисованная Степой картина. Он видел, как рвутся зажигательные снаряды, как горит фосфор, и не трудно было понять положение обожженного друга. «А вдруг он умрет?» От этой мысли больно сжалось сердце.

— Слушай, Степан, надо бы к нему сходить. Ты знаешь, где он?

— Пойдем сейчас! — обрадовался Степа. — Успеем. Сегодня как раз пускают. Я только унесу домой...

— А я сбегаю посмотрю, нет ли письма от бати.

— Только не задерживайся, — предупредил Степа. — Надо успеть до семи.

Через несколько минут друзья встретились во дворе и быстро зашагали к трамвайной остановке.

— Письма нет? — спросил на ходу Степа.

— Нет. — Давно не было?

— Давно. Там бои сильные. Не до письма, — неохотно ответил Миша.

12. Раненый друг

Госпиталь помещался в новом здании. До войны вместо коек здесь стояли парты и комнаты назывались не палатами, а классами. Вполне возможно, что раньше Вася Кожух мог бы попасть сюда в качестве ученика и сидел бы в десятом «б» классе за партой возле этого самого окна. Сейчас он лежал забинтованный с головы до ног и не мог пошевелиться. Малейшее движение тревожило бинты, и от острой, пронзительной боли темнело в глазах и появлялась тошнота. Относились к нему здесь с большой нежностью все раненые, сестры, сиделки, врачи. Все знали, при каких обстоятельствах получил юноша тяжелые ожоги, и Васька иногда слышал, как о нем говорят: «Не испугался, не убежал. А ведь совсем еще ребенок». Выздоровливающие солдаты часто усаживались на табуретку возле койки и говорили с ним, как с равным, — рассказывали фронтовые случаи, историю своего ранения, и Васька постепенно проникся сознанием, что в военном госпитале он лежит не случайно, что он не просто пострадавший от шального снаряда, а раненный на фронте, как и все эти солдаты. О его поступке говорят, как о подвиге, за который награждают медалями и орденами.

— Получить медаль за храбрость, — уверял его один усатый гвардеец. — Помяни мое слово!

— Боевой орден Красного, Знамени дадут, — обещал другой.

Все это наполняло Васькину душу гордой радостью, и он стойко переносил страдания. Сегодня к нему пустили мать. Положив на тумбочку узелок с яблоками и конфетами, она минут двадцать просидела на табуретке, постоянно сморкаясь и вытирая глаза платком,

— Ничего, Васенька... Бог даст, поправишься... Обойдется. Доктор сказал, уродом не будешь, — успокаивала она сына. — Тут тебе с завода гостинцев прислали... Степан Николаевич обещался навестить. Нынче у него работы много. В другой раз придет...

— Мам, ты не плачь... чего ты!.. Я же недолго пролежу. Вот кожа новая вырастет, и выздоровею, — едва заметно шевеля губами, говорил Вася.

— Вырастет, Васенька, вырастет. Ты молодой... Все зарастет, зарубцуется...

— А ты не плачь.

— Не плачу я, не плачу, Васенька, — успокаивала она сына, усиленно сморкаясь в мокрый от слез платок.

Проходила минута, и снова глаза наполнялись влагой. Васька понимал, что мать плачет от «женской жалости», и ему было досадно. Вместо того чтобы гордиться и хвалить, как другие, она только и делает, что глаза вытирает. Слезам матери Вася не придавал большого значения, но все же они действовали и сильно испортили настроение.

Закрыв глаза, он ясно представил, как спускалась она по лестнице госпиталя, как вышла на улицу, как бредет домой с понурой головой и часто вытирает глаза. А дома холодно. Летом он вынул из окон фанерки, заменявшие стекла, и совсем недавно вставил их обратно. Вставил наспех, кое-как. Фанерки сидят неплотно, из окон дует, и некому укрепить их...

Миша со Степой были уверены, что, как бы ни был изуродован Васька, они его узнают. Какие могут быть сомнения! Столько лет дружили крепкой мальчишеской дружбой — и не узнать! По указанию сиделки бодро направились они к кровати, на которой лежал Василий Кожух. Шли молодцевато, растягивая рты в улыбки, чтобы всем своим видом показать, что они уверены в скором выздоровлении, что ничего страшного не случилось. Шагах в пяти остановились. На

кровати действительно кто-то лежал, но был ли это Васька — неизвестно. Две дырки для глаз, узкая щель вместо рта. Все остальное забинтовано, и даже нос можно было угадывать только по выпуклости.

В полном замешательстве стояли друзья, не зная, что делать. Подошла сиделка — невысокая, полная, совершенно седая женщина с добрыми глазами.

— Ну что ж вы, мальчишки?

— А с ним разговаривать можно? — тихо спросил Миша. Он видел, что Васька лежит с закрытыми глазами, и боялся его разбудить.

— Разговаривать? А почему же нет? Подойдите, садитесь и разговаривайте. Только не очень много. И не касайтесь его. Шевелиться он не может.

Приблизившись, Миша увидел в дырках два блестящих, искрящихся радостью глаза.

— Вась! Это мы... вот видишь... я и Степка, пришли навестить, — взволнованно сообщил он.

В узкой щелке зашевелились губы, и вдруг раздался знакомый голос.

— Здорово, ребята... Спасибо, что пришли.

— Ну вот еще... Что значит спасибо, — обиделся Степа. — Я бы каждый день ходил, да не пускают.

Выжимая друг друга, устроились на узкой табуретке, где недавно сидела мать Кожуха. Некоторое время молча смотрели на раненого. Замешательство постепенно проходило. Васькины живые, с веселым огоньком глаза ощупывали их, и казалось, что он притворяется. Пройдет минута-другая, и он со смехом сдернет белую маску, вскочит с кровати и хлопнет их по спине...

— Как они тебя окуклили! Вдоль и поперек, — заметил с улыбкой Миша.

— А ты знаешь, какой у меня процент ожога? Трех процентов не хватило до критического. Хоронили бы с музыкой, — с заметной гордостью проговорил Вася. — И глубокие есть... на руках прямо до кости.

— Ладно, не хвастай. Мы знаем, — сказал Степа.

— Ты молодец! — похвалил Миша. — Поправляйся скорей. У меня дело будет.

— А какое?

— Дядя Ваня... — многозначительно сказал Миша и при этом оглянулся по сторонам.

«Дядя Ваня». В этих двух словах было заключено так много смысла и они были насыщены такой героической романтикой, что Васька невольно сделал движение. Мгновенно сильная боль отразилась в глазах, а сквозь стиснутые зубы вырвался глухой стон.

— Ты что?.. Ты не очень, Вася... — с тревогой сказал Миша. — Лежи спокойненько...

— Больно, Вася? — спросил Степа.

— А ты думаешь, нет? — с раздражением прошептал раненый. — Попробуй сам заживо гореть, тогда узнаешь...

Скоро боль утихла, и Вася снова заговорил спокойно. Он заметил под халатом на Степе галстук.

— А ты чего «гаврилку» нацепил, Степа?

— Он теперь у нас зафрантил. Новый костюм купил и ходит по улице без пальто. Задается.

— Ничего я не задаюсь, — обиделся Степа.

— А зачем без пальто ходишь? Холодно же...

— Пальто в починке; а далеко ли до магазина сбегать, — оправдывался Степа.

— Ладно. Мы не маленькие, — не унимался Миша. — Нас не проведешь. Я тебе скажу, Вася, в чем дело. В магазине... знаешь, в «красных кирпичиках», девочка есть, ученицей поступила...

Понимаешь? Вот он для нее и вырядился.

— Ну и врет... ну и врет! — сильно покраснев, запротестовал Степа. — Не слушай его, Вася. Это он нарочно выдумывает.

— А чего ты покраснел? — спросил Вася.

— Что?

— Покраснел почему?

— Разве покраснел?.. У вас тут жарко. Халаты, что ли, греют, — небрежно сказал Степан и, поправив халат, повел плечами, словно на нем была тяжелая шуба.

Смущение Степы говорило само за себя. Над ним часто подшучивали и раньше, но всегда он был спокоен. И вдруг смутился. Значит, Мишина шутка попала в цель.

Под перекрестным огнем насмешливых взглядов Степа смущался все больше и всячески старался показать, что шутка ничуть его не обидела. Он стал внимательно разглядывать потолок, стены, соседние кровати. Чтобы не видеть комичных усилий друга и не расхохотаться, Васе пришлось закрыть глаза. Миша тотчас же толкнул локтем в бок Степу и, кивнув головой на раненого, встал.

— Довольно болтать, — тихо сказал он. — Нянечка не велела много... В другой раз поговорим. Ты поправляйся, Вася... мы пойдем.

Вася взглянул на друзей и, с трудом удерживая смех, пояснил:

— Ничего, Мишка... Щека, понимаешь, засохла... смеяться не дает... саднит.

— Повидались — и хватит.

— Степа, ты не сердись... Наклонись поближе, — попросил Вася и, когда приятель присел возле изголовья, продолжал: — У меня к тебе просьба. Сделаешь?

— Ясно, сделаю.

— Матка, понимаешь, одна, а я окна не утеплил. Надо фанерки к раме прибить поплотней и газетой заклеить. Гвозди в столике...

— О чем говорить?.. Гвозди у меня есть.

— Так сделаешь, Степа?.. Холодно ей.

— Сегодня же сделаю.

— Ну спасибо, — закончил Вася, но не выдержал и продолжал: — Слушай... А как ее зовут?

— Кого?

— А эту девочку... продавщицу?

— Ну что вы на самом деле выдумали! — с возмущением сказал Степа. — Мало ли в Ленинграде продавщиц! Какое мне дело до них!

Начала разговора Миша не слышал, но, когда Степа стал отрицать очевидную истину, решил вмешаться.

— Подожди, подожди! А на прошлой неделе кто тележку тянул по Большому? Пристяжкой.

— Какую тележку?

— С продуктами в «красные кирпичики».

— Ну так что?

— Ничего. Против фактов не попрешь, дорогой товарищ.

Теперь Степе ничего не оставалось, как только безнадежно махнуть рукой и отойти от кровати. Отрицать было бесполезно. На прошлой неделе он действительно помогал Кате везти в магазин продукты, и, значит, Мишка их видел.

13. Утром

Константин Потапыч проснулся, но не сразу сообразил, где находится. Тепло, сухо, светло, и покрыт он не шинелью, а ватным одеялом. Спал он крепко.

«Куда это меня занесло?» — подумал майор, вытирая ладонью губы.

Почувствовав гладкую кожу бритого подбородка, сразу все вспомнил. В гостях! Вчера он якобы приехал в Ленинград с Большой земли и под фамилией Мальцева остановился у знакомого химика. Как же его зовут? Сергей Дмитриевич Завьялов. Сам хозяин в командировке, а здесь живут его дети: Коля и Аля. Вечером он был в бане, потом побрился и около восьми часов лег спать.

А сколько сейчас?

Константин Потапыч вытащил из кармана пиджака, висевшего на стуле, часы и посмотрел.

Батюшки! Одиннадцать! Сколько же он спал? Шестнадцать часов.

Пора вставать. Но ему дали отпуск до завтрашнего дня, и надо им воспользоваться. Можно поваляться часок-другой. В кровати так тепло и приятно.

В квартире полная тишина. Никаких признаков жизни. А ведь здесь он не только затем, чтобы валяться на кровати. Иван Васильевич уговорил его пожить с ребятами два дня и устроить им что-то вроде экзамена, посмотреть, как они будут себя вести в его присутствии

«Ну что ж, пока все идет хорошо, — думал майор. — Встретили меня сдержанно, но приветливо. Не смутились, не суетились. Коля проводил до бани и ушел в училище, а Аля вечером напоила чаем. Хорошая девочка! Самостоятельная, заботливая. Настоящая хозяйка. Вот если бы и моя была такой, — с грустью подумал Константин Потапыч, невольно сравнивая Алю со своей избалованной, капризной дочерью, которая ничего не умела и не желала делать. Сейчас она эвакуирована со школой и живет за Уралом. — Как-то она там?»

Миша давно сидит над учебниками. Глаза бегают по строчкам, но из всего прочитанного не запомнилось ни одного слова. Дверь в комнату приоткрыта, и он напрягает слух, чтобы не пропустить момент, когда встанет гость.

Сколько же можно спать?

Томительно тянется время. Наконец скрипнула дверь и послышалось шарканье ног. Гость прошел в ванную комнату. Плеск воды, фыркание доносились ясно.

«А что он делал в комнате, как одевался, этого было не слышно, — подумал Миша. — Надо, чтобы дверь в его комнату закрывалась не плотно. Петлю, что ли, сломать?»

Через несколько минут раздался голос;

— А дома кто-нибудь есть?

— Есть! — отозвался Миша, выходя в переднюю.

— Такая тишина. Я уж думал, что все ушли... бросили меня одного. Привет моряку! Как успехи?

— Ничего, — сдержанно ответил Миша, здороваясь с гостем. — Проходите в гостиную, Григорий Петрович. Аля там оставила завтрак. Долго вы спали!

— Да-а... я и сам поразился. Шестнадцать часов спал... как сурок.

Они прошли в гостиную. На столе стоял чайник, накрытый стареньким, но ярко раскрашенным петухом, сшитым из тряпок и ваты. Нарезанный хлеб и консервированная колбаса были аккуратно разложены на тарелках.

— Смотрите, как она это все заботливо! — сказал гость, — Прелестная хозяйка... Гордитесь своей сестрой, Коля! А где она сама?

— В школе. Остыл, наверно, — сказал Миша и, подняв «петуха», потрогал чайник.

— Ничего, ничего, — остановил его гость. — Очень горячий я не пью. От горячего чая, говорят, всякие неприятности в желудке развиваются. Язвы, колиты... Вы замечали, Коля, что животные горячего не пьют и не едят? Кошки, например, собаки?

— Да. Это я видел.

— Вот, вот. Кошки очень любопытно обращаются с горячим кусочком мяса или рыбы. Лапкой пробуют, катают его и ждут, пока остынет, А почему? Их ведь никто не учил... Это природа.

Природа — великое дело. Человечество оторвалось от природы, и поэтому много всяких неприятностей, — назидательно говорил гость, наливая себе чай и усаживаясь за стол. — Зубы портятся раньше времени, глаза; волосы вылезают... Сколько лысых развелось! Про болезни я уж не говорю... А все дело в том, что от природы оторвались...

Миша, как и в первый раз, слушал Мальцева с некоторым недоверием. Ему казалось, что враг должен говорить и думать как-то иначе.

«До чего хитер! Высказывает дельные вещи, чтобы в доверие войти», — решил он.

Мысли о природе не были новостью для Миши. Николай Васильевич тоже любил говорить о природе и порицал всякие излишества.

— Коля, а трамваи у вас ходят, как и раньше? — спросил гость. — По тем же направлениям?

— Да-а... — неуверенно ответил Миша. — Где можно, там и ходят.

— А где можно?

— Наверно, где не очень опасно. В западном направлении и в северном ходят, как и раньше, а в восточном... Я точно не знаю... Там же фронт.

— Понимаю. Мне нужно кой-куда съездить, кое-кого повидать.

— А куда?

Гость пристально посмотрел на юношу, и, как показалось Мише, глаза у него при этом заблестели. Не то ему стало смешно, не то он рассердился.

— Если хотите, я могу проводить, — предложил Миша. — Вы город совсем не знаете?

— То есть как не знаю? В Ленинграде я бывал много раз.

— А почему же к нам не заходили? Папа говорил, что вы собирались, когда в доме отдыха жили.

— Ну, это вопрос особый, — уклонился от прямого ответа гость. — Расскажи-ка лучше, как Сергей Дмитриевич себя чувствует? Много приходится работать?

— Да. Работы много. Он сейчас какой-то взрыватель изобретает.

— Это хорошо.

— Конечно, не плохо. Сюрприз фашистам будет ой-ой-ой! — сказал злорадно Миша, но этого ему показалось мало, и он прибавил: — Много им таких сюрпризов готовят... Чтобы всякую охоту отбить. В другой раз не полезут к нам.

— А ты, я вижу, очень сердит на фашистов! — с усмешкой заметил гость.

— Конечно, сердит... Я же не маленький, кое-что понимаю. Мы их не трогали. Верно? Они, как бандиты, ворвались... А теперь, наверно, каются. Ворвались, да нарвались...

Заговорив о фашистах, Миша изменил своей сдержанности и не скрывал ненависти. Да и как тут удержаться! Гибель матери, ранения отца, коварные обстрелы, бомбежки города, жестокая

блокада, голод... Обо всем этом хотелось напомнить Мальцеву. Пускай знает, что наступают дни расплаты и нечего теперь скулить да жаловаться.

«Кто сеет ветер, тот пожинает бурю».

Эту фразу любил повторять Сысоев, слушая громовые раскаты советской артиллерии, которые с каждым днем становились все более мощными и грозными.

— Н-да... Ворвались, да нарвались, — задумчиво повторил гость. — Перелом в войне явный... Думаю, что скоро и на нашем фронте начнется наступление.

— На каком на нашем? — удивился Миша.

— На нашем. На Ленинградском, — пояснил гость. Миша насторожился. Ответ Мальцева сильно его озадачил.

«О ком он говорит? Как это понимать? Неужели фашисты собираются штурмовать Ленинград? А может быть, он имел в виду Советскую Армию? Но он сказал «на нашем фронте»».

— Ну спасибо, Коля, — поблагодарил гость, поднимаясь из-за стола. — Сейчас я должен кой-куда сходить. Приду вечером.

— Григорий Петрович, если вы нас не застанете, я вам дам ключ.

— Прекрасно!

— Вообще-то по вечерам Аля дома, но вдруг уйдет в магазин или куда...

Получив ключ, гость еще раз поблагодарил «молодого хозяина» и направился в свою комнату. Миша остался в гостиной. С нетерпением поглядывая на телефон, он думал о том, что нужно как можно скорее позвонить Ивану Васильевичу и сообщить новости.

Ждать пришлось недолго. Тихо напевая, Мальцев вышел в прихожую. Было слышно, как, одеваясь, он что-то бормотал, кашлял и шумно вздыхал. Наконец щелкнул замок выходной двери.

Спрятавшись за портьерой, Миша наблюдал. Вот Мальцев появился во дворе, неуклюже перебираясь через груды кирпича... Ушел. Теперь можно звонить.

Иван Васильевич оказался на месте.

— Дядя Ваня, это я... Коля. Конечно, ушел. Я видел, как он через двор проходил. Спал он долго. Около двенадцати часов встал. Оделся, умылся, позавтракал. У нас был разговор. Вам сообщил Бураков насчет какого-то Васи?.. Нет, это я вчера узнал. А сегодня другое. Он сказал, что фашисты собираются наступать на Ленинградском фронте... Нет. Насчет этого я сам сделал вывод, а он сказал «на нашем фронте». «На нашем!» Дядя Ваня, он же фашист... То есть как что? Значит, ясно, что на их фронте. А точно он сказал так: «Думаю, что скоро и на нашем фронте начнется наступление»... Хорошо. Делайте сами выводы... А сейчас ушел. Куда? Не сказал. Я ему предлагал, что, если он Ленинград плохо знает, могу проводить. А он говорит, что бывал здесь много раз. Про папу спрашивал. Про природу говорил... Ну про то, что горячий чай вредно пить. Учитель какой нашелся!.. Нет, я с ним не спорил. Теперь всё... А вчера я в училище не ходил. Был у Васьки Кожуха. Он в лазарете... Как почему? Я бы двоек нахватал. Факт! Она начнет диктовать какую-нибудь муру. Мы во вторник два часа возились с одной фразой. Я наизусть запомнил. «На пути

попадались навстречу извозчицьи пролетки, но такую слабость, как езда на извозчиках, дядя позволял себе только в исключительных случаях и по большим праздникам», — продиктовал Миша и, услышав смех Ивана Васильевича, развеселился сам. — Нет, верно! Тут снаряды рвутся, самолеты летают, танки ходят, а она про извозчиков заладила и всякие исключения из грамматики... Я понимаю, дядя Ваня. Сегодня я пойду... Али еще нет. Она нисколько не теряется. Сначала я тоже боялся. Девочки — они же хитрей нашего брата. И врут лучше... Факт! Это я по школе знаю. Нет, верно, дядя Ваня. Если девчонка врет, ни за что не узнать. Она и глазом не моргнет... А насчет телефона она говорит, что опасно разговаривать. Могут подслушать. Я объяснил, что это не полевой телефон. Здесь в городе подземный кабель и никак не включиться... Что? Ну, на станции, конечно, можно... Есть!

После разговора с Иваном Васильевичем напряжение улеглось, и Миша охотно взялся снова за учебники.

14. Патефон

Вернулся Мальцев после двенадцати часов ночи. Миша был уже в кровати, но не спал и слышал, как осторожно открывал он дверь своим ключом, как шарил по стенке в прихожей, разыскивая выключатель,

«Значит, у него есть ночной пропуск», — решил Миша. Вначале он думал, что гость задержался и заночевал у знакомых.

Ночь прошла спокойно. Даже громкоговоритель, который Миша забыл выключить, всю ночь молчал.

Лена уснула раньше, не слышала возвращения Мальцева и поэтому очень удивилась, когда утром, выйдя из своей комнаты, увидела его в гостиной уже одетым.

— Вы дома, Григорий Петрович?

— Как видите.

— А я и не знала, что вы здесь... Сейчас будем завтракать.

— Алечка, скажите, пожалуйста, какой номер вашего телефона?

Вопрос сильно смутил девочку. Щеки ее моментально покрылись румянцем, а глаза тревожно забегали по сторонам. Она забыла номер телефона.

— А вы разве не знаете? — спросила она, направляясь к телефону. — Коля вам не говорил? Ну, запишите... У вас есть бумага?

— Ничего, я так запомню.

Этого разговора было достаточно, чтобы Лена приблизилась к телефону настолько, что могла разобрать записанный на стене номер.

Константин Потапыч не заметил ее минутного замешательства. Он медленно повторил за Леной номер и с последней цифрой зачем-то щелкнул пальцами.

— Все! Теперь я запомнил на всю жизнь, — сказал он. — У меня особая система... Как-нибудь я научу вас, Алечка. Вы будете легко запоминать большие номера.

— Нет... У меня очень плохая память на цифры. Я, например, никак не могу запомнить года всяких царей. королей по истории... Просто ужас какой-то!

— Вот, вот... Нужна система. Везде и во всем нужна система.

Пока Лена готовила чай, поднялся и Миша.

— А вы сегодня рано встали, Григорий Петрович, — сказал он, входя в гостиную, где Лена уже хлопотала вокруг стола.

— А как же иначе! Сейчас нельзя много спать, друзья. Работать надо для победы. Вот кончится война, тогда отоспимся.

— А я думаю, что и после войны будет много работы, — возразил Миша. — Восстанавливать придется...

— Верно. Очень верно, — согласился гость. — Но и тут нужна система. Мы как раз говорили с Алечкой о системе. Человек должен уметь распределять свое время так, чтобы его хватало на всё — и на работу и на отдых. Усталый человек работает плохо, производительность его труда очень низка... А впрочем, эта тема вряд ли вас интересует сейчас. Возраст не тот...

— Садитесь, пожалуйста, — пригласила Лена. — Коля, сахар тебе как? Хочешь, положу в стакан?

— Нет, я вприкуску.

— Сахар есть. Можно и внакладку. Завтра опять выдадут. И Григорий Петрович привез...

— Ну, хорошо. Положи в стакан.

Он любил сладкий чай, и Лена об этом знала.

— Эх, друзья мои! — со вздохом начал гость. — Смотрю я на вас и думаю... Тяжелый груз взвалила на ваши плечи судьба. Но вы не огорчайтесь. Крепче будете. Характер человека воспитывается в борьбе, закаляется в действии. Сахар вот экономите... Конечно, лучше бы его вдоволь иметь, без ограничений, по потребности, но тогда вы бы не ценили его... Помните, как до войны относились некоторые дети? Теплую булочку намажут ей маслом, а капризная девчонка бросит ее на пол. А то еще и ногой растопчет. Не ценят, не понимают... Все на готовеньком...

Константин Потапыч все время помнил, что Иван Васильевич обратился к нему, как к бывшему педагогу, и добросовестно выполнял его просьбу. Используя каждый удобный момент, он старался внушить ребятам какие-нибудь полезные мысли. Именно поэтому говорил он неприятно-поучительным тоном, как, по его мнению, и должен говорить каждый воспитатель. Конечно, никакой пользы эти нравоучения не приносили, тем более что Миша и Лена считали его врагом, которому нельзя верить.

Говоря о капризной девочке, Константин Потапыч имел в виду свою дочь. Других примеров он не знал, и поэтому в голосе его звучало искреннее огорчение, но это не доходило до сознания Миши.

«Кто топчет хлеб? — с раздражением думал он. — Это ваши гитлеровские полчища жгут и топчут наш хлеб на полях. Это фашисты не уважают труд людей. А мы, ленинградцы, знаем, что такое хлеб».

Вслух он этого не сказал, хотя ему и очень хотелось одернуть лицемерного «шпиона», проповедующего уважение к труду.

После завтрака Лена отправилась в школу, а вместе с ней ушел и Мальцев. Миша остался один. Было досадно, что он не может незаметно выскользнуть из дома и проследить, куда отправился шпион, узнать, с кем он встречается. Иван Васильевич строго запретил проявлять какую бы то ни было самостоятельность и вообще потребовал забыть, кто такой Мальцев, забыть, что они выполняют задание контрразведки. Просто-напросто они должны чувствовать себя детьми профессора, которые ничего не знают, ничего не подозревают. Чем наивнее, чем беспечнее они будут себя вести, тем лучше.

«Забыть, что Мальцев враг! Как это можно? — думал Миша. — Это только сказать легко. Вот он сидел тут, изображал ученого... Как бы не так! Так мы ему и поверили! Нашел дурачков! Да если бы я встретил Мальцева в другом месте и не знал, кто это такой... Все равно я бы сразу разгадал...»

Неожиданный звонок прервал размышления Миши.

«Кто бы это мог быть? Неужели Мальцев успел уже кому-то сообщить адрес?»

Приближаясь к двери, Миша чувствовал, как сильно забилося его сердце. Но рука оставалась твердой и голос чистым.

— Кто там?

— Здесь живет Коля Завьялов? — спросил за дверью мужской голос.

От этого вопроса Миша почувствовал, что сердце куда-то исчезло или совсем перестало биться.

«Человек, стоящий за дверью, знает Колю Завьялова! Провал! Что делать?.. Не открывать?»

Паническое настроение охватило Мишу, но ненадолго. Как приказ, пришло трезвое решение.

«Открыть. В крайнем случае сказать, что Коля вышел, а я его приятель... Уроки вместе учим».

И он спокойно повернул замок.

За дверью стоял мужчина в кожаном пальто, в кепке, с небольшим, красного цвета, чемоданчиком и какой-то коробкой под мышкой. Лицо его было очень знакомо, но от пережитого волнения Миша не узнал его.

— Вам Колю Завьялова надо?

— Да, да...

— А зачем?

— Дело есть небольшое, — сказал мужчина и, оглянувшись по сторонам, тихо спросил: — Да ты что, Миша, не узнал?

Только теперь Миша пришел в себя и понял, кто стоит перед ним.

— Фу! Ну и напугали вы меня, товарищ Трифонов! — сознался Миша. — Проходите... Я ведь сначала... Вы спросили Колю Завьялова... Вот так черт, — думаю. — Кого это принесло? А вдруг он знает Колю в лицо?.. Хотел сказать, что дома нет, и совсем не открывать, — оживленно говорил Миша, закрывая за Трифоновым дверь.

— Ну, а как же я должен был тебя назвать?

— Это я от неожиданности... Мальцев недавно ушел, а я никого не ждал. Проходите.

— Нет, я ненадолго. Приказано доставить вам патефон, — сказал Трифонов, передавая Мише красный чемоданчик и коробку с пластинками. — Сунь его куда-нибудь подальше.

— А зачем патефон? Радио есть...

— На всякий случай... Мало ли что. Повеселиться захотите, потанцевать... вот патефон и пригодится. По радио сейчас не очень-то развлекают... Ну, как вы тут устроились?

— Ничего.

— Главное — не теряйтесь. Уверенно живите. Ясное дело — осторожность всегда полезна, но не пугайтесь. Помните, что вы не одни. В обиду не дадим... Как она?.. Девочка-то?

— А что она? Хозяйничает.

— Как у нее самочувствие?

— Нормально...

— Не паникует?

— Ну-у... что вы, товарищ Трифонов! Она боевая!

— Значит, не теряется. Это хорошо Ну, а этот как? Приехавший?

— Ушел куда-то...

— Это мы знаем, куда он ходит... А как он с вами?

— Морали все скворчит... По всякому случаю. Просвещает!

— А вы?

— А мы слушаем. Иван Васильевич спорить не велел.

— Спорить, конечно, ни к чему. Он человек пожилой, а ты молодой... Зачем спорить? Старшим надо уважение оказывать.

— Он же фашист!

— У него это на лбу не написано. Он же фашистскую пропаганду не ведет?

— Нет, конечно.

— И, значит, нечего и спорить. Ну, а как Бураков?

— Хорошо. Заходил к нам два раза.

— По сигналу?

— По сигналу один раз. Аля вызывала.

— Та-ак... Он мне жаловался, что соседки его заботой донимают. Костыли их разжалобили, так они готовы под руки его водить. Убери патефон... Вот хотя бы в этот шкаф.

В прихожей, против двери в гостиную, стоял большой платяной шкаф. Миша повернул ключ и открыл дверцу. В шкафу висело два старых пальто Сергея Дмитриевича, несколько платьев и Колин костюм. Сюда, за одежду, Миша и спрятал патефон с пластинками.

15. В шкафу

Короткий день приближался к концу. На улице было еще светло, но серебристые шары заграждения, поднятые недавно над городом, уже начинали растворяться в воздухе, сливаясь с серым фоном сплошных облаков. Еще немного — и их будет не видно.

«Зачем их подняли? — с тревогой думала Лена, быстро шагая к дому. — Неужели ждут налета?»

Когда по радио раздавался вой сирены, предупреждающий население о приближении немецких самолетов, Лену сразу же охватывал ужас. Она зажимала уши, убегала в дальнюю комнату и готова была выскочить из окна пятого этажа, чтобы только не слышать этого звука. Вой прекращался, в репродукторе начинал щелкать метроном, и Лена быстро успокаивалась. Почему этот вой производил на нее такое впечатление, она и сама не понимала. Стрельба зениток, взрывы бомб или артиллерийских снарядов хотя и заставляли ее вздрагивать, но не сжимали сердце страхом и не действовали так, как этот заунывный, противный вой. Возле ворот дома стоял Миша.

— Почему ты так долго? — недовольно спросил он.

— У нас было классное собрание.

— Предупредила бы...

— А я и сама не знала.

— Это все-таки не дело. Сама знаешь... Обстрелы... и вообще. Ждешь тебя и думаешь всякое...

— Ну, Коля, честное слово, я не знала, — сказала Лена с теплой улыбкой. Она понимала, что Миша беспокоился за нее, и это было приятно.

— Позвонила бы. У вас есть в школе телефон?

— Наверно, есть. Григорий Петрович дома?

— Нет. Я пойду, Аля, а то опоздаю.

— Колбасы зачем-то подняли... — сказала Лена, поглядывая вверх.

— Ну и пускай висят... Аля, сегодня нам принесли патефон, так что ты учти.

— А зачем патефон?

— Наверно, надо. Я его в шкаф поставил. Если Мальцев случайно увидит и спросит, так он у нас и раньше был.

— Он не спросит.

— Конечно, в шкаф не полезет... Но мало ли что может быть.

— А пластинки?

— И пластинок принесли.

— А какие? Заводить можно?

— Пока не стоит. Потом вместе поиграем... Так я пошел!

Уроков задано мало. Лена обошла всю квартиру в поисках какого-нибудь дела, но все было прибрано, все стояло на месте. По пути заглянула в шкаф. Действительно там стоял красный чемоданчик, а рядом коробка с пластинками. Лена зажгла свет в прихожей, села в открытый шкаф и, придерживая ногой дверцу, стала перебирать пластинки. Тут была и серьезная музыка, и песенки, и романсы, и различные танцы. Раскладывая пластинки на четыре кучки, она отодвигалась все глубже, пока не уперлась в стенку шкафа. Дверца мешала. Стоило отпустить ногу, как она с легким скрипом упрямо закрывалась...

И тут неожиданно пришел в голову смелый план. «А что, если спрятаться в этом шкафу и узнать, что делает Мальцев, когда дома никого нет? Не будет ли он кому-нибудь звонить или с кем-нибудь разговаривать?»

Лена быстро собрала пластинки, поставила их на место и осмотрела шкаф. Большой, вместительный... Тут могут спрятаться хоть десять человек. Для пробы она вошла внутрь и села, подогнув колени. Дверца со скрипом закрылась сама. Темно, тепло и, как ей показалось, даже уютно. Немного пахнет нафталином и едва уловимым запахом каких-то духов.

«Надо сказать Мише!» — решила Лена, довольная своей выдумкой.

Константин Потапыч возвращался в квартиру Завьялова, чтобы проститься с ребятами, сказать им небольшое напутствие и взять свои чемодан. Испытание закончено, и он вечером должен доложить Ивану Васильевичу, что выбор его правильный. Ребята ведут себя естественно и просто, сдержанны, спокойны и безусловно справятся с задачей.

Войдя во двор и остановившись перед кучами кирпича, он посмотрел на окна квартиры. Легкое, едва заметное светлое пятно, как ему показалось, мелькнуло в крайнем окне. Так бывает, когда поблизости кто-то пройдет и тень его отразится в стекле. «Дома кто-то есть, — решил Каратыгин. — Скорей всего Аля».

Поднявшись по лестнице и позвонив, он долго стоял перед дверью, ожидая, пока ему откроют. Звонок был сильный и хорошо слышен даже в кухне. Вспомнив, что ключ от квартиры у него в кармане, Константин Потапыч открыл дверь сам.

— Аля! Это я! — крикнул он, зажигая свет в прихожей. — Аля!

Полная тишина.

Константин Потапыч обошел все комнаты, зажег везде свет и снова вернулся в прихожую. В квартире никого не было. Странно. Неужели движение светлого пятна в окне было наружным отблеском?

Пальто Али на вешалке не было, но синий берет лежал на месте. Константин Потапыч, вероятно, не обратил бы на берет никакого внимания, если бы не светлое пятно на окне...

Теперь все стало ясно. Она дома, но зачем-то спряталась.

«Все-таки сорвались! — с досадой подумал Каратыгин. — Хотел за это испытание поставить пятерку, а теперь получают единицу».

Но где она могла спрятаться? Под кроватью? Под столом? За портьерой?

Долго размышлять над этим вопросом не пришлось. В прихожей стоял большой шкаф, и дверца его была закрыта неплотно. Константин Потапыч подошел к шкафу, нажал на дверцу и повернул ключ.

Ах, попалась, птичка, стой! Не уйдешь из сети...

Эта старинная детская песенка вспомнилась ему, как только щелкнул замок. Некоторое время он ждал. Что она будет делать? Обнаружит себя, попросит открыть шкаф и начнет оправдываться?..

Прошла минута, другая, третья... Никаких признаков жизни. Константин Потапыч прикинул ухом к дверце шкафа и затаил дыхание. Нет. Конечно, он не ошибся.

В шкафу кто-то сидел. До слуха ясно донеслось сдерживаемое дыхание и легкий шелест не то бумаги, не то материи.

Потушив свет в прихожей, он прошел в гостиную и, устроившись на диване, некоторое время сидел в темноте, обдумывая создавшееся положение.

Как ему поступить дальше? Без сомнения, в шкаф спряталась Аля. Но по своей ли воле забралась она туда? Весьма возможно, что это Мишина идея, и тогда следует проучить обоих. Но как? Не выпускать ее до возвращения брата, а потом устроить хорошую головомойку. А может быть, напугать и наглядно показать, к чему приводит такая скороспелая, непродуманная инициатива...

Время шло. Много всевозможных планов вертелось в голове, но все они казались Константину Потапычу непедагогичными, малоубедительными. В конце концов, так ни на чем не остановившись, он решил сообщить Ивану Васильевичу. «Его операция, пускай и поступает как хочет».

Лена сидела в шкафу, собравшись в комочек, и старалась не дышать. Каждую секунду она ждала, что Мальцев откроет дверцу и обнаружит ее. Что тогда делать? Что сказать?

Правда, думать об этом она стала несколько позднее, когда Мальцев ушел в гостиную. В тот момент, когда дверца шкафа неожиданно скрипнула и в замке повернулся ключ, она так испугалась, что вообще ничего не могла соображать.

Теперь она слышала, как он набрал номер телефона, как повесил затем трубку и направился к себе. Что он делал в своей комнате, слышно не было, но скоро шаги его раздались снова и совсем близко.

Лена замерла. Мальцев что-то поставил на пол в прихожей, немного потоптался... И вдруг хлопнула выходная дверь. Ушел!

С минуту Лена вслушивалась в наступившую тишину, затем встала и попробовала открыть дверцу. Ничего не получалось. Замок держал крепко и нужна была большая физическая сила, чтобы сломать дверцу. Отчаявшись выбраться, Лена села на прежнее место.

«Ну зачем я сюда залезла? Почему не посоветовалась с Мишей? Ведь сначала я так и хотела», — с упреком говорила она почти вслух.

Лена понимала, что сделана глупость, но раскаяния в душе почему-то не было.

Перебирая грампластинки, она придумала этот план и была как взволнована, что долго не могла успокоиться. Стояла на кухне возле окна и, пока совсем не стемнело, все думала, думала... Потом вспомнила о героическом поступке смелого мальчика со странной фамилией Кожух. Вася Кожух. Вчера о нем рассказал Миша, и по всему было видно, что он не только жалеет, но и завидует ему. Ну что ж, это вполне понятно. Она и сама немного завидует. Забинтованных с ног до головы раненых она видела в госпитале, и ей было нетрудно представить Васю лежащим на койке.

В этот момент во двор вошел какой-то человек, и Лена сразу догадалась, что это Мальцев.

Все остальное произошло помимо ее воли. Надо было действовать, что-то предпринять, как-то проявить себя. «Спрятаться!» — мелькнула в голове мысль, а ноги сами понесли в прихожую. Схватив пальто, она бросила его в шкаф, сбегала за портфелем с учебниками и, забравшись внутрь, закрыла за собой дверцу как можно плотнее, чуть не обломав при этом ногти.

Так она оказалась в шкафу, а потому и не было в душе сознания вины. Словно спряталась она туда не по своей воле.

* * *

С наступлением темноты ходить по улицам опасно. Со всего хода можно налететь на встречного прохожего, и такое столкновение нередко кончается синяками.

Сейчас выручают «светлячки».

Незадолго перед войной какая-то предприимчивая артель выпустила рамочки-брошки в виде большой пуговицы, куда вставлялась фотография. Брошки понравились, и в Ленинграде начали появляться люди с различными портретами на груди. Спрос на брошки воодушевил артель. Очевидно, там решили, что эта мода охватит все население страны, и принялись заготавливать брошки в огромных количествах. Но как это всегда и бывает, интерес к брошкам пропал, как только они стали продаваться во всех магазинах и ларьках. мода кончилась, а брошки остались. Лежали они на складе забытые, никому не нужные... И вот пригодились. Вместо фотографии поверхность брошки смазали светящимся в темноте составом и выпустили в продажу. Теперь ленинградцы покупали их охотно и с приколотыми на груди «светлячками» быстро шагали по улицам в полной темноте.

У Миши самодельный, но зато «художественный светлячок». Силуэт светящегося корабля. Вначале он ему очень нравился, но когда и у других появились подобные светлячки: якоря, яхты, олени, чайки, — он перестал его носить. Теперь он ходил с электрическим фонариком «жужелкой», или,

как его называл Вася, «жигалкой». Фонарик подарил ему Иван Васильевич в прошлом году. «Жужелка» предупреждала встречных не только светом, но и звуком. И звук у нее был такой странный, ни на что не похожий, что некоторые женщины даже пугались: «вж-жик, вж-жик, вж-жик...»

Миша нажимал на рукоятку спокойно, и слабое желтое пятно бежало перед ним, указывая дорогу. Вот знакомые кирпичи, вот тропка... Еще немного — и пятно запрыгало по лестнице.

«Вж-жик, вж-жик, вж-жик...»

Фонарик был хорош еще и тем, что развивал мускулы пальцев. И батареек ему никаких не надо. Самая настоящая электростанция в руке.

Открыв дверь в квартиру своим ключом, Миша вошел и сразу почувствовал что-то неладное. Темно и тихо. Зажигая свет в прихожей, он еще надеялся, что ошибся, но, когда увидел пустую вешалку, неясная тревога закралась в душу. Не раздеваясь, он прошел в комнату Мальцева и повернул выключатель. Книг, белья, мыла — еще днем разложенных на столике и стульях — не было. Чемодан, стоявший под кроватью, исчез.

Что это значит? Неужели ушел совсем?

Быстрыми шагами прошел Миша в темную комнату Лены и, волнуясь, зажег свет. Пусто. Все вещи с гот, как стояли, и ничего подозрительного не заметно. Куда же она могла уйти? Они условились оставлять друг другу записки, если неожиданно уходят... Ни в кухне, ни в своей комнате, ни в гостиной он не нашел записки и ничего другого, что могло бы объяснить это странное отсутствие. Но самым непонятным и тревожным было исчезновение вещей Мальцева.

«Догадался, что в ловушке, и сбежал? А может быть, уже арестован?»

Чем больше думал Миша, тем тревожнее становилось на душе. Надо было что-то предпринимать, и как можно скорее. Но что? Вызвать сигналом Буракова? Нет... Сначала позвонить и получить указания от Ивана Васильевича.

Набрав номер, Миша долго слушал протяжные гудки, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения.

«Неужели нет на месте? Должен же кто-нибудь подойти», — с досадой думал он.

Наконец в трубке раздался щелчок и послышался голос дежурного.

— Пожалуйста, дядю Ваню... срочно, — проговорил Миша, и сейчас же в квартире раздался стук и глухой крик:

— Коля-а!.. Я здесь!

Не разобрав, что ему ответил дежурный, Миша торопливо пробормотал «я потом позвоню», повесил трубку и вышел в прихожую. Лена в квартире. Он слышал ее голос. Но где она?

— Аля-а! Откликнись!

И вдруг совсем рядом, в шкафу, опять раздался приглушенный голос:

— Коля-а! Я же здесь...

Открыть шкаф было делом двух секунд. Красная, потная, со слезами на глазах, из шкафа вылезла Лена.

— Фу! Я чуть не задохнулась... Такая духота!..

Тяжело дыша, она села на маленькую табуреточку и, виновато поглядывая на Мишу, стала вытирать платком глаза, лоб.

— Я сначала не знала, кто пришел... Я думала, это он вернулся... — говорила она. — Потом, когда услышала твой голос, я узнала...

— А что случилось, Аля? Кто тебя закрыл в шкафу?

— Он

— Зачем?

— Не знаю... Он пришел, а я спряталась сюда... Я хотела узнать, кому он будет звонить.

И Лена, ничего не скрывая, подробно рассказала Мише, зачем она залезла в шкаф и как оказалась закрытой.

Увидев Лену живой и невредимой, Миша немного успокоился. Конечно, надо было еще выяснить, куда девался Мальцев и почему при уходе он закрыл ее на ключ. Если догадался, зачем она спряталась, то дело плохо и необходимо что-то придумывать.

— А ты знаешь... Он ведь совсем ушел, — задумчиво проговорил Миша.

— Как совсем?

— Взял свои вещи и чемодан... Но ты не волнуйся.

Ничего страшного пока нет... Это ничего... Если он вернется, мы что-нибудь наврем... А придумала ты хорошо. Надо только дырочки в шкафу провернуть, чтобы лучше дышать...

По мере того как Миша говорил, испуг и виноватое выражение в глазах девочки исчезали, а когда он одобрил ее план, на губах появилась улыбка.

— Только я вот никак не пойму: зачем он закрыл шкаф? — продолжал Миша. — Догадался или нет? Может, ты шевелилась или чихнула?

— Ну что ты, Коля!.. Я как мышка сидела, тихо, тихо...

— Мышка! Мышки другой раз такой писк поднимают... возьтятся...

— Нет, нет. Он ничего не слышал!

— Зачем же тогда закрыл? — проговорил Миша и потер рукой подбородок, как это делал Николай Васильевич, старший механик на судне, в минуты раздумья. — Если он догадался, что за ним следят, может и удрать. Подожди-ка... Это твой берет?

— Мой, — сказала Лена, и снова в ее глазах появился испуг.

— Значит, он так и лежал?

— Да... Я забыла...

— Ну теперь ясно... По этому берету всякий дурак догадается, что ты дома. Видишь, вот как получается... У тебя еще опыта нет. Разведчики, они как и саперы, когда с миной работают... Ошибаться нельзя. Один раз ошибся — и всё. Поминай как звали, — назидательно сказал Миша.

Ему нравилась роль опытного, хладнокровного разведчика. Он видел, как испугалась и растерялась Лена, понимал, что она не знает, что теперь делать, а ждет от него какого-то решения, С подчеркнутым спокойствием Миша разделся и повесил бушлат на вешалку.

— А хорошо бы сейчас чайку горяченького попить, — сказал он, потирая руки. — А? Ты как думаешь, Аля? — Чай сделать недолго, только я не знаю... Мне не до чая.

— Напрасно. Надо быть всегда хозяином положения и никогда не теряться...

* * *

Иван Васильевич сошел с трамвая, дождался Каратыгина и, когда тот оказался рядом, зажег фонарик.

— Идем по набережной. Тут ближе, — мрачно сказал он и молча зашагал через улицу.

Константин Потапыч шел рядом и не начинал разговор. Он понимал настроение друга и всей душой ему сочувствовал. Отказаться от хорошо продуманного и подготовленного плана нелегко, но и рисковать опасно. Если девочка выкинет подобный номер с Тарантулом, то погубит не только себя и «брата», но и все дело.

— Н-да! Не надо было связываться с ребятами. — проговорил наконец Каратыгин. — Подведут они тебя, Ваня. Потом не расхлебаешь.

— Алексеев не подведет. Я в нем уверен.

— Ты думаешь, это не его затея со шкафом? Вряд ли девочка сама решилась...

— Давай поспорим на полдюжины пива, — предложил Иван Васильевич. — Если это придумал Мишка, я ставлю пиво, а если...

— Пива мне, Ваня, не жалко, — перебил его Константин Потапыч, — но спорить я не буду. Принципиально!

— Почему?

— Есть такое мнение, что один из спорщиков всегда бывает дурак, а другой негодяй. Ни тем, ни другим я не хочу быть.

— Не согласен. Если человек спорит и знает наверняка, что выиграет, только тогда он негодяй.

— Но почему ты так уверен в мальчишке?

— Потому, что он уже не мальчишка — это раз. Во-вторых, он моряк. Моряки — народ более дисциплинированный. А в-третьих, мы с ним уже работали, и я его знаю.

— Ну посмотрим, посмотрим, — неопределенно пробормотал Константин Потапыч.

Под воротами дома Иван Васильевич удержал майора за рукав.

— Послушай, Костя. Ты все-таки поднимись один и посмотри... А я пока зайду к управхозу и приду немного погодя.

— Я вижу, что ты решил все-таки рисковать?

— Да. Рисковать надо... Но разумно, — тихо произнес Иван Васильевич и пошел в сторону.

Дверь открыла Лена. Константин Потапыч ждал, что, увидев его, она смутится, но ошибся.

— Григорий Петрович! — обрадовалась она. — Вот кстати. А мы с Колей чай пьем. Проходите прямо к столу... Распечатали ваши галеты... Очень вкусные. Немного рассыпчатые... Вы, наверно, замерзли! Сегодня такая противная погода, — тараторила девочка, пока он раздевался.

— Чай? Можно и чай, — согласился майор. — Я сегодня еще гостя жду. Скоро придет,

Причесывая на ходу волосы, он прошел к гостиную. Миша сидел за столом и к приходу Мальцева отнесся равнодушно.

— Я вам в большую чашку налью, — предложила Лена и, не дожидаясь ответа, достала из буфета чашку. — Я на вас сегодня рассердилась, Григорий Петрович. Хотя вы, наверно, не виноваты. Вы же не знали... Правда?

— Что я не знал?

— Что я спряталась в шкаф. Я думала, что Коля идет, и спряталась... А это оказались вы... Зачем вы меня закрыли на замок? — глядя в упор на гостя, спросила Лена. — Я из-за вас, наверно, час сидела в шкафу. Чуть не задохнулась... Хорошо, что Коля скоро вернулся. Ну зачем вы меня закрыли?

Миша с трудом сдерживал улыбку. Глаза Мальцева стали совсем круглые, и он Смотрел на Лену с таким удивлением, словно перед ним стояла не девочка, а какая-то диковинка.

— Н-да... Действительно я, кажется, перед уходом закрыл шкаф, — сознался он и, с явным смущением, продолжал: — Но я не знал, что вы там, Алечка... Стоит шкаф... Ну посудите сами! Зачем бы вам туда залезать...

— Я же вам сказала, что спряталась от Коли.

— Н-да... От Коли? Н-нет, это мне в голову не пришло. Детские игры в вашем возрасте... Нет, я не мог догадаться...

— Какой вы странный!.. При чем тут детские игры?

Я хотела его испытать... Но дело не в этом. Вот вам чай, вот галеты. Вы не расстраивайтесь, пожалуйста. Ничего страшного не произошло. Ну, посидела немножко в шкафу... Я хотела даже его сломать... Но он такой крепкий, — оживленно болтала Лена, искоса поглядывая на Мишу.

Константин Потапыч нахмурился... Почему, собственно, он решил, что девочка забралась в шкаф с целью подслушивания и слежки? Она же еще ребенок. Спряталась от «брата», чтобы напугать или просто так... Играют же дети в прятки. Плохой он педагог, если не смог разобраться в таком простом поступке.

Коротко звякнул звонок. Миша и Лена вопросительно взглянули на Мальцева.

— Я открою. Это ко мне, — сказал он, поднимаясь из-за стола. — Думаю, что он выпьет с нами за компанию стаканчик чаю...

Пока Мальцев открывал дверь, пока пришедший раздевался, Лена успела приготовить чай. Миша напряженно слушал. Мальцев о чем-то бубнил с пришедшим, но слов разобрать было невозможно. Раза два он услышал имя Лены и свое, и это его еще больше насторожило. Новый гость молчал. Лена порывалась идти в прихожую, но Миша удержал ее.

И вдруг в гостиную, в сопровождении Мальцева, вошел Иван Васильевич. Это было так неожиданно, что в первый момент ребята от удивления вытаращили глаза.

— Ну что! Не ждали? — со смехом сказал Каратыгин.

Но Миша уже оправился и, без тени смущения, спросил:

— Чего не ждали?

— Такого гостя. Старый ваш знакомый...

— Не-ет... Странно вы говорите... Это ваш знакомый, а мы, например, видим его первый раз в жизни. Правда, Аля?

— Да. Я никогда не встречалась, — подтвердила девочка.

Константин Потапыч повернулся к Ивану Васильевичу, стоявшему около дверей, и подмигнул.

— Видал? Оказывается, ничего подобного... Первый раз тебя видят. Ай-ай-ай! Выходит, что ты мне наврал...

— Чего это вы все выдумываете!.. — проворчал Миша.

— Я, говорит, профессорских детей хорошо знаю, — продолжал шутить Каратыгин.

— Этого я тебе не говорил, Костя, — заговорил наконец Иван Васильевич, подходя к столу. — Я сказал, что хорошо знаю вот Мишу Алексева и Лену Гаврилову, а профессорских детей видел мельком один раз.

— Иван Васильевич... Вы, значит... Я ничего не понимаю... — в замешательстве проговорил Миша.

— Сейчас все поймешь... Садитесь... Это мне чай? Ну что ж, не откажусь, — сказал Иван Васильевич, усаживаясь за стол и пододвигая к себе стакан. — Должен вам сразу сообщить, что пришел я с намерением отказаться от нашего плана. Да, да! Отказаться и отправить вас по домам. Но Константин Потапыч... Этого дядю зовут не Григорий Петрович и не Мальцев, а Константин Потапыч Каратыгин. Это мой старый друг. Я попросил его устроить вам проверку... Ну, говори, Костя...

Как они выдержали экзамен?

— Я же тебе все сказал... Вели они себя хорошо, естественно. Экзамен сдали бы на пятерку, если бы не история со шкафом. Правда, как выяснилось сейчас, это была детская игра в прятки, и ничего тут особенного нет, но я бы сказал, что в данной обстановке такая игра неуместна... Не

следует заниматься такими играми. Мало ли что мог подумать Мальцев... Надо чувствовать себя постарше.

— Я об этом уже говорил ей, — вставил Миша. — Теперь она все поняла.

— А поняла ли? — спросил Иван Васильевич и, прищурившись, посмотрел на Лену.

— Честное ленинское, понялат — приложив руки к груди, как можно убедительнее сказала девочка,

— Мы сначала решили, что вы спрятались в шкаф, чтобы подслушать, — заговорил Иван Васильевич. — А это грубая ошибка. Ведь я вас предупреждал, что никакой инициативы проявлять не нужно... Без особой надобности. Забыть, кто вы и зачем здесь! Просто вы — дети Сергея Дмитриевича... и только! Занимайтесь своими делами. Ваше присутствие в этой квартире дает нам возможность понаблюдать за Мальцевым издали. Посмотреть, зачем он приехал, проверить его... А может быть, он и не враг. Ведь мы только подозреваем. Мы еще ничего не знаем. Ну, а если это окажется враг, то значит, он очень осторожный, умный и опытный... Константин Потапыч, например, сразу угадал, что вы в шкафу...

— По берету? — спросил Миша.

— Не только по берету. Я увидел ее сначала в окне, — пояснил Каратыгин.

— В шкаф вы, конечно, больше не полезете, — продолжал Иван Васильевич ровным голосом, — но можете выкинуть что-нибудь другое, когда Мальцев приедет... Вот это меня и беспокоит. Начнете подслушивать у дверей, задавать какие-нибудь вопросы...

Последние слова напомнили Мише его разговоры с мнимым Мальцевым и заставили сильно покраснеть.

— В нормальных условиях, — говорил Иван Васильевич, не обращая внимания на смущение Миши, — с нормальным человеком всякие такие вопросы были бы признаком вежливости, предупредительности. А сейчас это может показаться подозрительной назойливостью. Пускай Мальцев видит и чувствует, что вы заняты, учитесь, что у вас свои дела. Когда я был у Сергея Дмитриевича, он попросил сына налить нам чаю. Коля отказался. «Мне, — говорит, — папа, некогда. Попроси Алю...» И ушел.

— Ну, это нехорошо, — заметил Константин Потапыч.

— Что значит нехорошо? — возразил Иван Васильевич. — А если он действительно занят? Опаздывает на уроки.

— А Аля? — спросила Лена. — Она тоже такая?

— Вы, Алечка, себя отлично вели, — сказал Каратыгин. — Просто, заботливо. Такой вам и надо быть. Вот только в шкаф не лазайте. Играйте как-нибудь по-другому...

— Хорошо, — опутив глаза, тихо сказала девочка. Теперь ей стало стыдно за придуманную с Мишей ложь. Но ведь если они сознаются и скажут правду, Иван Васильевич отправит их по домам и поручит это дело кому-нибудь другому. «Нет. Пускай уж лучше думают, что это была игра в прятки».

— Мальцев приедет двадцатого или двадцать первого, — сказал Иван Васильевич. — Если будет можно, мы заранее предупредим вас, но надо быть наготове. У вас еще есть время... Привыкайте, практикуйтесь.

— Мы до сих пор срываемся, Иван Васильевич, — сознался Миша. — Нет-нет да и скажем... Она меня Мишей назовет, а я ее — Леной.

— Вот-вот. Это все имеет большое значение... И пусть шкаф напоминает вам об ошибке. Если задумаете что-нибудь сделать, сначала посмотрите на шкаф, — с улыбкой закончил Иван Васильевич.

16. В аптеке

Десятого ноября в аптеку на Невском проспекте медленно вошла молодая, невысокого роста женщина. Тонкая шея не соответствовала размерам пышного воротника, а из рукавов, обшитых мехом, высывались сухие бледные руки. Но на лице женщины сияла улыбка, и живые, с веселым блеском глаза говорили, что первое впечатление обманчиво и что, несмотря на такое похудание, она вполне здорова.

— Здравствуйте! Я направлена к вам на работу, — приветливо сказала она рецептару, полной женщине в белом халате, вытаскивая из кармана сложенную вчетверо бумажку. — Вот направление.

— Вы фармацевт?

— Нет. Я кассирша.

Рецептар недоверчиво осмотрела пришедшую с ног до головы, прочитала бумажку и пожала плечами.

— Подождите. Я передам управляющей. Управляющая аптекой, немолодая энергичная брюнетка с ярко накрашенными губами, сидела в своем кабинете за составлением какого-то отчета.

— Евгения Васильевна, вот... Новая кассирша пришла, — сказала рецептар, передавая бумажку. — Дистрофик. В чем только душа держится..

Пока Евгения Васильевна читала направление, в кабинет вошел Шарковский, работающий в аптеке много лет дефектаром.

— Ну что ж, будем нормально работать. В две смены, — проговорила Евгения Васильевна, пододвигая к себе телефон. — Сейчас я выясню.

— Людей надо брать не с улицы, — заметил Шарковский. — Принять на работу просто, а вот как потом избавляться?

Управляющая давно привыкла и не придавала особого значения стариковскому ворчанью. Набрал номер Аптекоуправления, она попросила к телефону начальника отдела кадров.

— Сергей Семеныч! В чем дело? Вы мне прислали кассиршу?

— Да, да. Прекрасный работник, со стажем, фронтовик.

— Мы же условились о фармацевтах.

— Будут и фармацевты Закроем аптеку имени Урицкого и перебросим к вам работников.

— Вместе с планом?

— А при чем тут план?

— В этом году плана мы не выполним. Кто будет отвечать?

— Евгения Васильевна... Вы же знаете мою точку зрения. Если вы не выполните план, в этом нет ничего плохого. Люди мало болеют, не покупают лекарств...

— Вам это говорить просто... Вы философ. А мне планом все время глаза колют. До конца года полтора месяца. В Ленинграде нет эпидемий, а я виновата, что не выполняется план У меня все на дефекте: парфюмерия, витамины, патентика...

— Дадим. Все дадим! Вчера об этом был разговор на совещании.

— Ну, хорошо. Но пожалуйста, не забывайте, что у меня нет второго дефектара. Роману Борисовичу трудно.

— Всем трудно, Евгения Васильевна.

— Да, но у него все-таки возраст... Рецепттар с усмешкой покосилась на Шарковского и нагнулась к управляющей.

— Роман Борисович на возраст не жалуется, Евгения Васильевна, — тихо сказала она. — Он жалуется на время...

Новую кассиршу звали Вале́й Калмыковой. Несмотря на свой, как говорила рецепттар, «дистрофический вид» и молодые годы, она оказалась опытным, исполнительным работником и хорошим, жизнерадостным человеком. Не прошло и недели, как Валя завоевала любовь и уважение всего маленького коллектива аптеки. А уважать ее было за что. С первых дней войны она ушла на фронт с народным ополчением, получила серьезное ранение под Пулковом и всю страшную зиму боролась со смертью в госпитале. Выжила, поправилась и снова вернулась па фронт. Второе ранение было хотя и менее опасно для жизни, но лишило ее возможности нормально ходить. И вот она на «гражданке».

— Мало прожито, а много пережито, — говорила со вздохом пожилая санитарка Аннушка, слушая рассказ о каком-нибудь случае из фронтовых воспоминаний.

Валя любила рассказывать. Она приходила на работу задолго до начала своей смены и сидела в ассистентской или в небольшой теплой комнатке рядом с кухней, где собирались все свободные от работы сотрудники, а иногда оставалась ночевать в аптеке, потому что ей незачем было торопиться домой. Вся семья Вали — мать, отец, два младших брата — эвакуирована вместе с заводом на Урал.

— Милый мой «дистрофик»! Знаете что? Пойдемте-ка сегодня ко мне, — пригласила ее уже на третий день работы рецепттар. — Нет, верно! Муж мой очень хотел с вами познакомиться. Он ужасно любит слушать всякие истории про войну. Поужинаем, поболтаем, а утром вместе на работу.

Валя охотно приняла приглашение от этой суровой, неприветливой на вид женщины и не пожалела. Она провела приятный вечер и в лице Ольги Михайловны, как звали рецептара, нашла себе солидную покровительницу.

Затем ее пригласила к себе в гости контролер, потом одна из фасовщиц и наконец сама Евгения Васильевна.

Через неделю Валя имела обширное представление о жизни всех работников аптеки. И только Шарковский относился к Вале безразлично. Казалось, что этот ворчливый, суетливый старик ничем, кроме своего склада, не интересовался.

— А ты знаешь, мне его немного жалко, — сказала Валя как-то фасовщице, с которой успела подружиться. — Он ведь одинокий, бедняжка...

— А ну его! Сухой и черствый, — ответила с раздражением девушка. — Только о себе и думает. Я-то здесь недавно, а вот Аннушка мне говорила, что он дефицитными лекарствами спекулирует. В сорок первом году все менял: бактериофаг, витамины, глюкозу... Знаешь, сколько тогда это стоило! К нему и сейчас еще клиенты за лекарствами по блату приходят.

— Неужели? Это же опасно. Если попадетс... Сейчас очень строго судят.

— А как он попадетс? Не-ет! Он такой хитрый, опытный...

Фасовщица знала о спекуляции Шарковского со слов Аннушки, и поэтому расспрашивать ее о подробностях не стоило. Лучше поговорить с санитаркой. Старуха работала в аптеке давно, и все это происходило на ее глазах. Было ясно, что спекуляция лекарствами — только повод, предлог... Хотя не исключена и спекуляция.

Валя работала в контрразведке больше года и не первый раз встречалась с таким явлением. Там, где уголовщина — воровство, хищения, мародерство, — там может быть и предательство. Падение человека происходит не сразу. Начинается часто с пьянства, с мелкого воровства, а кончается изменой Родине. С идейными врагами Валя еще не встречалась и даже не представляла, какие идеи могут вдохновлять людей на такую рискованную судьбу.

Однако Иван Васильевич не случайно предупреждал ее о том, что Шарковский, по-видимому, враг идейный.

Пришло время сменить старую кассиршу. Забравшись в свою будочку-кассу, поставленную возле окна, Валя накинула на плечи пальто, отодвинула счеты и оглянулась. На улице еще было светло. Стекло чистое. Аннушка, по ее просьбе, каждое утро протирала это единственное окно, чтобы в минуты безделья можно было читать или наблюдать за тем, что делается на проспекте. Не завтра — послезавтра должен приехать Мальцев, и нужно быть все время начеку. Но дело не только в Мальцеве.

Два дня тому назад, утром, зашла женщина и попросила вызвать Шарковского. Покупателей в аптеке не было, и поэтому «ручница» не пошла за ним, а просто крикнула во весь голос:

— Шура! Крикните там Романа Борисовича. К нему пришли.

Валя достала большой носовой платок, вытерла им лоб и повесила на спинку своего стула.

Шарковский встретил женщину как старую знакомую, отвел в конец аптеки и о чем-то долго с ней шептался. Затем он принес бутылочку и вручил посетительнице.

Когда женщина, простившись с Шарковским, направилась к выходу, Валя спрятала платок в карман и посмотрела в окно. Сигнал был принят. На противоположной стороне, возле остановившейся на набережной машины, она увидела Трифонова.

Сегодня все произошло несколько иначе. В аптеке были покупатели, когда вошел мужчина в очках. Он подошел к рецептару и, облокотившись о прилавок, стал ждать. Неизвестно почему, но этот человек показался Вале подозрительным, и она заволновалась. Одет он был обыкновенно, как одевались многие ленинградцы, в старенькое пальто, на ногах грубые сапоги, на голове шапка, но не ушанка, а финка. Через плечо повешен и сдвинут за спину противогаз. На груди приколот «светлячок».

Ольга Михайловна закончила писать и, как всегда, хлопнула по столу пресс-папье.

— Три двадцать семь, — сказала она ожидавшей женщине. — Ну что вы стоите? Я сказала, платите в кассу три двадцать семь. Лекарство будет готово через два часа.

Женщина направилась к кассе, а Ольга Михайловна притянула руку за очередным рецептом. Мужчина приложил руку к шапке и чуть наклонился вперед. Валя не слышала его слов, но была уверена, что он попросил вызвать Шарковского, и не ошиблась. Ольга Михайловна медленно сползла со своего стула и заковыляла в ассистентскую.

Занятая покупательницей, Валя пропустила момент, когда Шарковский вышел к прилавку. Она увидела его уже здоровающимся с мужчиной. Торопливо вытащив платок, Валя повесила его на спинку стула. Это был сигнал о том, что в аптеку пришел человек и вызвал Шарковского. Платок нужно было снять в тот момент, когда человек выйдет на улицу.

Но тут случилось непредвиденное. Шарковский неожиданно пригласил посетителя за прилавок и увел его к себе.

Как же теперь быть? Аптека имела черный ход, и если Шарковский выпустит его в ту дверь, то через проходной двор мужчина может выйти на набережную или на другую улицу. На какой-то момент Валя растерялась. Они не предусмотрели такой вариант.

Женщина передала чек и, спросив о чем-то Ольгу Михайловну, направилась к выходу. В аптеке осталась девочка, дремавшая на стуле в ожидании лекарства.

Медленно текли минуты. Надо было дать какой-то сигнал Трифонову, но Валя ничего не могла придумать. Послать кого-нибудь с запиской, позвонить по телефону, сбежать под каким-нибудь предлогом самой?.. Нет. Все это исключалось. В ее распоряжении было только окно, и она знала, что сейчас, особенно сейчас, когда появился сигнал — белое пятно, — с окна не спускают глаз.

«Нужно их озадачить, — решила Валя. — Пускай подумают, пускай поймут, что случилось нечто непредвиденное. Видели же они, как в аптеку вошел очкастый... Значит, должны догадаться».

Взглянув на спящую девочку и на занятую своей работой рецептара, Валя осторожно сняла платок. Выждав секунд десять, повесила его на место. Затем опять сняла и снова повесила. И так проделала пять раз. Вешая последний раз платок на стул, она улыбнулась, мысленно представив,

как забеспокоился Трифонов и как он ломает голову, чтоб разгадать значение этих странных сигналов.

17. На кладбище

Каждый раз, когда в окне аптеки появлялось белое пятно, Трифонов косился на своего помощника и встречал взгляд, полный недоумения.

— Опять! Что у ней там стряслось?.. — бормотал он, прикладывая к глазам бинокль. — Это неспроста. Что-то сигналиит особенное. Убрала...

Он смотрел на дверь аптеки, но из нее никто не выходил.

— Повесила назад, — предупредил помощник.

— Опять... Это уж пятый раз. А ты заметил, кто остался?

— Да вроде как все вышли. Один только и остался, мужчина в очках.

— Да, да... в финке, с противогазом.

В бинокль Валя была хорошо видна. Даже выражение лица ее, когда она поворачивалась и смотрела на улицу, можно было разглядеть. Иногда она с улыбкой провожала глазами идущих мимо пешеходов, в другой раз смотрела строго, и губы ее при этом были плотно сжаты.

— Больше не снимает. Значит, он там. Пять раз... Почему пять? Это неспроста... Думай, Федя.

— Я думаю, Василий Алексеевич.

— Ну и что?

— Не знаю. Головоломка со всеми неизвестными.

— Почему же со всеми? Одно число есть. Пятерка.

— Пятерка число хорошее... для школьников, — пошутил Федя. — А может быть, она указывала на время? Пять минут, или в пять часов, или через пять часов.

— Н-да... Задача. Засеки-ка время на всякий случай. Пять? Постой-ка, а не отмашка ли это?

— Вряд ли... Может быть, пять человек...

— Где же они? Не-ет. Скорей всего, она наше внимание заостряет. Быть наготове... Что-то серьезное... А нет ли там другого выхода?.. Или действительно пять человек...

Так они сидели возле окна, деля всевозможные, самые невероятные предположения, но ни на одном из них остановиться не могли. Загадка оставалась неразгаданной.

Прошло несколько минут. Платок неподвижно висел на стуле.

— Ого... Чего-то заерзала... — предупредил Трифонов.

И, словно в ответ, белое пятно исчезло. Еще секунда — и из аптеки вышел мужчина в очках.

— Вот он. Долго он там канителился... Я пошел, Федя, — быстро проговорил Трифонов. — Только бы не отпустить... Погода-то...

Выйдя на Невский, Трифонов крупным шагом перешел мост через Фонтанку и на противоположной стороне проспекта увидел знакомую фигуру. Мужчина в очках шел неторопливо, обходя лужи. На углу Литейного он остановился, закурил и, переждав трамвай, направился дальше. Народу на проспекте немного, и следить было не трудно. Недалеко от улицы Марата мужчина свернул и направился на другую сторону Невского проспекта. Трифонову пришлось остановиться. Чтобы не обращать на себя внимания, он спрятался за выступ ящика с песком, укрывавшим огромное стекло магазина от взрывной волны и осколков. Как раз в этот момент с остановки отправился трамвай. Мужчина неожиданно переменял направление, пробежал несколько шагов и вскочил на заднюю площадку. Трифонов вышел из-за укрытия и сердито посмотрел вслед удаляющемуся трамваю.

«Упустил! — с досадой подумал он. — Неужели заметил, что за ним следят? или просто так, на всякий случай, как заяц, петляет?»

Можно догнать трамвай на попутной машине, но надо было быть чрезвычайно осторожным. Об этом предупреждал Иван Васильевич несколько раз. Если шпионы заподозрят, что за ними установлено наблюдение, они примут меры и постараются скрыться. И тогда весь план рухнет. Лучше пустить.

«А не поехал ли он тоже на кладбище? — подумал

Трифонов, вспомнив, что два дня тому назад он, по сигналу Вали, пошел следом за женщиной и потерял ее в Александро-Невской лавре, на Никольском кладбище. — Проверить!» — решил он.

Подняв руку, Трифонов остановил военную полуторку.

— Ну, чего ты? — грубо спросил шофер, высовываясь из кабинки.

Вместо ответа Трифонов вытащил из кармана служебное удостоверение и поднес его к самому носу водителя.

— Куда едешь? — спросил он, забираясь в кабинку.

— В Рыбацкое.

— По пути, значит. Жми, браток.

— А инспектор?

— Это я беру на себя...

Шофер не заставил себя уговаривать. Машина сразу пошла с недозволенной скоростью. У вокзала они перегнали трамвай, развернулись и понеслись по Старо-Невскому.

— Давно за баранкой сидишь? — спросил Трифонов.

— С тридцатого года. А что?

— Ничего. Заметно, что не новичок.

От этой похвалы нахмуренные брови солдата разошлись и глаза потеплели.

Вот и площадь. У входа в Александро-Невскую лавру стояли часовые. Здесь расположены воинские части. Еще минута — и показались красные здания складов.

— Затормози-ка, браток. Я вылезу. Спасибо!

Выскочив из кабинки, Трифонов перебрался через канаву и остановился возле толстого ствола липы. Раньше Никольское кладбище было обнесено высоким деревянным забором, но в первый год блокады его растащили и сожгли в «буржуйках».

Через кладбище ходило много народу, особенно по утрам, сокращая себе путь на мельницу имени Ленина и некоторые другие заводы.

Никольское кладбище самое богатое в Ленинграде, и не случайно здесь так красиво. Массивной постройки склепы, часовни, памятники, различной расцветки кресты из камня, мрамора, причудливые решетки. Между могил стоят громадные деревья, и везде, где только возможно, растет кустарник и высокая трава. Все усыпано желтыми листьями. Здесь похоронено много известных литераторов, художников, композиторов, полководцев, флотоводцев, государственных деятелей и, наконец, просто богатых.

Трифонов прошел по протоптанной дорожке до поворота. Вот здесь свернула посетительница аптеки и куда-то исчезла. Правда, потерять человека в этих зарослях нетрудно, — стоит тому сделать только два-три шага в сторону. Пройдя немного вперед по дорожке, Трифонов свернул и, спрятавшись за кустом бузины, огляделся. Сзади него, за чугунной решеткой, стоял высокий крест из черного полированного камня, весь облепленный желтыми листьями. Справа и слева два дерева. Через оголенный куст хорошо просматривалась часть дорожки до поворота.

Время еще есть. Можно выкурить папиросу. Через несколько минут послышался женский смех и на дорожке появилась группа женщин в ватниках. Впереди шла высокая девушка и тонким прутом сбивала мертвые листья, упорно державшиеся на ветках. Сзади шагали трое.

— Ой, девочки, смотрите! — сказала одна из них, задерживая подруг. — Вроде как человек...

На мгновение Трифонов замер, подумав, что девушка заметила его, но сразу успокоился. Девушки смотрели куда-то в сторону и вверх.

— Да это только кажется. Это на часовне какая-то штука сломана.

— А как похоже! Правда? Смотрите... Руки, и голова, и шапка... Ну прямо человек и человек... И нитку в зубах держит.

— Не выдумывай, Нюркат

— Нет, верно. Смотритет

— Это ветка.

— Такая тоненькая и прямая! Совсем как нитка.

— Девчата! Ну что вы там? — нетерпеливо крикнула передняя.

— Сейчас! Нюра тут человека увидела... Группа двинулась вперед и, дойдя до поворота, снова остановилась.

— Ну, где твой человек?

— Да... Теперь не так. А нитку я все-таки вижу.

— Это не нитка. Какая-то проволока.

— Пошли, пошли!

Скоро голоса затихли, и Василий Алексеевич зажег потухшую папиросу.

«Почему на кладбище воображение людей обостряется и мерещится всякая чертовщина? — подумал он. — Ни с того ни с сего увидели человека с ниткой в зубах где-то на часовне».

Снова послышались шаги, и на дорожке появились двое пожилых мужчин. Они шли неторопливо и тихо разговаривали.

— Я не спорю... Речица, может, и маленький город, но главное, что Рокоссовский ударил, а тут враз и Ватутину приказ. Коростень взяли, — весело говорил первый. — Сломали, Паша, немца.

— Сломали его под Сталинградом, Кузьмич, — густым басом ответил второй. — Там у немца боевой дух надорвался. А у наших теперь образовался прорыв. Это уж всегда так... Русских раскачать трудно, а как раскачаешь, так и не остановишь...

О взятии Коростеня и о наступлении армии Рокоссовского Трифонов узнал еще вчера вечером. «Значит, приказы уже переданы по радио», — подумал он.

Незаметно надвигались сумерки. Блестящая полированная поверхность мрамора потускнела, резко очерченные грани крестов начали терять свою форму и сливаться с общим фоном растительности. Уцелевшие листья срывались с деревьев и падали вниз. Сейчас они еще больше походили на каких-то странных порхающих бабочек. Сырость пробиралась к телу, и с каждой минутой становилось все холоднее.

«Значит, ошибся, — с огорчением думал Трифонов. — Упустил и второго. Не везет».

Он уже собирался покинуть свой пост, когда услышал шорох. По дорожке кто-то шел. Трифонов вытянул шею и затаил дыхание. Человек приближался к повороту.

«Он!»

Несмотря на полумрак, Трифонов сразу узнал посетителя аптеки. Финка, очки, «светлячок». Мужчина шел быстро. На повороте он остановился, огляделся и, никого не видя, крупными шагами направился по дорожке. Свернул у железной оградки, над которой возвышался белый мраморный крест. Трифонов подался вперед. Голова мужчины мелькнула темным силуэтом на фоне часовни, показалась еще раз за низким кустарником и исчезла.

Был момент, когда хотелось ринуться вперед, срезать угол и, прячась за кустами, двигаться за человеком, но какая-то сила удержала.

«Нельзя! Может заметить».

Только сейчас Трифонов почувствовал, как тяжело он дышит и как бьется сердце. Видимо, подолгу задерживал дыхание и сам этого не замечал.

«Вот, значит, какие дела, — с глубоким вздохом подумал он. — Будем считать, что опять упустил, но зато теперь на верном следу. Делаем вывод. Где-то здесь, на кладбище... Прячут они тут что-нибудь или сами прячутся?» — размышлял про себя разведчик, прислушиваясь к доносившимся отовсюду звукам.

Справа, за складами, по Шлиссельбургскому шоссе изредка проходили машины, далеко за спиной посвистывал паровоз, но все эти звуки были живыми, знакомыми и не имели никакого отношения к «могильной тишине». На кладбище стоял какой-то особенный покой, и ни шелест падающих листьев, ни ветер, шуршащий ветвями, не нарушали, а скорее подчеркивали его.

18. Гость приехал

Лена затеяла стряпню. Среди продуктов, привезенных Константином Потапычем Каратыгиным, было немного муки, а значит, можно испечь пирог. В начинку она решила использовать картофель и оставшуюся банку американской консервированной колбасы. По поводу этой колбасы было много разговоров среди женщин. Некоторые утверждали, что это мясо ондатры (водяной крысы), другие говорили, что это конина, и даже мясо слонов. Так это или не так, Лена не знала, но консервы ей тоже не нравились. Они были слишком соленые, обезжиренные; и ели их только потому, что другого ничего не было.

— Пользуются случаем — наживаются, — рассуждали хозяйки между собой. — Для кого война — горе, а для кого и радость. Доходы большие...

— Вот и сахар ихний совсем не такой... На вид и красивый, и мелкий, и чистый, а сладости в нем куда меньше, чем в нашем.

— Это потому что тростниковый. А наш из свеклы делается.

— А сало у них ну совсем как вазелин! И вкуса никакого.

— Техники много, вот и делают всякие эрзацы. Лишь бы денег нахватать побольше.

Девочка прислушивалась к этим разговорам и понимала, что женщины упрекают не американских рабочих или фермеров, а капиталистов. Представление о капиталистах у Лены было довольно смутное. Ей казалось, что капиталист — это не живой человек, а какая-то бессердечная машина-чудовище, что-то вроде робота, о котором однажды рассказывал в школе учитель.

Вот и сейчас. Открывая банку консервов, она думала об этом «механическом человеке». Всякая машина нуждается в питании: в бензине, керосине, угле, дровах, нефти. А чем питается «капиталист»?..

— Аля! Что ты делаешь?

От неожиданности Лена вздрогнула. Занятая своими мыслями, она не слышала, как на кухню пришел Миша.

— Фу! как ты меня напугал, Коля!

— Это что? — снова спросил Миша.

— Это спрос! Кто спросит, тому в нос.

— Нет, верно?

— Это будет начинка.

— А зачем?

— Начинка для пирога. Ты любишь пироги?

— Конечно... А помогать тебе не надо?

— Нет. Иди лучше учи уроки.

— Я уже все сделал.

— Ты мало занимаешься, Коля. Тройку схватил позавчера.

— Это потому, что Я пропустил. Исправлю, — ответил Миша, поворачивая голову. В гостиной звонил телефон.

— Слышишь? — предупредила Лена.

— Опять, наверно, не туда попали, — проворчал Миша, неохотно отправляясь в гостиную.

Последние дни телефон довольно часто давал о себе знать, но звонки были ошибочные. То спрашивали поликлинику, то райкоммунотдел.

— Это кто? Коля Завьялов? — услышал Миша знакомый голос.

— Я! Это я, дядя Ваня, — обрадовался Миша. — Давно вы не звонили. Мы уж думали, что вы позабыли про нас.

— Как же я могу забыть своих племянников! Ну что у вас там нового?

— Ничего особенного. Аля пирог собралась печь, а я уроки учил.

— Ну вот что, Колюша... Гость наш приехал. Думаю, что скоро будет у вас.

— Ну-у... приехал, значит... А давно?

— Вероятно, сегодня. Мне только что сообщили.

— Вот и хорошо. А то ждем, ждем...

— Да, да... Говорить нам, я думаю, не о чем. Все уже сказано, и я уверен, что вы все запомнили... Про шкаф не забывайте... Пока что до свиданья, Колюша. Передай привет сестренке.

Последние три дня. Миша совсем успокоился, и в голову иногда закрадывалась даже мысль о том, что Мальцев вообще не приедет. Предупреждение Ивана Васильевича сильно взволновало. Опять, как и раньше, тревожно забилося сердце.

«Да что это я! Привыкнуть давно пора, — успокаивал он себя. — Ну, приехал и приехал... Подумаешь, важность какая! Не съест».

— Аля! Тебе привет! — громко и весело сказал Миша, возвращаясь на кухню.

— От кого?

— Угадай!

Лена отряхнула руки от муки, мизинцем поправила волосы, перемазав при этом висок, и вопросительно уставилась на Мишу. От кого она могла получить привет? Может быть, от Анны Захаровны? Но ведь она не знает номер телефона...

— Ну от кого?

— От Григория Петровича Мальцева. Приехал в Ленинград и скоро прибудет сам.

— Ты шутишь!

— Насчет приветов шучу. Привет просил передать дядя Ваня. А Григорий Петрович действительно приехал. Но мы об этом, конечно, ничего не знаем. Иван Васильевич предупредил, чтобы мы были наготове.

— Ойт Мне уж надоело быть наготове, — со вздохом призналась Лена. — Ждем, ждем, и все время наготове.

— Ничего, Алечка. На фронте тоже иногда подолгу ждут, и тоже, наверно, не сладко.

— Я понимаю, — протянула Лена. — Ну, а как же теперь с пирогом?

— А что?

— Делать или не стоит?

— А почему не стоит? Делай.

— Тогда надо плиту затапливать.

Топить печи было на обязанности Миши, и делал он это хорошо, как опытный кочегар. Дрова у него разгорались быстро и дружно. Лена приготовила начинку и взялась за тесто. Оба работали молча, думая о предстоящей встрече с человеком, ради которого затеяна вся эта инсценировка.

И вот наконец раздался звонок в прихожей.

Миша взглянул на побледневшую девочку и с улыбкой кивнул головой.

— Значит, дождались. Ничего, Аля. Все будет в порядке. Помнишь, как сосед говорил: «Будем жить да поживать да поглядывать»?

С этими словами он неторопливо встал и отправился в прихожую.

— Кто там?

— Профессор Завьялов дома?

— Нет. Папа в командировке, — сказал Миша, открывая дверь.

На площадке лестницы стоял гость. Миша узнал его сразу. По описанию Ивана Васильевича он именно таким и представлял Мальцева. Невысокий, коренастый, немолодой мужчина внимательно смотрел на него, чуть прищуривая близорукие глаза. И взгляд этих глаз был серьезный, добрый, чуть насмешливый. Возле его ног стоял большой чемодан, а через левое плечо перекинут туго набитый рюкзак.

— В командировке? — с удивлением переспросил Мальцев. — И давно он уехал?

— Нет... Тринадцатого или четырнадцатого...

— А куда он уехал?

— В Москву... А вы кто будете?

— Моя фамилия Мальцев.

— О-о! Григорий Петрович! — обрадовался Миша, — А мы вас ждем...

— Кто это «мы»? — спросил гость.

— Мы с Алей... Папа читал нам ваше письмо. Он просил извиниться. Его срочно вызвали в главк с каким-то отчетом. Но он постарается вернуться в этом же месяце. Заходите, Григорий Петрович...

Был какой-то момент, когда Мальцев колебался, и это выражение Миша уловил в его глазах.

О чем размышлял этот человек? Что его обеспокоило? Почему он нерешительно взял чемодан и сейчас же поставил его обратно? Может быть, короткий разговор с Мишей показался ему подозрительным и он почувствовал какую-то фальшь в его тоне?

— В командировке... Как это все неудачно складывается! — спокойно произнес Мальцев. — Вряд ли мне удобно останавливаться у вас.

— А почему? Места у нас хватит. Вам даже отдельная комната приготовлена.

— Даже комната... — повторил гость.

— Коля! Кто там пришел? — крикнула Лена, выходя в прихожую.

— Григорий Петрович приехал.

— А-а! Приехали! Здравствуйте! — радостно заговорила Лена, торопливо вытирая руки. — А мы ждали вас! Папа сказал, что вы друзья... Очень рады... Проходите, пожалуйста! Извините, что я в таком виде... Я стряпаю.

Этот приветливый тон, большие искренние глаза девочки, обаятельная улыбка, перемазанные мукой руки и лицо — все это подкупало, располагало, и нерешительность Мальцева как рукой сняло. Он взял чемодан и, улыбаясь, вошел в квартиру,

— Григорий Петрович, а вы прямо к себе в комнату проходите. Вот сюда, за мной... Я вам тут все прибрала... — без умолку щебетала Лена. — Комната не очень светлая, но это ничего... Сейчас электричество есть. А папа скоро приедет. Коля говорил вам, что он в Москву улетел? На самолете улетел. Сейчас очень просто в Москву летать... Он просил извиниться и встретить вас как друга. Вы с ним друзья? Правда?

Миша слушал свою мнимую сестру и диву давался. Обычно очень скромная, молчаливая девочка — и вдруг целый водопад. «Откуда только берутся у нее все эти слова? — думал он. — Так и сыплет, так и сыплет».

Мальцев поставил чемодан в комнате, положил на стул рюкзак и огляделся. За это время Лена успела рассказать, что жить в Ленинграде очень опасно и нужно быть осторожным. Неожиданно начинаются обстрелы, и даже на стенах домов написали, по которой стороне улицы нельзя ходить.

— Да, да. Это я уже испытал, — по-прежнему улыбаясь, сказал Мальцев. — Утром попал под обстрел... Ну, давайте знакомиться. Вас, если не ошибусь, зовут...

— Меня зовут Аля, а его Коля.

— Да, да. Теперь вспомнил. Коля, а вы очень похожи на отца, — сказал Мальцев, пожимая руку Мише. — Аля нет. Аля, верно, в мать... а вы оч-чень похожи.

— А я не согласна, Григорий Петрович, — неожиданно заявила Лена. — Как раз все говорят, что Коля больше похож на маму, а я больше на папу. И характер у меня, как у папы.

— Может быть... может быть. Спорить я не буду, — сразу согласился гость.

— А почему вы не раздеваетесь? — спросила Лена.

— Потому что мне нужно кой-куда сходить и навести кой-какие справки.

— Ну во-от... — недовольно протянула Лена. — Не успели приехать... Я сейчас поставлю чай.

— Нет, нет! — твердо сказал Мальцев. — К вечеру я вернусь, и тогда мы будем и чай пить, и закусывать, и разговаривать.

— Григорий Петрович, если нас дома не застанете... Мало ли что... Я вам ключ дам. Хотите? — предложил Миша.

— Вот это хорошо. Спасибо, голубчик.

Получив ключ, он в сопровождении Миши обошел всю квартиру, задал несколько незначительных вопросов о режиме дня и уехал.

— Ну знаешь... Ты и молодец, Аля! — почти с восторгом сказал Миша, возвращаясь на кухню, где Лена уже защищывала пирог.

— А что?

— Вот уж я не ожидал. Я думал, что ты испугаешься.

Лена молчала. Она и сама удивлялась своему поведению. Почему она так свободно и непринужденно себя вела? Может быть, потому, что свыклась со своей ролью, почувствовала наконец себя здесь полной хозяйкой? «Маленькая хозяйка большой квартиры», — вспомнила она выражение Константина Потаповича Каратыгина.

19. В кабинете

Иван Васильевич с тревогой ждал звонка по телефону.

Если в первый год войны уверенные в победе фашисты действовали нагло, почти открыто и мало заботились о маскировке, то сейчас они были пугливы и осторожны сверх всякой меры.

В аптеке Мальцев должен узнать от Шарковского, что Казанков благополучно приехал и вручил письмо Завьялову, но затем бесследно исчез и до сих пор не появлялся.

Куда же исчез Казанков, по мнению Тарантула? Убит или ранен случайным снарядом? Заболел? Нашел жену и, не желая работать на фашистов, сбежал на Большую землю? Арестован как дезертир? А вдруг раскаялся и пошел в органы госбезопасности докладывать, как его завербовали и зачем забросили в Ленинград?

Вторая неожиданность, с которой встретится Тарантул в первый же день, — командировка Завьялова. Как он к этому отнесется? Поверит ли ребятам?..

В дверь постучали, и в кабинет вошел Каратыгин. В морской офицерской форме он выглядел очень солидным, бывалым моряком.

— О-о! Старый морской волк!

— Да, вот видишь... Чего только не наденешь!.. Зашел попрощаться, Иван.

— А куда ты собрался, Костя?

— В Кронштадт.

— В такую-то погоду! Укачает ведь.

— Ну что ж... Потравлю немного. Ничего не поделаешь, — разводя руками, со вздохом сказал Каратыгин, — Рейс небольшой.

— А ты уж и морскими терминами обзавелся.

— Приходится... Ну, как у тебя дела, Иван? Приехало твое насекомое?

— Приехал. Как раз сегодня. Сижу вот у телефона и мучаюсь. Как они там, наши юные разведчики?.. — И Иван Васильевич подробно рассказал о своих опасениях.

— Н-да... — задумчиво произнес майор. — Я тебя предупреждал, Ваня. Покоя теперь тебе не будет. Если даже сегодня все сойдет благополучно, то все равно завтра, послезавтра, каждый день, каждый час твою душу будет глотать червячок... Как они там? Не натворили бы чего-нибудь...

— Ладно, не каркай. «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой». Помнишь?

— Я не каркаю, а предупреждаю.

— А ведь есть покой в бурях... Как ты считаешь, Костя?

— Не в бурях, а в борьбе.

— Так ведь я о том же и говорю.

— Понятие покоя — сложное понятие, Ваня. И зависит оно от природы человека. Для Обломова, например, твое понятие не подходит. Но не стоит сейчас философией заниматься.

— Почему?

— Некогда. Поговорим, когда вернусь... Передай ребятам привет...

В это время зазвонил телефон.

— Это кто-нибудь из них, — сказал Иван Васильевич, снимая трубку.

И он не ошибся. Миша очень подробно рассказал о приезде гостя, описал наружность его, принесенный им багаж и даже сообщил, какой примерно вес имеет чемодан и рюкзак.

— Так. Понимаю. Хорошо, — говорил изредка Иван Васильевич, делая пометки в записной книжке. — А он при вас пальто снимал?.. Не снимал. Так. А из карманов ничего не доставал? Пакетиков или коробочек?.. Так. Ну, молодцы! Теперь так, Колюша. Если меня не застанешь, звони к дежурному. Передайте, мол, дяде Ване то-то и то-то... Но звони, только когда уверен, что тебя никто не услышит. Ну, да ты человек опытный, учить не надо...

— Что ты ему льстишь?.. Зазнается! — проворчал Каратыгин, прислушиваясь к разговору.

— Скажи сестренке телефон дежурного, но пускай она заучит его наизусть. Константин Потапыч вам шлет привет и просит, чтобы про шкаф не забывали... Будь здоров, племянничек.

— Ну что... отлегло? — спросил Каратыгин, когда Иван Васильевич положил трубку и пристально посмотрел на друга.

— Отлегло, Костя.

— Ненадолго... Вот помяни мое слово.

— А зачем ты мне это говоришь? — с некоторым раздражением спросил Иван Васильевич. — Зачем? Ну, конечно, я буду беспокоиться, и червяк будет точить... Ну, а что же, по-твоему, делать? Отказаться от операции? Поздно.

— Нет... Я хотел сказать, что дети...

— Что дети? — снова сердито перебил его Иван Васильевич. — Дети, дети... Ты как классная наставница. Неужели все педагоги такие?

— Я не педагог, — буркнул Каратыгин.

— Наши дети рвутся в бой. Они хотят работать, бороться с врагом, хотят помогать своим отцам, а вы испугались. Дети! Вы хотите их в вату упаковать и подальше от жизни, от борьбы запрятать...

— Кто это «мы»? — мрачно спросил майор.

— Педагоги.

— Да не педагог я, Иван! Что ты меня дразнишь!

— Удивительное дело! — говорил Иван Васильевич, не обращая внимания на слова друга. Он вышел из-за стола и зашагал по кабинету. — Вы готовите детей к будущей борьбе, а в то же время уничтожаете элементы всякой борьбы в их жизни. Вы хотите их теоретически подготовить к борьбе. А они уже живут! На их глазах такие примеры... Я хотя и не педагог, но всем своим нутром понимаю, на своей собственной шкуре испытал и убедился, что характер создается и закаляется в

борьбе. Ты мне как-то жаловался на свою дочь. Капризная, мол, избалованная... А кто виноват? Ты сам. Ты же ее при мне с ложечки кормил... Помнишь? «Скушай, детка, за папу, за маму...» Ребенок есть не хочет, я ту насильно в рот пихаешь...

Константин Потапыч не помнил, когда Иван Васильевич видел такую сцену, но если он так говорит, то, значит, видел. Бывал он у него неоднократно.

— Ну, а по-твоему как?

— По-моему? А по-моему, если она захочет есть, то сама попросит. Дай ложку в руки... Да нет! Пускай сама возьмет эту ложку. Я бы на твоём месте даже какие-нибудь препятствия ставил... Не знаю... Ну, спрятал бы, например, эту самую ложку. Пускай поищет. Ты детей до зрелости несмышленишками считаешь... А как они тебя за нос водят!..

— Когда?

— Да вот эта история со шкафом. Ты ведь им поверил?

— А то как же?.. — широко открыв глаза, спросил Константин Потапыч.

— Вот, вот... Поверил потому, что «дети»... В прятки играли. Да ничего подобного, Костя! Это они все выдумали, Мишка придумал, чтобы из этого положения выкрутиться. Для них ты был шпионом, Тарантулом... А спряталась она в шкаф действительно потому, что хотела твои разговоры по телефону подслушать.

— Кто это тебе сказал? Мальчик?

— Нет, еще не сказал. Но я уверен, что скажет.

Спор пришлось прекратить. В кабинет вошел Трифонов и, молча поздоровавшись с майором, сел без приглашения в кресло.

— Устали, Василий Алексеевич? — спросил Иван Васильевич.

— Устал, товарищ подполковник...

— Н-да! Не буду вам мешать, — сказал Константин Потапыч поднимаясь. — Не сердись на меня, Иван. Может быть, ты и прав... От старости я слишком осторожничать начал... Поеду. Счастливо!

Иван Васильевич проводил друга до двери и, повернувшись, обратился к Трифонову:

— Ну, докладывайте.

— Антенну нашел, товарищ подполковник... Замаскирована в деревьях. Одна девчонка на днях проходила по тропке, и почудился ей человек. Смотрите, говорит, девчата, человек в зубах нитку держит. Я сначала не придавал значения. Мало ли, думаю, какая чертовщина на кладбище может померещиться. А сегодня вспомнил и давай искать... Нашел. Антенна.

— Там, где антенна, там и передатчик.

— Совершенно точно. И сдаётся мне, что протянута она в склеп. Солидный такой склеп из черного мрамора сложен. Но я не уверен, товарищ подполковник, — сразу оговорился разведчик. — Предполагаю. Боюсь их спугнуть. Гнездо расшевелишь, осы разлетятся.

— Та-ак... — задумчиво протянул Иван Васильевич. — Нежданно-негаданно... Что же мы дальше будем делать?

— Полагаю, что надо установить наблюдение. Но скрытно... Там такие заросли, оградки, кресты... Пока точно не установим, какой склеп, какой туда вход и вообще всякие подробности, следить трудно. Ты за ними следишь, а они за тобой.

— Согласен. Какие у вас предложения?

— Да есть у меня одна мыслишка...

Все помощники Ивана Васильевича думали и проявляли всегда много самостоятельности. Всякий план, всякая задача, которую подполковник ставил перед подчиненными, обсуждались вместе со всеми, и творческая инициатива разведчиков, выполняющих рискованные задания, не была связана. Иван Васильевич руководил и воспитывал людей по-ленински. Каждый человек, о чем бы ни докладывал подполковнику, всегда сообщал о своих предположениях, размышлениях и вносил ценные предложения.

— Ну-ну... выкладывайте.

— Птички там поют, — неожиданно сказал Трифонов. — Синички всякие, щеглята, чижики. Вот я и подумал... Есть у нас такие любители, особенно среди пацанов. Ловили бы они там птичек, а между тем поглядывали бы по сторонам...

— Хорошая мысль, — сразу согласился Иван Васильевич. — Естественно и просто. Пока точно не установим, куда они прячутся, нужна особая осторожность. В склепе могут быть и глаза... Какой-нибудь перископ замаскированный.

— Точно, точно, товарищ подполковник. Там такое делается... Сам черт ногу сломит. Джунгли! Крапивы одной ужас сколько.

— А кто будет птицеловом? Подумали?

— А как же... Приятели-то Алексеева не у дел остались... Забыл, как их зовут...

— Вася и Степа, — подсказал Иван Васильевич.

— Вот, вот... Ребята шустрые, самостоятельные, надежные.

— Хорошо. Согласен. Разущите их и организуйте. Потом Поговорим подробно.

20. Портрет

Мальцев сидел за столом и, грея ладони рук о стакан с горячим чаем, говорил негромко, спокойно, как бы размышляя вслух.

Миша внимательно слушал гостя, не спуская глаз с его коротких, пухлых пальцев.

— А не слишком ли дорого стоит оборона Ленинграда? Имеешь ли ты представление, дорогой мой мальчик, какой ценой удержали этот город? И дело не в разрушенных домах и заводах... Нет. Дело в людях. На Большой земле... Мы там понятия не имели, сколько здесь погибло людей. И каких людей! Ценных специалистов, мастеров, художников, ученых...

— А что же было делать?.. Сдаваться? — тихо спросил Миша.

Мальцев ответил не сразу. Он пристально посмотрел на юношу, пытаясь понять его отношение к этому вопросу, отхлебнул глоток чаю и покачал головой.

— Не знаю. Я маленький человек. Мы с тобой крошечные винтики государственной машины и должны скромно выполнять свои функции. Нас не спрашивают, что делать. Нам только приказывают.

— А вы считали, что... — начал было Миша, но гость его перебил.

— Я ничего не считаю. Я говорю только о том, что видел своими глазами, слышал своими ушами.

— А я думаю, что глаза у людей не много видят. Только то, что кругом, — упрямо возразил Миша.

— Эх, молодость, молодость! — со вздохом сказал Мальцев. — Героическая, бездумная, горячая...

— А разве это неправильно? — спросил Миша. — Вот, например, такой факт... Когда снаряд или бомба близко разорвутся, то человеку кажется, что весь Ленинград на воздух взлетел... и вообще конец света. А на самом деле ерунда...

Миша волновался. Ему казалось, что Мальцев прощупывает его настроение, хочет посеять какие-то сомнения или испытывает, но для чего он это делал — неизвестно.

— Да, да, да... Все это так. Действительность существует для каждого из нас... Человек исчезает, и вместе с ним исчезает все, — сказал он и еще раз повторил: — Все!.. А что будет после него... Не все ли ему равно?

— Хоть потоп! — хмуро напомнил Миша.

— Нет. Ты меня неправильно понял, — с улыбкой сказал гость. — Для меня этот вопрос имеет особое значение. Дело в том, что здесь погиб мой сын. Да, погиб... И вот сейчас мне и в самом деле все, что связано с Ленинградом, стало как-то безразлично... Ленинград существовал для меня потому, что здесь жил и учился мой сын. По своей занятости я редко видел его... Он был примерно твоих лет... может быть, немного постарше. — Говоря это, Мальцев не спеша достал из кармана бумажник, вынул оттуда фотокарточку и протянул своему собеседнику. — Вот, посмотри...

Ничего не подозревая, Миша взял снимок, взглянул и ясно почувствовал, как у него зашевелились волосы на голове. На снимке был атаман воровской шайки — Жора Брюнет. Мише навсегда врезалось в память нахальное выражение его глаз, презрительная, чуть брезгливая улыбка, высокомерное поведение. Вспомнил он и последнее... Дикий крик, вытаращенные от ужаса глаза... Здесь, на портрете, юноша был несколько иным, чем в жизни. Красивый, приятный, с приветливой улыбкой.

— Коля... Вы знали этого мальчика?

Миша поднял глаза и, встретившись с пытливым взглядом гостя, еще больше смутился. Мальцев жадно наблюдал за ним. Он видел замешательство юноши, видел, какое впечатление произвел на него портрет.

«Что же делать? Теперь не скроешь, — думал Миша. — А если врать, совсем запутаешься».

— Да, — сказал он. — В прошлом году мы с ним встречались. Его зовут Жора Брюнет.

— Звали его Георгий. Но почему Брюнет?

— Брюнет? Ну, это вроде клички или прозвища.

— А где вы с ним встречались?

— Этого я не могу сказать...

С последними словами Миша положил снимок на стол, отошел к пианино и встал спиной к гостю.

— Почему вы не можете сказать? — настойчиво спросил Мальцев.

— Не могу... Это секрет.

— Какие же теперь секреты?.. Если он погиб.

— А я-то еще живой.

— Да. Вы живой... — повторил Мальцев и, немного подумав, тихо продолжал: — Коля, голубчик... Я очень вас прошу, расскажите все, что касается моего мальчика. Ну хотя бы то, о чем можно говорить. Мне не нужны ваши детские секреты... Но если вы даже проговоритесь...

— Вы сообщите папе, — подсказал Миша.

— Нет, нет! — поспешно сказал Мальцев. — Теперь я понимаю, в чем дело... Могу вам дать честное слово. Могу поклясться чем угодно, что ни одного слова не пророню из всего того, что узнаю от вас. Я слишком уважаю Сергея Дмитриевича...

— Тем более, что уважаете, — проворчал Миша и направился к выходу.

— Куда вы?

— Я посмотрю, что Аля делает, — пояснил Миша. — Она тоже меня воспитывает.

Миша прошел в комнату Лены и тихо постучал, надеясь, что она не ответит. Но он ошибся. Лена не спала.

— Кто там? Можно, можно, — раздался голос девочки.

Миша вошел и плотно закрыл за собой дверь.

— Зажги свет, — тихо предложила Лена.

— Не надо. Я пришел просто так, — сказал Миша, подходя к кровати. — Очень, понимаешь, все сложно получилось. Боюсь запутаться. Надо бы посоветоваться, и не с кем...

— А я? — с обидой спросила Лена.

— Ты же ничего не знаешь. А рассказывать — долгая история... Такая неожиданность! Я прямо обалдел, когда увидел портрет...

— А ты все-таки скажи, Коля. Я быстро понимаю.

— Когда-нибудь в другой раз... Он оказался отцом одного парня... А я все про него знаю... про его сына. Просит рассказать...

— Что ты!.. Это такое дело...

Сейчас возле девочки Миша почувствовал себя лучше. Волнение и тревога улеглись, и в голове появилась какая-то ясность. «Так или иначе, а рассказывать придется, — думал он. — И лучше всего правду. Конечно, не всю...»

— А зачем ты пришел, Коля? — спросила Лена.

— Так... Надо отдышаться... Очень я растерялся, — сознался Миша. — От неожиданности... Сначала он такие загадки загадывал, а потом вытащил Жору... Ты спи. Я пойду к нему. Все равно никуда не спрячешься.

Миша вернулся назад. Теперь он окончательно овладел собой. Мальцев сидел на прежнем месте и, подперев голову руками, смотрел на портрет сына. При появлении Миши он поднял голову и вопросительно взглянул на него.

— Все в порядке. Спит.

Миша прошел несколько раз по комнате, все время чувствуя на своей спине упорный, пристальный взгляд гостя. «Спросит еще раз или не спросит?»

Мальцев молчал, но в этом молчании было столько настойчивого ожидания, что Мише пришлось самому начать разговор.

— Григорий Петрович... вот вы мне дали честное слово, что не скажете папе...

— Да, да!

— В общем-то дело это прошлое... Мало ли что с кем бывает!.. Но если он узнает, то сильно расстроится... Я вам, конечно, скажу. Ничего скрывать не буду... Понимаете ли... Я вашему сыну папины часы проиграл... А познакомились мы с ним в одном доме. Там собирались ребята и в карты играли. Ну и я... Сначала деньги, какие были, проиграл, а потом часы... А папе сказал, что часы украли.

— Ну, а Георгий?

— Он самый азартный был... рисковый,

— Вы с ним дружили, Коля?

— Не-ет. Какая там дружба! Два раза встречались в этом доме — и все...

— А потом? Вы знаете, как он погиб?

— С крыши свалился... Мне говорили ребята, что на крыше он с кем-то подрался... или что-то другое... В общем, с крыши сорвался и разбился.

Все это Миша рассказал с опущенной головой, и краска смущения не сходила с его лица. И это было вполне правдиво. Он стыдился своего поступка.

— Что-то подобное слышал и я... — после некоторого молчания проговорил Мальцев. — Но я не верю. Не могу поверить в такую нелепую смерть,

— Кто его знает!.. Если бы я сам видел, ну, тогда другое дело... Но насчет картежной игры вы папе не говорите, — предупредил Миша. — Теперь я больше не играю.

21. Поручение

В это же позднее время в комнате, где жил Степа Панфилов, сидел Трифонов. Перед мальчиком лежали две фотокарточки. На одной была снята средних лет женщина, а на другой — мужчина в очках, в шапке-финке, в пальто, в сапогах, с противогазом.

— Понятно тебе задание, Степан?

— Понятно-то понятно, — с трудом сдерживая радость, сказал юноша. — А с работой как?

— С работой мы устроим. Маленький отпуск на недельку.

Вернулась из кухни мать и принялась накрывать на стол. Фотографии Степа моментально спрятал в карман.

— И нечего долго раздумывать, — совсем другим тоном заговорил Трифонов. — Неучем тебе оставаться не резон. Война скоро кончится... Сам знаешь, как наши жмут... Надо учиться, Степа. Как вы полагаете, Варвара Васильевна?

— А что я?.. Он и сам теперь не маленький. Ученье никогда не повредит.

— Совершенно верно. Вез отрыва от производства окончит десятилетку, а потом, в зависимости от способностей и желания...

— Способности-то у него есть, а вот желания не вижу. Лодырничать любит.

— Когда я лодырничал?

— А всегда! — строго сказала мать и, повернувшись к Трифонову, пояснила: — Собирался своему другу окна утеплить... Все еще собирается...

— Да некогда было, мама.

— Не болтай ты, — махнула она рукой. — Некогда! Парень в лазарете лежит, пошевелиться не может, а дружки у него собак по улицам гоняют.

— Ну чего ты!.. Хватит, — проворчал Степа.

— Другие ребята-комсомольцы добровольно по квартирам ходят. Где дрова принесут, где в доме приборут, где что... Помогают людям. А ты...

Степа сидел с опущенной головой. Мать была права, и он сознавал свою вину. Васькину просьбу он действительно до сих пор не выполнил. Все как-то не было времени, и каждый день дело откладывалось на следующий.

— Варвара Васильевна, вы обо мне не беспокойтесь, — сказал Трифонов, отодвигая от себя тарелку. — Я сыт, поужинал недавно.

— Жареной картошки немного съешьте. Картошка у нас своя. С индивидуального огорода, — с трудом выговорила она. — И зачем только такие слова придумывают? Язык сломаешь. Неужели нельзя по-русски назвать?

— С личного огорода, — подсказал Трифонов.

— Вот, вот. И легче и понятней. А то выдумали какого-то индивидуя... от большого ума!

— Наоборот! — насмешливо возразил Трифонов. — Я полагаю, что от небольшого ума. И делают это некоторые товарищи, чтобы свою ученость показать.

— Вот, вот... Дескать, слушайте и дивитесь, какие словечки я могу заворачивать!

Мать вышла за картофелем, и оперативный разговор возобновился.

— Теперь смотри сюда, — сказал Трифонов, разворачивая листок бумаги, на котором было нарисовано что-то вроде карты. — Вот дорога. Тут мостик. Здесь склады. Эта тропка через все кладбище идет. Следи за тропкой. Видишь поворот? Вот здесь, в этом районе, вы поставите западенки. Деревьев там много. А тут тайничок раскинете. Кумекаешь? По тропке много всякого народу ходит, а как который свернет сюда, во все глаза смотри, куда он пойдет. Но сам... Боже тебя упаси, если он заподозрит, что ты следишь. Все! Конеч! Дело провалишь! Чуешь» Степа?

— Да что я, маленький, что ли? — с явной обидой сказал Степа. — Не первый раз.

— А дружок у тебя надежный?

— За Сашку я не ручаюсь... Вот если бы Васька был здоров...

— Про Ваську поминать нечего. Если он в госпитале лежит, — значит, не выпишут раньше времени.

— Василий Алексеевич, а если Сашке ничего не говорить?.. Просто надо, мол, птиц наловить — и все.

— Можно и так.

— А то и на самом деле... вдруг разболтает кому-нибудь, а потом я буду виноват, — сказал Степа, но, чувствуя несправедливость, прибавил: — Вообще-то он парень хороший. Мы с ним в одной школе учились.

Мать принесла сковородку с мелко нарезанным шипящим картофелем, и снова разговор принял другое направление. Уклониться от ужина не удалось, да Трифонов не очень настойчиво и отказывался. Картофель в Ленинграде был блюдом незаурядным, и водился он только у тех, кто сам позаботился вырастить его где-нибудь на бывших цветочных клумбах, на пустырях, во дворах. Остальным ленинградцам по карточкам выдавали крупу.

— Кушайте на здоровье, — говорила Варвара Васильевна, с гордостью накладывая на тарелку аппетитно поджаренный картофель. — Мы от прошлогодней картошки все верхушки срезали и много ее вырастили. С непривычки-то я сначала не верила. Все думала, не вырастет из верхушек. На семена много оставила цельной... па всякий случай. А теперь жалею. Надо бы и с семенной тоже верхушками посадить. Сколько зря картошки пропало! Теперь буду умней,

— Опыт великое дело.

— А Степан еще что делал... Некоторые стебельки отдельно отсадил, золой их удабривал... И что вы думаете? Тоже выросла картошка, и много!.. Ему бы в агрономы учиться. Любит он в земле копаться,

— А ты думаешь, агрономы в земле копаются? — спросил Степа и сейчас же ответил сам; — Ничего подобного!

— Не мели! — строго сказала мать.

После ужина Степа вышел проводить Трифонова во двор, и здесь они закончили оперативный разговор.

Самое приятное в поручении Трифонова — таинственность. Под видом невинных любителей они поедут на Никольское кладбище и будут ловить птиц. Но каких птиц? Никто не должен знать, что Степку интересуют не крылатые, а двуногие «птицы». Тайна распирала Степкину грудь, хотелось с кем-нибудь поделиться, похвастать поручением... Но с кем? Васька в больнице, а Мишка где-то пропадает и домой почти не заходит. А больше сказать некому. Сашке решили не говорить. Но все-таки надо же как-то объяснить свое странное предложение...

Попрощавшись с Трифоновым, Степа отправился на второй двор, где жил приятель-птицелов.

Предложение очень удивило Сашку.

— Не знаю, чего ты выдумал... — неуверенно проговорил он, почесывая давно не стриженные, спутанные волосы. — Есть у меня один пухлячок. Хочешь, продам? — предложил он.

— А что мне твой пухлячок! Мне надо много птиц, и разных.

— Вот еще... разных! А где ты их возьмешь? Летние давно все улетели...

— При чем тут летние? Синички есть? Снегири, щеглята есть?

— Ну, есть.

— Вот их-то нам и надо. Ты не бойся... Я обо всем договорился. Заплатят. Сколько ни поймает, за всех заплатят.

— А кормить их чем?

— Фу ты какой! Зачем кормить? Как только поймает, сразу сдадим. Не помрут же они за день.

Сашка снова почесал свою растрепанную гриву и неопределенно хмыкнул. Было ясно, что Степкино предложение соблазняло.

— Ну, а зачем обязательно на Никольское кладбище? — спросил он. — Пойдем лучше на Крестовский остров или на Каменный.

— Так туда и пустят! Там воинские части. А ты что, покойников испугался?

— А чего их бояться? Позапрошлой зимой у нас рядом, в прачечной, покойников было знаешь сколько... и то не боялся. Выйдешь из дома, а он поперек дорожки лежит. Ну и что? Переступишь и пойдешь...

Разговор затягивался, и Степа решил немного приоткрыть тайну своего предложения.

— Слушай, Сашка... Ты можешь держать язык за зубами?.. — таинственно спросил он.

— А что?

— Если я тебе скажу один секрет, ты можешь никому, ни одной душе ни слова?..

— Ясно, могу.

— Дай честное слово.

— Ну даю.

— Нет. Ты скажи: «Даю честное ленинское слово, что никому, ничего, никогда не скажу!»

Заинтригованный Сашка охотно повторил обещание.

— Вот! — одобрительно сказал Степа. — Но помни... Если проговоришься, то несдобровать...

Теперь слушай. Ты знаешь, кому нужны птицы? Ты думаешь, мне? Как бы не так! Они «там» нужны.

Последнюю фразу он произнес шепотом, многозначительно подняв палец. У Сашки глаза стали совсем круглые, но выражали они только одно — недоумение.

— Понимаешь, «там»! — еще таинственнее продолжал Степа. — Помнишь, как мы ракетчиков ловили в сорок первом?

Сашка молча кивнул головой.

— Вот... — продолжал Степа. — Это вроде... Понимаешь?

— А зачем птицы? — спросил после некоторого размышления Сашка.

— А ты думаешь, я все знаю? Ты думаешь, мне скажут зачем, если это военная тайна? Надо — и весь разговор. Может, они их как почтовых голубей хотят использовать. Может, для какой-нибудь сигнализации... Почему я знаю! Дали оперативное задание наловить, и я сказал — есть! Боевой приказ! Кумекаешь? — вспомнив услышанное от Трифонова слово, сказал Степа, хотя сам смутно понимал его значение. Но оказалось, что Сашка знал это слово

— Кумекать-то я кумекаю... — медленно произнес он. — Но как же они почту понесут?.. Маленькие же.

— Микропочту.

— А куда они полетят? Голуби обратно в свой дом возвращаются. Там птенцы...

— Ну, может, и не для почты, — сердито перебил его Степа. — Привязался тоже!.. Я тебе для примера сказал.

— А сколько штук им надо?

— Сколько поймает. Чем больше, тем лучше.

— Тогда лучше на Крестовский поехать. Там в парке много синичек.

— Опять снова здорово! Я же тебе сказал, что на Никольском кладбище приказано ловить.

Сашка еще раз озабоченно почесал свои космы, похожие на плохо сделанный парик, и поднялся.

— Ну ладно. Раз приказано — пойдем. Но только для приманки у меня один пухлячок...

— Хватит. Посадим его в западенку.

— Лучше бы под тайник...

И друзья приступили к деловому обсуждению предстоящей охоты.

22. Птицеловы

Последние дни над городом висел сырой, холодный туман и беспрерывно моросил назойливый дождик. И вот в одну ночь все изменилось. Погода повернула к зиме. Крепкий морозец высушил небо, асфальт, крыши домов. Лужи покрылись хрустящим льдом, а звуки стали звонкими, гулкими.

Степа вышел на улицу, вдохнул всей грудью морозный воздух и крикнул:

— Хорошо!

У Сашки было все приготовлено. Взвалив мешок с пустой клеткой для птиц, которых они должны были поймать, двумя западенками и тайником на плечо, он взял пои мышку маленькую клетку, где прыгала синичка «пухлячок», и мотнул головой.

— Пошли!

— Давай я что-нибудь понесу.

— Не надо.

Как только вышли за ворота, Степа широко взмахнул руками, повернулся в воздухе... и хлопнулся на бок.

— Фу ты, черт!.. Ну скользко! Сашка со смехом наблюдал за поднимавшимся приятелем.

— А длинный ты стал!.. Теперь и равновесие не удержать.

— А ты посмотри, что делается. Сплошной каток! Всю дорогу до трамвайной остановки пришлось семенить ногами. Особенно скользко было на брусчатой мостовой, и без того отполированной шинами колес.

Народу в трамвае мало. И хотя «птицеловы» залезли с передней площадки, но прошли внутрь вагона и удобно устроились возле окна. Ехать далеко, через весь город.

Когда трамвай перешел первый мост и остановился около Биржи, все услышали знакомый свист снарядов, а затем и глухие удары.

— Опять обстрел! — сказала кондукторша, глядя в окно, в сторону Литейного моста, куда летели снаряды.

— А разве сегодня уже стреляли? — спросил Степа.

— А ты и не слышал! — удивился Сашка. — Это же третий обстрел с утра.

— Разъяснило, ну вот они и стараются, гады...

— Ох, господи, господи! И скоро ли это кончится? — сказала вслух пожилая женщина, ни к кому не обращаясь.

— Скоро, мамаша, скоро! — отозвался с другого конца вагона какой-то мужчина.

Трамвай стоял. Убедившись, что снаряды летят в сторону Финляндского вокзала, вожатый дал звонок и включил мотор.

— Сашка, смотри! — толкнув приятеля в бок, сказал Сашка. — Лидер! Вот красивый...

С моста, по которому шел трамвай, военный корабль был хорошо виден. В ожидании своего часа стоял он прислонившись к гранитной стенке набережной.

— А там «Киров»... Вон видишь? — сказал Степа. За мостом Лейтенанта Шмидта виднелись мачты и башни могучего крейсера. Военные корабли стояли здесь, в центре города, с осени сорок первого года и ждали. Ни двинуться, ни даже развернуться без посторонней помощи на Неве они не могли.

Трамвай перешел мост, миновал площадь, вышел на Невский проспект и, немного не доходя до Фонтанки, почему-то остановился. Подождав минуты две, ребята вышли из вагона. Все равно нужно было пересаживаться на четвертый номер.

— Ты смотри, что делается!

Вплотную, один к другому, по всему проспекту стояли трамваи, автомобили всех сортов, лошади. Впереди что-то случилось и застопорило движение.

— Пошли скорей! — заторопился Степа.

Мелко и часто перебирая ногами, чтобы не поскользнуться, ребята устремились к Литейному. Было ясно, что транспорт стоит не из-за аварии» тем более что до слуха доносилось низкое рычание мощных моторов.

— Танки! Честное слово, танки! — воскликнул Степа. — Здоровые...

Действительно, на Невский поворачивала растянувшаяся далеко по Литейному колонна танков. Это были большие, новые, неуклюжие на вид машины, с длинными стволами пушек. Они стояли на Литейном, как и трамваи на Невском, друг за другом и глухо урчали. Люки были открыты, и оттуда высовывались головы танкистов в черных кожаных шлемах. В ответ на улыбки стоящих на тротуаре людей молодые танкисты махали рукой, выкрикивали какие-то слова, но за шумом моторов разобрать их было невозможно.

На перекрестке стояли офицеры, милиционер и военный регулировщик с красным флажком. Очередная машина, получив разрешение, оглушительно рычала и двигалась вперед. Дойдя до середины проспекта, танк заворачивал на Невский, но вдруг начинал кружиться на одном месте.

— Ты смотри, как ловко! Вальс танцуют. Вот здорово!

Прежде чем выровняться и двинуться по Невскому, некоторые танки умудрялись сделать по три, а то и четыре полных оборота. На всех углах стояли ленинградцы и с явным удовольствием наблюдали это зрелище. Их привлекала мощь грозных машин, непонятно откуда появившихся в городе. Здесь танки беспомощно «вальсировали» на каменной мостовой, а в поле, впившись гусеницами в землю, они двинутся вперед на врага.

Во весь голос обмениваясь восклицаниями, забыв о том, куда они едут, «птицеловы» смотрели на танки до тех пор, пока регулировщик не поднял флажок. Милиционер взмахнул палочкой, разрешая двинуться скопившемуся на Невском транспорту. Ребята спохватились и, перебежав улицу под самыми колесами какого-то грузовика, на ходу вскочили в четвертый номер трамвая.

— Неплохая пришла подмога! — громко сказал пожилой мужчина, глядя на стоявшие танки.

— А ты сосчитал, сколько их? — спросил Степа приятеля, когда трамвай миновал перекресток и колонна скрылась за домами.

— Которые вертелись?

— Этих я семнадцать насчитал. А там, на Литейном, знаешь сколько... конца не видно. А пушки здор-р-ровые...

Обстрел не прекращался, но трамвай бойко бежал по Старо-Невскому, и с каждой минутой разрывы становились все глуше. Немцы стреляли куда-то в район Финляндского вокзала. Может быть, им сообщили по радио о прибывших танках, и они старались накрыть их огнем своих дальнобойных батарей.

Удивительные места встречаются в Ленинграде! Выйдя из трамвая, ребята перешли мостик через канал и попали в совершенно другой мир. Каменные дома, асфальт, вывески, машины, которые они только что видели из окна вагона, отступили и казались здесь чем-то далеким, ненужным...

— Ты смотри, Сашка, как хорошо! — с восторгом проговорил Степа. — Вот живут!..

— Мировая картина! — согласился Саша. — Здорово деревья вымахали. Я уж давно заметил, что на кладбищах им нравится расти. Удобрения много.

— Какого удобрения?

— Покойники-то, по-твоему, что?.. Разлагаются и соки дают для деревьев. Азот, суперфосфат...

Степа промолчал. Ему не хотелось ни говорить, ни думать на эту тему. Ему нравились кресты, памятники, склепы, могучие деревья, кустарники. Все это гармонировало между собой, создавало какое-то новое настроение, а почему, зачем да для чего... Только голову морочить.

— Погоди, — остановил он приятеля. — Надо ориентироваться.

Вытащив из кармана листок бумаги, Степа огляделся. Карта, нарисованная Трифоновым, была проста. Вот тропинка, поворот, белый крест. Там кустарник... Все верно. Где-то здесь нужно поставить западенки, а там тайник.

— А ты не боишься, Саша? — спросил он, пряча карту.

— А чего бояться?

— А покойников. Вылезет какой-нибудь из могилы да как за ногу сцапает! «Зачем сюда пришли, голубчики? Идемте-ка со мной!»

— Брось ты языком трепать. Насчет покойников я уж тебе говорил... — начал Саша, но вдруг остановился, поднял палец и вытянул шею.

— Что такое?

— Тихо... Слушай...

Степа завертел головой по сторонам, затаил дыхание, но ничего не увидел и ничего, кроме шума ехавшей за складами машины, не услышал. — Жуланы... — зашептал Сашка. — Целая стая.

— Какие жуланы?

— Ну, снегири... Близко... Слышишь?

— Ничего я не слышу.

— Эх ты... «Покойники, покойники!» — передразнил Саша Степу. — А птиц не слышит... Ого! А это лазоревка... Давай скорей! Пухляк ее приманит.

— Не торопись. Немного дальше разложимся, — сказал Степа, видя, что Саша намеревается развязывать мешок.

— Улетят же...

— Куда они улетят? На Невский, что ли?.. Идем. Свернув на малохоженую тропинку, «птицеловы» углубились в заросли и здесь, между двумя склепами, нашли удобное место.

Сашка знал свое дело в совершенстве, и в другое время Степа мог бы многому у него научиться. Но сейчас голова его была занята совсем другими мыслями, и он мало интересовался тем, куда ставить западенку, как ее настораживать, как расчищать место для тайника. Не слушая Сашкины пояснения, он механически помогал. Держал, когда надо было что-нибудь держать, вбивал колышки, а сам смотрел «во все глаза». Тропка через кладбище находилась в стороне, но идущие по ней люди были хорошо видны. Прошла женщина, затем двое мужчин, снова женщина, а зади ее старуха. Никто из них никуда не сворачивал.

Наконец западенки и тайник были поставлены, и, в ожидании птиц, ребята устроились между склепами. Сидели тихо, неподвижно, прислушиваясь к доносившимся отовсюду звукам. Степа слышал голоса изредка проходивших по кладбищу людей, глухие удары артиллерийской стрельбы, шум и гудки бегущих по Шлиссельбургскому шоссе машин, далекие свистки паровоза. Саша ничего этого не слышал. До его слуха доносились только птичьи голоса. Две синички в разных концах кладбища без умолку перекликались, но «пухляк», посаженный для приманки, почему-то упорно молчал. Стайка снегирей куда-то исчезла, и, как ни вслушивался Сашка в окружающую тишину, не мог обнаружить их характерного свиста.

— Что вы тут делаете?

Вздрагнув от неожиданности, ребята оглянулись. Перед ними стоял высокий, плотный мужчина в очках. На нем была надета шапка-финка, пальто, сапоги. На плече висел противогаз.

«Тот самый, что на фотографии, — подумал Степа. — Откуда он взялся? Из-под земли, что ли?»

— Ну! Я вас русским языком спрашиваю, что вы тут делаете?

Сашка хотел было начать объяснения, но Степа дернул его за рукав.

— А тебе какое дело? — огрызнулся он.

— Если спрашиваю, — значит, дело есть!

— Птиц ловим, не видишь, что ли! — грубо ответил Степа. — Привязался тоже...

— Уходите отсюда. Живо! Здесь нельзя ловить! — строго сказал мужчина.

— А ты кто такой? Чего ты пристаешь! — вызывающе громко заговорил Степа.

— Я сторож, — значительно спокойнее и тише сказал мужчина.

— Не ври! Никаких тут сторожей нет.

На тропинке показались трое мужчин. Почувствовав, что незнакомец избегает скандала, Степа заговорил еще громче.

— Мы тебе мешаем? Чего ты привязался? Кто тебя уполномочил? Начальник какой нашелся! Видали мы таких!

— Не кричи! — как можно внушительнее сказал мужчина. — Я же тебя не трогаю.

— Не трогаю! А ну попробуй тронь... Ну, тронь... Попробуй!

Неизвестно, чем кончилось бы это столкновение, но в этот момент хлопнула западенка. Сашка вскочил.

— Степка! Есть!

— Что есть?

— Лазоревка попалась!

— Ну да?

— Не слышал, что ли?.. Бежим!

Забыв обо всем, ребята бросились через кусты. Действительно в западенке, кроме «пухлячка», прыгала другая птичка.

— Клетку-то забыли. Принеси скорей! — крикнул Сашка, пробираясь через заросли.

Степа повернул назад. Огибая большой склеп, за которым они притаились, с беспокойством подумал об оставшихся там вещах. «Украдет, чего доброго, или разломает».

Мужчины на месте не оказалось. Странно. Только что был тут — и вдруг нет. Провалился сквозь землю... Степа залез на большую могильную плиту, откуда хорошо было видно далеко кругом, и огляделся. Мужчина исчез.

«Не успел же он уйти, — подумал Степа. — А может, спрятался за деревом или за крестом и следит. Тогда надо быть осторожным. Сделать безразличный вид».

Приняв такое решение, Степа соскочил с плиты, вытащил из мешка клетку и, беззаботно посвистывая, отправился к Сашке.

23. Корректировщик

Свист... удар... взрыв! Свист... удар... взрыв! Снаряды рвались на улицах, пробивали стены домов, шлепали в Неву и поднимали столбом воду. Советская артиллерия отвечала с окраин города, и гул канонады все нарастал.

На левом берегу реки, недалеко от Литейного моста, у ворот дома стояли две девушки с красными повязками на рукавах. Им было страшно... Визг снарядов, треск разрывов, гул, грохот... Казалось, что война ворвалась в центр города. Но они были дежурными МПВО и не уходили с поста. Каждый раз, когда в воздухе появлялся противный, скребущий по сердцу свист приближающегося снаряда, они плотно зажмуривали глаза и замирали.

Удар... взрыв!.. Девушки съеживались, приседали. Затем глаза их открывались, и кроме пережитого страха в них горело любопытство и радость. «Опять мимо!»

А по Литейному мосту двигались танки, наполняя воздух могучим рычанием моторов. И ничто не могло остановить их: ни яростный обстрел, ни близкие разрывы. Девушки понимали, что танки идут на передний край, чтобы разорвать железное кольцо блокады и прогнать фашистов с родной земли.

В нише каменного забора, недалеко от девушек стоял человек с поднятым воротником, с большим, туго набитым портфелем под мышкой. Глубоко засунув руки в карманы, он тоже наблюдал за проходившими по мосту танками.

— Маша, а чего это он кутается?

— Замерз, наверно.

— Зябкий какой!.. А мне совсем даже не холодно. В этот момент снаряд попал в гранитную стенку берега, как раз в то место, где написано «якорей не бросать». От страшного грохота девушки шарахнулись под ворота. Человек еще больше втянул голову в воротник пальто.

— А чего это он там стоит? — спросила одна из девушек и замахала рукой, приглашая спрятаться под ворота.

Но человек не видел или делал вид, что не видит сигнала.

Все остальное произошло очень быстро. Девушки не заметили, как неизвестно откуда появился второй мужчина, как он, прижимаясь к забору, подошел к первому — и в руке у него что-то блеснуло.

— Гляди, гляди... он его хочет убить! — крикнула Маша, порываясь бежать на помощь.

Первый мужчина опустил портфель на землю и медленно поднял руки вверх.

Свист... удар... взрыв!

Открыв глаза, девушки увидели все ту же картину. Первый мужчина стоял с поднятыми руками, а второй в двух шагах, с наведенным на него пистолетом. Ревели танки, артиллерийская канонада сливалась в один гул. Один за другим упали еще два снаряда, но мужчины продолжали стоять все в том же положении. Наконец первый повернулся и, не опуская рук, пошел по направлению к девушкам. Вторым, с портфелем в одной руке и пистолетом в другой, шел следом.

— Сюда идут... Ой, Маша!..

— Молчи... Это наш.

— Который?

— С пистолетом... Слышишь?

До слуха девушек доносились отрывистые слова:

— Не оглядываться!.. Шагай, шагай... налево... Стой! — скомандовал второй, когда они вошли под арку ворот. — Девчата, помогите-ка... Посмотрите, что у него в карманах. Не бойтесь, не укусит,

Девушки переглянулись, не решаясь исполнить просьбу. Задержанный взглянул на них с такой злобой, что и в самом деле можно было подумать, что он укусит, как только приблизишься.

— Ну что вы! Давайте скорей. Вы же защитники Ленинграда, из МПВО...

Маша решительно тряхнула головой, подошла к мужчине, засунула руку в левый карман пальто и вытащила оттуда овальную черную коробочку с двумя кнопками. От коробочки тянулись провода.

— Ой! Он заминирован, — сказала она, почувствовав, что провода к чему-то прикреплены.

— Это ничего... Положи обратно. Посмотри в другом кармане.

В правом кармане оказался большой плоский пистолет, дуло которого опускалось, как в кобуре, в специальный вырез.

— Вот, вот... Давай сюда! Девчата, телефон поблизости у вас имеется?

— Есть в штабе.

— Сходи, пожалуйста... Только поживей! Скажи, что звонишь по поручению Маслюкова. Скажи, срочно нужна машина. Скажи, Маслюков задержал корректировщика. Поняла?

Убедившись, что вторая девушка пришла в себя от страха и неожиданности, Маслюков повторил еще раз все, о чем нужно было сообщить, назвал номер и отправил ее к телефону.

* * *

Иван Васильевич сидел за письменным столом в своем кабинете и, прислушиваясь к глухо доносившейся артиллерийской стрельбе, разбирал бумаги. Клубок был запутан сильно, но основные нити этого клубка он уже держал в руках. Подполковник понимал, что сильный обстрел вызван не хорошей погодой, а появлением в Ленинграде танков и что немцы ведут прицельный огонь, хотя попадания на такой дистанции по движущимся машинам маловероятны. Ясно, что в городе есть вражеские наблюдатели, корректировщики, но какое отношение имеют они к Мальцеву — Тарантулу?

Мальцев, как и Казанков, явился в аптеку к Шарковскому. Шарковский связан с рядом людей. Пока установлено, что двое из этих людей скрываются где-то на кладбище, остальные живут в разных местах города, Что же собой представляет Шарковский?.. Телефонный звонок прервал размышления.

— Товарищ подполковник, — услышал он голос одного из своих помощников. — Докладывает Маслюков. Я сейчас накрыл этого... прибалтийского барона с поличным... По радио корректировал огонь около Литейного моста.

— Сопrotивлялся?

— Да нет... Не успел вытащить оружие.

— Вы откуда говорите?

— Из внутренней тюрьмы. Оформляю. — Хорошо. Давайте на допрос. Я приду через десять минут.

Иван Васильевич повесил трубку, собрал разложенные бумаги, встал и прошелся несколько раз по кабинету. Через несколько минут предстояло встретиться с врагом, тоже имеющим какое-то отношение к Шарковскому. Со вчерашнего дня, с того момента, когда этот корректировщик покинул аптеку, Маслюков следил за ним. Как он будет себя вести и как строить допрос? Если Шарковский резидент, то задержанный мог выполнять только его поручения и не знать ни Казанкова, ни Мальцева... Обстрел прекратился, но стекла окон дрожали от проходивших по Литейному проспекту танков. Снова зазвонил телефон.

— Я слушаю.

— Это кто говорит? — раздался женский голос, — Дядя Ваня?

— А-а... племянница моя. Алечка?

— Да. Я одна дома, — торопливо заговорила девочка. — Коля в училище, а Григорий Петрович ушел куда-то... Он сказал, что, может быть, сегодня не будет ночевать. Он к родственникам хотел поехать. Вы меня слушаете, дядя Ваня?

— Да, да.

— Я прибрала у него в комнате, и там лежат две пластинки... Патефонные пластинки. Коля говорил, что вам нужно позвонить, если что-нибудь случится.

— А где лежат эти пластинки?

— На столике.

— Хорошо. Спасибо, что позвонила. Больше ничего?

— Ничего.

— А как здоровье? Как ученье?

— Все нормально.

— Тем лучше, Алечка. Я сейчас немного занят. Часа через полтора поговорим еще раз.

* * *

Сергей Кузьмич Маслюков, как и Валя Калмыкова, пришел работать в контрразведку с фронта, оправившись после тяжелого ранения, и за короткий срок показал себя с самой лучшей стороны. Маслюков был молод, излишне горяч, но зато настойчив, смел и находчив. Притворяться, лгать, лукавить, выжидать, вести тонкий «дипломатичный» разговор он не умел и не мог. Но если требовалось упорно следить за врагом, собрать о нем сведения, захватить врасплох, — это Маслюков делал превосходно. И Иван Васильевич учитывал эти свойства, когда давал своим помощникам опасные задания.

Длинными коридорами прошел Иван Васильевич в конец здания и спустился вниз, в комнату следователей. Здесь его уже ждал Маслюков. На столе были разложены отобранные вещи: портативный радиопередатчик в портфеле, микрофон, пистолет, документы, портсигар, спички, перочинный нож, носовой платок, деньги, кольцо, карандаш, записная книжка и свежий, но сильно измятый номер газеты «Ленинградская правда».

— Вот. Все хозяйство, товарищ подполковник, — весело проговорил Маслюков, отковыряв своему начальнику.

— Отлично. Поздравляю, Сергей Кузьмич, — дружески протянув руку, сказал Иван Васильевич. — Сами обыскивали?

— Сам. Выпотрошил все до основания. Швы прощупал, подкладку распорол... Но кроме передатчика и оружия, ничего подозрительного не нашел. И паспорт настоящий.

— Как он себя вел?

— Пока машина не пришла, нервничал, по сторонам поглядывал. Ну, а здесь успокоился.

— Поглядывал, говорите? Помощи ждал?

— Не знаю.

— Говорили вы с ним о чем-нибудь?

— Нет.

— Расскажите подробней, как вам удалось установить его личность? — попросил Иван Васильевич, усаживаясь за стол.

Вытащив пачку папирос, он угостил лейтенанта и положил ее перед собой,

— Проводил я его от аптеки до дома, — начал Маслюков, — и как раз в это время во дворе находилась дворничиха. От нее я и узнал, что он тут живет, но давно ли, где работает, какая у него семья, ничего этого сказать она не могла, потому что поступила на место дворника в прошлом году... Но главное было сделано. Адрес установили. Потом я стал искать место, где лучше спрятаться для наблюдений, и встретился с пожилой женщиной-работницей. Познакомились, разговорились... Вы говорили, товарищ подполковник, что мы в своей работе всегда должны опираться на народ...

— Это не я говорил, а товарищ Дзержинский, — поправил Иван Васильевич.

— Совершенно верно. Одним словом, от нее я узнал, что тут имеется старичок, давно проживающий в этом доме. С дореволюционным стажем жилец. И как раз окна его квартиры напротив той, где прибалтийский барон. Ну я и рискнул. Отправился к нему. Чем черт не шутит!.. Хороший старикан оказался. Два сына на фронте, жена умерла с голоду в первую зиму, а он выжил... Ну, это долго рассказывать. Целая эпопея... Сначала старикан подозрительно настроился, косился, а потом, когда услышал пару фронтовых историй, размяк...

— Та-ак... — протянул Иван Васильевич, давая понять, что остальное он знает из донесения. — Значит, кроме барона в квартире живет старуха. Кто она такая, выяснили?

— Его тетка. Пенсионерка.

— Странно, что он вернулся и поселился в доме, где раньше его знали...

— Это же было очень давно, товарищ подполковник. Он был совсем молодой, а кто его и знал, все поумирали.

— Однако один все-таки нашелся...

— Это исключение... Мой фарт! — похвастался Маслюков, но, встретившись с вопросительным взглядом начальника, пояснил: — Так старатели говорят, золотоискатели. Я ведь фартовый... удачливый, товарищ подполковник. Три раза меня убивали — и никак... Все живой.

— Ну, а Шарковский? Бывал он у него?

— Вот этого я не мог установить, Иван Васильевич, — с огорчением сказал Маслюков. — Спрашивал, но увы и ах... Прямо в лоб ведь не задашь вопроса? Я и так и сяк... и насчет лекарств и про аптеку заводил разговор, но все бесполезно. Плохой я дипломат...

— Откуда у него паспорт? — спросил Иван Васильевич, беря со стола и раскрывая документ.

— Полагаю, какого-нибудь умершего.

— Надо сегодня же выяснить, а если он сознается, то проверить. Давайте начнем допрос.

— Есть начать допрос! Стенографистку вызвать?

— Не нужно, — с улыбкой сказал Иван Васильевич, провожая взглядом уходившего лейтенанта.

Два года, проведенных в армии, наложили отпечаток на молодого человека. Появилась военная выправка, манера держаться, лаконично говорить, но сквозь это все время чувствовался другой, очень гражданский Маслюков, особенно когда он увлекался.

Пока Маслюков ходил за арестованным, Иван Васильевич осмотрел вещи и развернул газету. На первой странице был напечатан приказ генералу армии Рокоссовскому о взятии города Гомеля.

Трудно угадать, как поведет себя арестованный на допросе, какую версию выдвинет он для оправдания своих действий и будет ли вообще отвечать на вопросы следователя.

В комнату он вошел осторожно, оглянулся по сторонам, с некоторым подобострастием поклонился Ивану Васильевичу и сел на приготовленный стул. Маслюков устроился рядом с начальником. Некоторое время молчали, изучая друг друга.

— Господин следователь, я хотел просить сделать один заявлений для радио, — неожиданно сказал арестованный.

— Какое заявление?

— Я хотел обращаться моим соотечественникам. Гитлер капут. Война проиграна, надо все кончать сразу. Зачем так много проливать кровь!

— Ах, вот в чем дело... Об этом мы поговорим позднее. Ваша фамилия Сутырин? — спросил Иван Васильевич, раскрывая паспорт.

— Нет, это документ фальшь. Он сделан там... на той сторона. Моя фамилия Миллер, а зовут Ганс. Теперь я военнопленный.

— Ну вот видите, как это все просто и обычно, — с улыбкой сказал Иван Васильевич. — И так знакомо. Записывайте, Сергей Кузьмич. Ганс Миллер переброшен через фронт на самолете, — продиктовал он. — С задачей корректировать огонь артиллерии. Так?

— Я! Я! — уже по-немецки подтвердил арестованный.

— А давно вы сюда заброшены?

— Не совсем давно. Две сутки. Меня бросили на парашюте. Это было очень страшно. Я много боялся, что парашют не откроется.

— Из какой вы части?

Ганс охотно назвал номер части, указал, где она расположена, кто командует. Говорил он все время ломаным языком, но даже неопытный человек мог легко понять, что акцент его искусственный.

— Где же вы жили эти два дня?

— Первый ночь я жил за городом, там, где упал... На сеновале в один хутор. Другая ночь, сегодня, в пустой квартире. Васильевский остров.

— Раньше вы бывали в Ленинграде?

— Да. Я приезжал сюда три раза, когда работал на торговый судно. Господин следователь, вы дадите мне возможность делать заявлений по радио?

— Безусловно. Если у вас не пропадет это желание, после допроса мы повезем вас к микрофону в радиостудию. Значит, знакомых у вас нет в Ленинграде?

— Нет.

— А зачем вы ходили вчера в аптеку на Невский? Арестованный нахмурился, подумал и неторопливо ответил:

— Аптека?... Да, я был вчера в аптеке и покупал...

— Шесть порошков аспирина, — подсказал Иван Васильевич.

— Нет, — не смутившись ответил арестованный, — Я покупал лекарство от простуда. Я немного закашлял

— Ну, я вижу, что вы считаете нас безнадежными дураками. Где вы взяли этот паспорт, господин Лынкис? — холодно спросил Иван Васильевич и, видя, что эта фамилия произвела сильное впечатление, продолжал: — Не прикидывайтесь простачком. Мы знаем, что вы не Швейк, а Лынкис Адам. Мы знаем оч-чень много о вас, господин барон. Какое задание вы получили вчера от Шарковского?

Опустив голову, арестованный молчал.

— Вы не желаете отвечать?

Этот вопрос в разных вариантах Иван Васильевич задал несколько раз, но ответа не получил. Арестованный даже не поднял голову.

— Военнопленным мы будем вас считать только после того, как вы честно сообщите нам всю правду. А сейчас идите и подумайте, что вам выгодней: молчать или говорить, — сказал Иван Васильевич поднимаясь. — Надеюсь, что делать заявление по радио вы раздумали?.. Уведите арестованного.

24. Пластинки

Уроки сделаны, обед готов, в квартире все прибрано. В ожидании телефонного звонка и от нечего делать Лена взяла книгу и устроилась читать в гостиной. И скоро действительно раздался звонок, но не в гостиной, а в прихожей.

— Кто там?

— Алечка, это я, дядя Ваня. Откройте, пожалуйста. Папа не вернулся?

Лена открыла дверь, зажгла свет в прихожей и с недоумением посмотрела на стоявших на площадке лестницы мужчин.

— Папа не вернулся? — снова спросил Иван Васильевич. — Вы одна?

Только сейчас Лена поняла значение вопроса.

— Одна, одна... дома никого нет. Иван Васильевич, а за ним и Бураков вошли в прихожую и закрыли дверь.

— Во-первых, здравствуйте, Алечка. Как вы себя чувствуете?

— Хорошо.

— С братом не ссоритесь? — с улыбкой спросил Иван Васильевич.

— Нет, что вы...

— Товарищ Бураков, идите на кухню и дежурьте у окна. Если он вернется, у нас вполне достаточно времени перейти к вам.

— Он сказал, что ночевать сегодня не будет, — сообщила Лена.

— А вдруг что-нибудь изменилось в его планах или забыл какую-нибудь вещь... Бураков оставил свои костыли в прихожей, прошел в кухню и устроился возле крайнего окна, откуда был виден весь двор, Лена с Иваном Васильевичем направились в гостиную.

— Ну, рассказывайте, Алечка, что видели, что слышали. Какое впечатление произвел на вас Григорий Петрович?

— А он хороший... — не задумываясь ответила Лена. — Добрый и веселый. Дома бывает только по вечерам... ну и утром немного. Рассказывает всякие смешные истории, когда мы чай пьем... Один раз помогал мне задачки решать. Позавчера вечером Коля очень расстроился. Он ему портрет сына показал...

— Об этом я знаю. Расспрашивает он вас о чем-нибудь?

— Спрашивал про папу... Но я стараюсь поменьше говорить... как вы нас учили, дядя Ваня. Бывают же такие молчаливые девочки. Правда? У нас в классе есть одна... ужасно молчаливая.

— Да, да... Поменьше говорить, побольше слушать... Меня все время тревожит мысль, как бы вы не проговорились, Алечка... Знаете, как это иногда бывает? Заговорится человек, увлечется и забудет, кто он и зачем здесь...

— Нет... Я, конечно, никогда не забываю... Но все-таки я уже привыкла. Как будто всегда так и жила.

— Вот, вот... А чем это у вас пахнет?

— Наверно, табаком. Он много курит, и дым у него какой-то особенный, душистый.

— А за эти дни к нему никто не приходил?

— При мне нет. Может быть, утром, когда я в школе...

— Ну, а как у вас дела с учебой?

— Хорошо. Я немного отстала, но теперь ничего, догнала, У нас очень дружный коллектив, и мне помогают.

— Та-ак... Ну пойдемте посмотрим, что это за пластинки...

В комнате, где жил Григорий Петрович, табаком пахло еще сильнее. Круглая жестяная коробка с дорогим трубочным «капитанским» табаком стояла на тумбочке, а возле нее лежала сильно изогнутая трубка. Чемодан задвинут под кровать. Иван Васильевич приподнял край одеяла, надавил на кнопки замков, но они не двигались.

— Та-ак... На ключик закрывает...

Рюкзак, висевший на спинке стула, оказался пустым.

— В мешке у него продукты были, — пояснила Лена, — Они на кухне.

На кровати лежала раскрытая и перевернутая текстом вниз книга.

— «Цемент», — нагнувшись, прочитал Иван Васильевич.

На столике лежали патефонные пластинки. Обе пластинки были заграничного происхождения с английским текстом на кружочке, наклеенном в центре.

— Надо проиграть. Где у вас патефон, Алечка?

— У меня в комнате.

— Он знает, что у вас есть патефон?

— Нет... А может быть, когда меня не было дома, он заходил и видел...

— При нем вы ни разу не заводили?

— Нет.

— Ну, хорошо. Тащите патефон на кухню, там и поиграем.

Бураков с любопытством наблюдал за начальником, когда тот вошел в кухню и, устроившись возле окна, начал разглядывать на дневном свету пластинки.

— А может быть, это долгоиграющие? — сказал он вслух.

— Не думаю, товарищ подполковник. Если долгоиграющие, — значит, надо специальный патефон. А где его взять?

— Не беспокойтесь. Если пластинка не простая, они позаботятся и о специальном патефоне. Тут могут быть любые фокусы. Можно, например, сделать запись и в обратном направлении. А? Как вы полагаете?

— Конечно, можно.

— То-то вот оно и есть. И в два ряда можно записать, — говорил Иван Васильевич, внимательно разглядывая пластинку. — Нет, как будто все нормально. И текст обычный. На одной стороне вальс-бостон, на другой фокстрот...

Лена принесла патефон и тряпкой смахнула несуществующую пыль.

— Ну, послушаем, что это за музыка, — сказал Иван Васильевич.

Он завел пружину, положил пластинку, осторожно опустил иголку, и комната наполнилась нежными, томными звуками вальса. Играл большой хороший джаз.

Слушали молча. Поставили фокстрот, поставили другую пластинку.

— Ну что? — спросил Иван Васильевич, когда кончилась запись и иголка, скользя в центре, зашипела.

— Музыка приятная... без формализма, — отозвался Бураков.

— Н-да... В чем же секрет? Может быть, в ритме что-нибудь зашифровано?

Он снова завел патефон и поставил первую пластинку. Точка, тире, тире! Точка, тире, тире... И так до конца вальса.

«А что, если разгадка скрыта в нотах? — думал Иван Васильевич. — Но для этого нужно записать музыку и изучить ноты глазами».

Снова и снова заводил он патефон, по очереди прослушивал обе пластинки, но так и не мог ничего понять. И это было особенно обидно. Точно знать, что пластинки не простые, что в них скрыто что-то важное, имеющее отношение к обороне города, держать пластинку в руках, с напряженным вниманием слушать легкомысленные мелодии — и чувствовать себя одураченным.

«А может быть, музыка не имеет никакого отношения к шифру? Может быть, разгадка лежит на поверхности пластинок? Гладкие края или кружки в центре, а на них что-нибудь написано, — думал Иван Васильевич. — Но зачем тогда тащить через линию фронта такую тяжесть?»

Так или иначе, но Иван Васильевич понял, что здесь на скорую руку этот вопрос не решить. Пластинку нужно исследовать лабораторным способом. Взять пластинку с собой, заменив какой-нибудь другой, нельзя. Мальцев сразу обнаружит пропажу. Оставалось ждать удобного случая.

— Ну что ж, товарищи, хорошенького помаленьку. Поиграли и хватит Вы, Алечка. тащите патефон, а я пластинки на старое место...

— Вы уже запомнили, дядя Ваня?

— Что запомнил? Мотив? Да-а., Я его теперь до конца жизни буду помнить.

«А что, если в наивном вопросе девочки и заключена разгадка? — подумал он. — Что, если этот мотив является каким-нибудь условным сигналом или паролем?»

— Я тоже запомнила.

— Это хорошо, но не вздумайте случайно запеть эти мотивы при вашем госте... Вы любите напевать?

— Иногда люблю.

— Во время работы или задумавшись о чем-нибудь, люди машинально поют... Если вы при нем запоете какой-нибудь из этих мотивов, то он узнает, что вы брали пластинки.

— Ну так что?.. Они же лежали на столе.

— Нехорошо без спроса брать чужие вещи.

— Нет, я, конечно, петь при нем не буду, — пообещала девочка.

Положив пластинки на место и попрощавшись с Леной, мужчины ушли.

Предупреждение Ивана Васильевича долго не давало Лене покоя. А вдруг она и в самом деле забудется и запоет? Как назло, мотивы вальса, попеременно с фокстротом, все время вертелись в голове и рвались наружу. В конце концов Лена решила, что, как только Григорий Петрович вернется, она попросит его разрешения проиграть пластинки.

Миша пришел поздно. Лена разогрела для него тушенку с макаронами, оставшуюся от обеда, налила чай и позвала в гостиную. Здесь, пока он ел, рассказала о посещении Ивана Васильевича.

— Ты знаешь, они раза три заводили пластинки и все слушали... Стоят оба хмурые, как и ты сейчас, и слушают... Мне даже смешно стало. Нет, верно! Музыка веселая, а они ее, как доклад на общем собрании, слушают... Коля, а у тебя какие-нибудь неприятности?

— Нет, ничего.

— А почему ты такой? Ты скажи...

— Да понимаешь, я за Ваську чего-то беспокоюсь. Сегодня немцы весь день стреляли, и все по Выборгской стороне. А он там в госпитале лежит и двигаться не может. Душа, понимаешь, болит. Надо будет завтра к нему сходить, навестить...

— И ты под обстрел попадешь.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала.

— А вдруг...

— Вот именно, что вдруг... Сидим мы с тобой сейчас, и вдруг нам снаряд в комнату... Трах — и готово! Разве угадаешь, куда он прилетит?

— С этой стороны безопасно. Я уж смотрела. За нами высокий дом, — возразила Лена.

— Это ничего не значит. Они сейчас такими снарядами стреляют... три стенки прошибают. Ну ладно, не будем об этом говорить, — сказал Миша, видя, что девочка нахмурила брови. — Чего настроение портить! Давай лучше проиграем пластинки.

— Нехорошо без спроса...

— Он же не узнает.

Миша понимал, что, если Иван Васильевич пришел и сам слушал пластинки, — значит, они не простые и Григорий Петрович привез их не для подарка. Из рассказа Лены было ясно, что на пластинках они ничего, кроме музыки, не нашли, хотя очень тщательно их осматривали. Допустить, что дядю Ваню постигла неудача и он ушел, как говорится, «не солоно хлебавши», Миша не мог. Он слишком высоко ценил ум, опыт и знания Ивана Васильевича. Осмотрев пластинки, Миша тоже ничего особенного не нашел. Самые обыкновенные английские пластинки. Фокстроты он не любил, но вальс понравился. Плавный ритм, приятная мелодия трогали душу и создавали грустное, почти печальное настроение. И опять почему-то вспомнился Васька. Лежит он, бедняга, неподвижно на койке и думает... О чем он думает сейчас? А может быть, не думает, а слушает радиопередачу или разговаривает с раненым солдатом. Вспомнились живые, насмешливые Васькины глаза, блестящие в прорезях марли. Вспомнился последний их разговор, так сильно смутивший Степку...

А между тем в госпитале, где находился Вася, в это время шла напряженная работа. Выметали штукатурку и мыли полы, в окна вставляли фанеру, трясли одеяла, меняли белье, переставляли кровати, укладывали раненых на старые места. Три снаряда попали сегодня в госпиталь и нанесли серьезные повреждения. В нижнем коридоре, в самом его конце, на деревянных топчанах лежали два тела. Им не нужен был ни уход, ни забота, и никто не обращал уже на них внимания. Длинный, сильно похудевший солдат в нижнем белье лежал на боку, неестественно откинув правую руку в сторону. Другой, значительно меньше, забинтованный с ног до головы, лежал на

спине. Умерших следовало давно унести в покойницкую, но для этого не было ни людей, ни времени. Все думали только о живых, стараясь как можно скорее ликвидировать повреждения. В палате уже хватились мальчика.

— А где же наш парнишка? Где Василий? Алексеевна. Слышишь? — громко звал раненый, которого только что принесли из убежища и положили на кровать. — Алексеевна...

— Ну что ты кричишь? Видишь, некогда. С ног сбилась, — отозвалась наконец сиделка.

— Где Вася — я спрашиваю... Простудите вы мальчишку... Холодно в убежище.

— Теперь уж нет, не простудим... — начала говорить старуха, но вдруг всхлипнула, заморгала глазами и полезла в карман за платком. — Все... помер наш Васенька... ни за что погиб...

— Как помер? Что ты врешь!..

— Ой не вру... ой не вру...

Старуха села на ближайшую табуретку и, не скрывая своих слез, горько заплакала.

Потрясенный страшным известием, солдат долго молчал.

— Как же так... — растерянно проговорил он, — такой молодой.

— Молодой, молодой... — всхлипывая и сморкаясь, подтвердила сиделка. — Совсем еще мальчик... Не довелось сердечному дожить до победы... А ведь как хотел!.. Бабушка, говорит, Алексеевна... скоро мы фашистов из-под Ленинграда прогоним... Обязательно, говорит, прогоним...

Но раненый солдат не слушал старуху. Не мигая он смотрел в потолок и думал свое.

— Ну ладно... — сквозь зубы проговорил он. — Поправиться бы только поскорей.

25. Смерть

В кабинете директора шло совещание, когда зазвонил телефон. Трубку снял главный инженер завода, сидевший поблизости, и, прикрывая микрофон ладонью руки, тихо сказал:

— Алло. Позвоните, пожалуйста, позднее. Сейчас он занят... А в чем дело?.. Да что вы говорите!.. Неожиданность... Хорошо, я ему передам.

Повесив трубку, главный инженер нагнулся к директору и шепотом передал содержание разговора. Выступавший в это время начальник участка замолчал, ожидая, когда внимание и слух директора освободятся. В комнате наступила тишина. По выражению лица главного инженера все почувствовали, что произошло нечто серьезное. Брови директора нахмурились.

— Товарищи, — сказал он, поднимая зачем-то руку. — Я должен сообщить вам тяжелую весть. Погиб Кожух...

— Отец? — вырвалось у мастера, работавшего вместе с Васиным отцом до войны.

— Нет. Сын. Вася Кожух.

— Так ведь говорили, что он ничего... поправляется.

— Да. Но вчера во время обстрела он погиб...

— Доконали, гады...

И опять наступила тишина. Все присутствующие знали Кожуха, воевавшего сейчас на фронте, знали его жену, знали и Васю, работавшего в лаборатории завода. Героическое поведение мальчика, спасавшего от пожара цех, полученные при этом тяжелые ожоги были не единственной причиной, почему Васю знали и любили. За год работы он показал себя достойной сменой и настоящим патриотом.

— Одну минуточку, — сказал директор, берясь за трубку местного телефона. — Дайте мне комитет комсомола. Кто это говорит? Вот что, Сычева... Мне сейчас сообщили из госпиталя, что Вася Кожух погиб... Нет, умер... Ну, конечно, совсем... Да ты подожди. Слушай. Пошли сейчас ребят, и перевезите тело на завод... Верно. Комсомольские похороны... Что? А где вам удобней? Нет, в лаборатории нельзя. Лучше всего у вас в комитете... Давай организуй. — Окончив разговор, директор повернулся к председателю завкома. — Николай Михайлович, а тебе придется взять на себя... Надо матери сообщить. Подготовить.

— Ой... Не умею я, товарищи, — приложив руку к груди, плаксиво сказал предзавкома. — Женские слезы для меня хуже всего...

— Особого уменья тут и не нужно. Ничего, ничего... она ленинградка.

— Ты, Николай Михайлович, привык больше о премиях людям сообщать, — глухо произнес секретарь парткома и встал. — Я скажу матери.

* * *

Два дня Степа с Сашей ездили в Лавру и добросовестно ловили птиц. Поймали двух синичек, в тайник попался воробей, неизвестно откуда и зачем залетевший на кладбище, но того, что было нужно и ради чего Степа мерз тут с утра до вечера, не случилось. Человек в очках и в финской шапке больше не появлялся.

Вечером, вернувшись домой, Степа застал чем-то рассерженную мать,

— И где это тебя черти носят! — набросилась она на сына. — Где ты пропадаешь целый день?

— Ну, мама, чего ты кричишь?.. Я же по делу хожу.

— Знать ничего не знаю... И не ври! Никаких дел у тебя нет. Работать надо, а ты где-то болтаешься.

— Так я же по поручению завода...

— Ох, господи, господи! Обстрел за обстрелом идет а ему и горя мало. Попадешь под снаряд, как Василий...

— Так Ваську же на заводе ранило, во время работы, — возразил Степа. — Ничего, скоро он поправится

— Поправится, дожидай!.. Бегает где-то, собак гоняет, и даже не знает, что его завтра хоронят.

— Чего ты болтаешь... Кого хоронят?

— Васю.

— Да ты что!..

— Вот еще Фома неверный. Русским языком я тебе говорю. Убили Васю в госпитале во время обстрела. Сегодня лежит на заводе в комитете комсомола, а завтра похороны.

Минуты три Степа не мог произнести ни одного слова. Варвара Васильевна продолжала говорить о том, как она сегодня ходила проведать Наталью, как та сидит возле стола и не отрываясь смотрит на сына, словно ждет, что он откроет глаза и глянет на нее, как она спокойно, без слез отвечала ей... Но Степа не слышал. Он как бы раздвоился. В голове у него вместе с пульсом стучали слова: «Васька умер. Васьки нет», — но понять он их не мог. Где-то глубоко в памяти стоял живой, веселый, решительный Васька, и сколько бы ни долбила эта страшная мысль в одну точку, она не могла проникнуть в сознание.

«То есть как это нет Васьки? А куда он может деваться? Ну да, я видел, что лежит он забинтованный в больнице. Ну и что? Поправится и встанет. Ноги у него целы... А когда кончится война, мы начнем вместе учиться. Ведь мы так решили...»

«Васька умер, Васьки нет», — настойчиво стучала страшная мысль. «Ну и что? Сейчас умер, а потом опять будет жить», — протестовал Степа всем своим существом и никак не мог представить, что Васька ушел из жизни навсегда.

— Мам, я пойду... — с трудом выговорил он.

— Куда ты пойдешь?

— Я пойду... Надо к Мишке сходить, — сказал он, хотя точно знал, что Алексеев дома не ночует.

— Поел бы сначала. Голодный ведь, — возразила Варвара Васильевна, но, видя, что сыну сейчас не до еды, не стала удерживать.

Степа вышел во двор, невольно взглянул на темные окна комнаты, где жили Кожухи, и вспомнил о Васькиной просьбе укрепить в окнах фанерки и заклеить их газетой для тепла. А он до сих пор этого не сделал. Не выполнил последнюю просьбу друга. Какое страшное слово «последняя»!

«Значит, Васька больше никогда ни о чем не попросит... Значит, больше ему ничего не надо. Это была последняя просьба».

И вдруг Степа понял, что в его жизни произошло событие, о котором он раньше никогда не задумывался. На своем коротком веку он видел много покойников. Зимой сорок второго года смерть косила людей направо и налево. Они валялись на улицах, их накладывали штабелями и возили на грузовиках. С фронта приходили известия о смерти разных людей, но все это почему-то не трогало его душу.

И только сейчас, когда из жизни ушел такой знакомый, такой близкий, такой нужный ему человек, Степа почувствовал и понял, что значит смерть.

Густой комок сдавил горло, закупорил дыхание, в груди что-то задрожало. Он побежал на второй двор, спрятался там за бетонный ящик помойки и разрыдался. Горько всхлипывая, он долго плакал, не стыдясь и не скрывая слез. И вместе с рыданиями из груди вырывались слова:

— У-у... гады проклятые!..

Далеко в порту застучали зенитки. По проспекту, шумно фырча и хлопая, прошли две машины.

«Керосину лишнего в бак налили», — машинально подумал Степа и почему-то вспомнил, как однажды они ехали в ЦПКиО на «колбасе» трамвая, и Васька держал его левой рукой за шиворот, чтобы не свалиться на повороте...

На другое утро Степа поднялся рано.

— Что! Опять поручение? — подозрительно спросила мать.

— Нет. Я поеду за Мишкой, а потом к Васе на завод... Ты же сама сказала, что сегодня похороны.

— Ну смотри у меня... Я терплю, терплю, да и лопнет у меня терпенье... Тогда не обрадуешься.

— Ладно уж... Чего ты с утра начинаешь!..

Поев на скорую руку, Степа оделся, вышел из дома и отправился к Сашке. Восточная сторона неба была оранжево-красная. Ясная, морозная погода держалась. «Опять будут стрелять, гады», — подумал Степа. И, словно в ответ на это, до слуха донеслись хлопки пушек, а вскоре и далекий треск разрывов.

Сашка готовился ехать на кладбище. Пойманные птицы разбудили в нем охотничий азарт, и, несмотря на смерть и похороны Васи, он решил поездку не отменять, тем более что вчера к вечеру опять прилетала стайка снегирей. Пускай Степан отправляется на завод хоронить друга. Это его долг и обязанность, но сам он с Васькой особенно не дружил и поэтому поедет ловить птиц.

— А может, гам его и похоронят... на Никольском? — спросил он Степу.

— Не-ет... Это кладбище закрытое. Там только знаменитых людей хоронят, по особому разрешению, — ответил тот. — Ну ладно, езжай ловить... А если меня кто-нибудь спросит г, то скажи, что я... Придумай чего-нибудь.

— А кто тебя спросит? — поинтересовался Сашка.

— Ну, мало ли?.. Есть у меня один знакомый. Может. заглянет.

— А что ему сказать? — спросил Сашка. — До ветру побежал?

— Нет. Это не годится. Ты лучше скажи, что я захворал... Или нет. Лучше скажи правду. Зачем без надобности врать? Я бы ему позвонил, да рано. Потом вот что еще, Саша... Если тот опять сунется... Помнишь, в очках, липовый сторож-то... Ты пошли его подальше. Понял? Не бойся. Он никакого права не имеет распоряжаться.

— А ты откуда знаешь: имеет он или не имеет?

— Точно знаю. Не сомневайся... Ну ладно. Ни пуха ни пера... Я постараюсь быстро обернуться. Закопаем Ваську — и сразу к тебе. Я вот еще что надумал... Надо бы там какой-нибудь памятник стырить и поставить на Васькину могилу. Их много на Никольском... Какой-нибудь красивый, мраморный...

— Они все с крестами. Комсомольцу — и вдруг с крестом! — возразил Сашка.

— Это ничего. Крест можно зубилом сбить. — А ты знаешь, какие они тяжелые?

— Не на себе же мы потащим. На грузовике.

— А где его взять?

— Это не твоя забота.

Договорившись обо всем, приятели расстались. Степа отправился на поиски Миши Алексева, а Саша — ловить птиц.

26. Запах тушенки

Иван Васильевич докладывая начальнику о ходе операции.

— Теперь у меня не осталось никаких сомнений, товарищ генерал, — говорил он, перекладывая в папку листы исписанной бумаги. — Тарантул приехал с целью активизировать деятельность немецкой разведки. Он у них какой-то чин, и не маленький чин. Немцы чувствуют, что мы готовимся к наступлению, и вот задумали что-то серьезное. Уж если они посылают в Ленинград Тарантула, то надо ждать ядовитого укуса.

— Осенью тарантулы мало ядовиты... Они весной опасны, — шутливо заметил генерал.

— Шестиногие — да, а двуногие — те в любое время года неприятны.

— Согласен. Дальше?

— Шарковский резидент, и через него поступают задания, — продолжал Иван Васильевич. — Лынкис Адам — его правая рука и заместитель. Живет на Васильевском острове, в квартире дома, принадлежавшего когда-то его родителям. Это вторая явка. В ближайшие дни начнут прибывать люди. Если явка к Шарковскому откажет, они должны идти на Васильевский к Лынкису.

— А там вы задумали устроить засаду и всех переловить. Так?

— Вы угадали, товарищ генерал. Я действительно так и думал.

— Но для этого нужно убрать аптекаря.

— Да. Лынкис признался, что с Шарковским они делали в Ленинграде неплохие дела... Выгодно меняли лекарства, витамины, мыло на всевозможные ценности. Под этим предлогом мы и хотим взять Шарковского. Дадим ему время известить Тарантула, чтобы тот не беспокоился.

— Понимаю, — задумчиво произнес генерал. — Ну, а что с кладбищем?

— Это мне еще не совсем ясно. Предполагаю, что они устроились в каком-то склепе. Там идет прием распоряжений по радио, там склад боепитания, если можно так выразиться. Передатчика там нет. Мы следим и давно бы запеленговали.

— Ну, а секрет патефонной пластинки?

— Остается секретом, — пожав плечами, ответил Иван Васильевич. — Скорей всего это пароль... Но это надо выяснить. Думаю, что у Шарковского мы найдем и пластинки.

— Хорошо. У меня нет возражений. Единственно, что я хотел бы порекомендовать: сократите сроки... Ты любишь вырывать все с корешками, но для этого времени у нас сейчас мало. Поторопитесь. Мы скоро начнем наступление на нашем участке.

— Есть поторопиться!

— Затем вот еще что... Осторожней с ребятами. Я понимаю, что это надежные помощники, но по молодости слишком смелы, слишком горячи, слишком активны и могут сорваться. Вряд ли ты хочешь иметь на своей совести несчастный случай... Согласен?

— Согласен, товарищ генерал.

— Тогда все.

Вернувшись к себе в кабинет, Иван Васильевич вызвал Маслюкова.

— Садитесь, Сергей Кузьмич, и слушайте внимательно. Получил приказание сократить сроки операции. В связи с этим вам серьезное задание. Выясните у Вали Калмыковой, кто из работников аптеки наиболее болтливый, и вызовите их на допрос в отделение милиции. Пугать не нужно. Будете спрашивать о всяких спекулятивных махинациях, комбинациях с лекарствами. Свяжитесь с ОБХС. Они мастера на этот счет. Нам известно, что Шарковский менял на ценные вещи дефицитные лекарства. Спрашивайте, кто к нему ходил, что приносили. Нам важно, чтобы они сообщили Шарковскому, зачем их вызывали в милицию и что там очень интересуются его личностью. На другой день вызовите в милицию самого Шарковского и привезите сюда. Его старуха, наверно, будет носить ему передачи. Это надо предусмотреть. Договоритесь с милицией, чтобы он был там в списках. Понимаете?

— Да.

— Вопросы?

— Успеет ли Шарковский сообщить Мальцеву, что его вызвали в милицию?

— Думаю, что если вы завтра днем побеседуете с работниками аптеки, то ночью он постарается уже сообщить... Должен сообщить.

— Еще вопрос, товарищ подполковник. Знает ли Шарковский об аресте Лынкиса?

— По моим сведениям, нет.

— Мы берем лучший вариант.

— Возьмем худший — знает. Что из этого следует?

— Арест Лынкиса имеет для них большое значение. Он может сообщить об этом Мальцеву.

— Зачем?

— Явка же провалена,

— Допустим, что так. Дальше?

— Выходит, что обе явки провалены. Что будет делать Тарантул? Приостановит свою операцию?

— Об этом мы сразу узнаем.

— И что же? — продолжал спрашивать Маслюков.

— И все. Возьмем Тарантула и будем считать, что дело закончено.

— Но мы захватим не всех... Только головку.

— У нас нет времени, Сергей Кузьмич. Положение дел на фронте торопит.

— Тогда у меня больше нет вопросов.

— Продумайте мелочи. Рассчитываю на вашу осмотрительность.

Резко звякнул телефон. Иван Васильевич снял трубку и услышал торопливый, взволнованный голос.

— Алло! Попросите к телефону дядю Ваню. Срочно.

— Я у телефона. Это Миша?

— Фу! Я думал, что не застану вас. У меня срочное дело. Немедленно надо повидаться.

— А по телефону нельзя?

— Нет... Тут такая история неожиданная... Волнение мальчика передалось и Ивану Васильевичу. Если Миша говорит о срочности, о какой-то неожиданности, то, значит, действительно что-то случилось.

— Не торопись. Говори спокойно, Миша. Ты откуда звонишь?

— Да тут, в почтовом отделении, из автомата. На Старо-Невском.

— Хорошо. Если нужно, то давай встретимся. Я сейчас приеду. Какой номер почты?

— Номер я не знаю. Недалеко от Лавры.

— Найдем. Я сейчас выезжаю, а ты пройди в помещение почты и там жди. Купи бумагу и напиши отцу письмо. Машину мою ты знаешь?

— Знаю.

— Мы остановимся у входа. Я пройду на почту, спрошу письмо до востребования, а ты тем временем садись в машину. Так можно?

— А почему нельзя?

— Ну мало ли что!.. Я же не знаю, какое у тебя дело. Может быть, за тобой следят.

— Нет. Тут ничего такого нет.

— Значит, так и сделаем. Минут через десять я приеду.

Иван Васильевич повесил трубку, взглянул на Маслюкова и, пожав плечами, пояснил:

— Звонил Алексеев. Что-то у него случилось.

— Я нужен, товарищ подполковник?

Иван Васильевич ответил не сразу. Все помощники из его группы заняты, и если у Миши Алексева были важные сведения, требующие быстрых, решительных действий, то Маслюкова следовало взять с собой. «Мальчик находится на Старо-Невском около Лавры, — думал Иван Васильевич. — Там недалеко Никольское кладбище, где его приятель Степа Панфилов «ловит птиц»».

— Хорошо, — сказал он, поднимаясь из-за стола. — Едемте вместе. В крайнем случае, с Шарковским займется Трифонов.

Миша Алексеев вышел из будки автомата, прошел в небольшую комнату, всю перегородившую невысоким барьером. Почта работала с большой нагрузкой, и народу здесь было порядочно; главным образом женщины. Купив бумаги и конверт, Миша прошел в конец комнаты, где около окна стояли стол и стулья. В столе были врезаны две чернильницы и лежало несколько ручек.

«Здравствуй, папа! Давно от тебя не было письма. По газетам мы знаем, что вы гоните фашистов с нашей земли. Бейте их крепче. Люсенька здорова и сильно выросла. Хотели нынче определить ее в школу, но тогда ей нельзя жить в детском саду, нужно отдать в детский дом. А я не хочу. Она же у нас не сирота. И отец есть, и брат взрослый Я бы взял ее домой, но только некогда мне. Приходится учиться, и дома почти не бываю. Сегодня мы похоронили Василия Кожуха. А погиб он как настоящий герой. Сначала спасал от пожара цех на заводе и так обжегся, что всего перевязали и положили в больницу, а позавчера попал снаряд в их палату, и Вася погиб. И очень у меня на сердце тяжело, папа. Хороший он был парень и лучший мой друг...»

Горько вздохнув, Миша отвернулся к окну. Выступившие слезы кололи глаза и заволокли все туманом...

Сегодня утром его вызвали с урока В раздевалке ожидал Степа. Взглянув на него, Миша сразу понял, что произошло ЧП, или, иначе говоря, чрезвычайное происшествие.

Умер Васька! Это страшное известие вначале удивило. Ведь он уже думал об этом.

Предчувствовал... Как это может быть? Ничего не знать о смерти друга и так беспокоиться за него!..

По дороге на завод Степа рассказал, с каким трудом он его разыскивал, ну и, конечно, не утерпел: сообщил о секретном задании. Под предлогом ловли птиц он весь день находится на кладбище и смотрит во все глаза за проходящими и уходящими.

«Чудак! А что бы он сказал, если бы узнал о моем задании? — подумал в тот момент Миша, — Хвастается такими пустяками».

Гражданская панихида была в комитете комсомола, но на завод их не пустили. Долго и настойчиво просили они пропуск, вызывали начальника охраны, грозили, требовали, но ничего не помогло. Пришлось ждать у проходной. В одиннадцать часов из ворот завода вышли три грузовые машины. На первой стоял гроб с телом Васи, возле которого сидели его мать и еще несколько женщин. На других машинах ехали провожающие. Несмотря на то что машины были набиты и заводские комсомольцы стояли вплотную друг к другу, им разрешили забраться в кузов.

Тяжелые минуты пережили друзья на кладбище. Когда гроб опустили в могилу, мать Кожуха вдруг словно очнулась, зарыдала и стала выкрикивать прощальные слова. От этого крика мурашки

бежали по спине и становилось жутко. В конце концов она почти потеряла сознание. Гроб закопали, все уехали, а Миша со Степой остались возле холмика свежей земли. В изголовье могилы лежали два скромных венка. Справа была сильно заросшая, с ветхим деревянным крестом могила Васиного дедушки, а немного подалее, на двух врытых столбиках, — скамейка.

— А помнишь, как он суп варил на Крестовском? — после долгого молчания спросил с грустной улыбкой Степа.

— Надо тут дерево посадить, — не слушая приятеля, сказал Миша. — Красивое деревцо. Лиственницу или серебристый тополь.

— А давай памятник ему поставим! — предложил Степа.

— Какой памятник?

— Из мрамора. Я уж думал. Там на Никольском кладбище много беспризорных памятников. Хозяев нету, никто не охраняет, а те покойники давно сгнили. На что им? Выберем какой-нибудь полегче, покрасивее и перевезем сюда.

Предложение заинтересовало Мишу, и он нашел его вполне реальным. В самом деле. Кто может возразить, если они перетащат с одного кладбища на другое «старорежимный» памятник? Это даже не будет кражей. Память о тех людях, вместе с телом, давно истлела. А Вася стоит того, чтобы о нем помнили. Машину для перевозки можно достать в Балттехфлоте; ребята из училища помогут погрузить и разгрузить.

Посоветовавшись, они отправились на Никольское кладбище искать подходящий памятник.

Действительно, на этом замечательном кладбище было много интересного. Черные полированные камни с золотыми надписями, склепы, часовни, ограды, кресты. Все это сделано богато и со вкусом. Не то что рабочие могилки на том кладбище. Вот памятник из белого мрамора. Скорбящий ангел. Склонившись на одно колено, он стоит, опустив голову. Долго ребята любовались скульптурой. И ангел, и сама поза, и складки его одежды очень красивы. Но за плечами у ангела большие крылья. Если их сбить, а спину загладить, то получится обыкновенный человек. Но тогда будет непонятно, кто он такой и какое отношение имеет к Василию Кожуху. А с крыльями не годится. «Летающий человек». Погибшему летчику на могилу такая символическая фигура могла бы еще подойти, если в руки дать ему хотя бы пропеллер. От этого памятника пришлось отказаться. В другом конце кладбища нашли большой крест с барельефом головы Христа в терновом венке. По пути видели много хороших полированных плит, но все с вырубленными надписями. Осматривали литые из металла красивые изгороди. Небольшой памятник — Христос с протянутыми вперед руками и надписью: «Я все прощаю вам» — тоже не подходил. Что нужно было прощать погибшему от фашистов юноше, да и какое имел право прощать этот человек с бородкой, в длинной женской одежде?

Долго ходили по кладбищу два друга, вдыхая свежий, чистый воздух... И вдруг Миша остановился.

— Подожди... Слышишь? — шепотом спросил он. Они были совсем недалеко от Сашки, сидевшего за кустами с веревкой от тайника в руках.

— Носом слушай, — сказал Миша, видя, что Степа завертел головой. — Чем пахнет? Тушенкой пахнет.

— Тушенкой? Да ты что?..

Это было невероятно, но Миша ясно слышал типичный запах жареной мясной тушенки.

— Стой на месте!.. — все так же тихо приказал он и пошел в сторону, медленно втягивая носом воздух.

Через несколько шагов запах пропал. Миша вернулся назад и снова его услышал. Пошел в другую сторону. Запах пропал. Опять вернулся и взял новое направление, постепенно заворачивая вокруг стоявшего на одном месте Степы. Через несколько шагов он почувствовал, что запах стал сильнее. Взглянув на приятеля, приложил палец к губам и затем поманил его к себе. Говорить было уже нельзя. Где-то близко разогревались консервы, а делать это могли только люди. Как собака, идущая по следу дичи, крался Миша вперед. Теперь и Степа ясно услышал запах тушенки. «Удивительное дело, на кладбище — и вдруг тушенка!» Долго и очень осторожно двигался Миша зигзагами и наконец нашел. Большой склеп имел у самой земли трещину, и оттуда шел запах жареной тушенки.

Все ясно. Внизу, под землей, в склепе находились люди...

Занятый своими мыслями, Миша не заметил, как пришла машина. Он спохватился, когда в дверях почты появился Иван Васильевич. Встретившись с ним взглядом, Миша поспешно сунул недописанное письмо в карман и пошел на улицу. Машина стояла наискосок от выхода, но кроме шофера там сидел еще какой-то незнакомый человек. Других машин поблизости не было. «Наверно, его помощник. Надо садиться», — решил Миша. Он вышел из дверей, но сейчас же шарахнулся назад и спрятался в подъезде. На противоположной стороне улицы стоял Григорий Петрович Мальцев. «Заметил он меня или нет? — с волнением подумал Миша и осторожно выглянул из-за двери. — Кажется, нет. А если и видел, то не узнал».

Мальцев стоял на углу, засунув руки в карманы, и смотрел в сторону Лавры. Взглянул туда и Миша. Из открытых ворот выходили странного вида закрытые брезентом военные машины. Таких машин Миша еще никогда не встречал. Похожи на самосвалы с поднятым кузовом. Машины выходили на площадь и разворачивались на Шлиссельбургское шоссе.

Сообразив, что Мальцев слишком занят этим зрелищем, Миша рискнул. Опустив голову, он быстро перешел тротуар. Дверца машины гостеприимно открылась навстречу.

— Здравствуй, Миша, — сказал сидевший внутри молодой мужчина, помогая захлопнуть дверцу. — Ты меня не знаешь, а я тебя знаю. Моя фамилия Маслюков.

Он крепко пожал руку юноше, но, заметив озабоченное выражение на его лице, спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Да. Товарищ Маслюков, вон видите стоит человек на углу? Видите?

— Вижу.

— А кто это такой? Вы знаете?

— Не-ет, — неуверенно протянул Маслюков, глядя через стекло на указанного человека.

— Мальцев Григорий Петрович. Слышали про такого?

— Да что ты говоришь! Слышать-то я про него слышал, но видеть не пришлось. Любопытная встреча. Что он тут делает?

— Смотрит на машины... Вон из Лавры выходят. Интересные какие-то...

— Это «катюши», — пояснил Маслюков, — Надо предупредить начальника.

Маслюков хотел вылезть из машины, но в это время в дверях почты показался Иван Васильевич. Он остановился на тротуаре и, щурясь от света, оглянулся кругом. Не обращая внимания на Мишины сигналы, он достал из кармана портсигар, взял папиросу, вытащил спички и закурил. Затем подошел к машине, открыл дверцу и сел с шофером.

— До первого переулка. Свернешь направо, — приказал он. — Ну, Миша, быстро выкладывай.

— Дядя Ваня, на углу стоит Мальцев... — начал было Миша, но Иван Васильевич его перебил:

— Я видел... Говори о своем. Ты был на кладбище с Панфиловым?

— Да... — с удивлением подтвердил Миша.

— Я так и подумал. Машина свернула в переулок и остановилась. Здесь Миша коротко рассказал о пережитых сегодня событиях, о том, как встретились они с запахом тушенки и обнаружили склеп, откуда шел этот запах Иван Васильевич слушал молча, изредка переглядываясь с Маслюковым.

— Н-да! Случай в нашем деле иногда решает исход операции, — задумчиво произнес подполковник. — Ты хорошо запомнил этот склеп?

— А то как же!.. Хоть ночью найду.

— Вот именно что ночью. Ночью нам и нужно будет его разыскать. Сделаем так. Мы тебя сейчас подвезем кружным путем на кладбище. Иди к «птицеловам» и скажи, чтобы они кончали свою работу. Помоги им снять западенки или чем они там ловят, а тем временем посмотри, внимательно посмотри, как подойти к склепу. Запомни, какие кресты, деревья, оградки его окружают. Далеко ли он расположен от монастырской стены. Ясно, Миша?

— Ясно, Иван Васильевич.

— Ты будешь у нас проводником. Но осторожность, осторожность и еще раз осторожность.

Машина остановилась. Прежде чем выйти, Миша нагнулся к подполковнику и, с явным смущением, зашептал:

— Иван Васильевич, я вам давно хотел сказать... да все не удавалось... Мы ведь тогда обманули вас... Аля в шкаф спряталась совсем не потому... она на самом деле, как Константин Потапыч говорил... Это уж мы потом придумали.

— Я знал об этом... Знал и то, что ты мне в конце концов сознаешься.

— А почему вы знали?

— Потому что я тебе доверяю... Действуй. Иван Васильевич крепко пожал Мише руку и открыл дверцу.

27. Вызов в милицию

В аптеку пришел участковый инспектор Кондратьев. Как старый знакомый, он приветливо помахал рукой рецептару.

— Мое нижайшее... Начальство у себя? — спросил он и, не ожидая ответа, прошел в кабинет управляющей.

— Ну вот! Опять что-нибудь с затемнением? — с недовольной улыбкой встретила его Евгения Васильевна. — На Невский у нас одно окно открыто... Неужели на дворе?

— Никак нет... Не беспокойтесь. Я по другому поводу, — сказал Кондратьев, усаживаясь на стул и вытаскивая из полевой сумки какие-то бумаги. — Срочно требуется Анна Каряева... Есть у вас такая?

— Есть. Санитарка.

— Вот. Затем требуется Иконова...

— Такой нет.

— Как же нет? Ольга Михайловна Иконова.

— Никонова?

— Виноват. Действительно, Никонова, — поправился участковый, поднося к глазам повестку.

— Это рецептар... Зачем они вам?

— Есть маленький разговор. Надо кое-что уточнить.

— Позвать вам их сюда?

— Никак нет. Пускай оденутся. Прогуляемся до отделения. Да вы не беспокойтесь. На полчаса. И что это за оказия! Как только видят милицейскую форму, так сразу и пугаются, — посетовал участковый. — Совесть у вас не чиста, что ли? Или с детства люди напуганы «букой-милиционером»?..

— Я не пугаюсь, но ведь вы не на танцы приглашаете?.. Не на вечеринку?

— Танцы не танцы... — неопределенно сказал участковый. — Танцы у нас особые, но пугаться без причин не годится.

— Хорошо, я сейчас им скажу. У вас повестки?

— Так точно! Вот вручите. Я подожду.

Через полчаса рецептар аптеки сидела в комнате оперативного работника отделения, с которым уже встречалась дважды, и с недоумением поглядывала на второго мужчину. По всем признакам, с ним здесь считались. «Что у нас могло случиться? — думала Ольга Михайловна. — Перепутали лекарство и кто-нибудь отравился? Вряд ли. За последнее время я не выписывала ни одного рецепта с сильно действующими средствами. Зачем-то вызвали Аннушку...»

— Ольга Михайловна, вы нас извините, что потревожили, — начал оперативный работник. — Оторвали, так сказать, от важных дел. Но вот товарищу Маслюкову надо кое-что выяснить. Он

работает в ОБХС. На площади. Мы будем протокол составлять, Сергей Кузьмич? — спросил он Маслюкова.

— Я думаю, не стоит. Это разговор предварительный... Если будет нужно, потом оформим. Товарищ Никонова, мы имеем сигналы... Скажите, что собой представляет Шарковский Роман Борисович?

Ольга Михайловна с удивлением подняла брови, подумала и неторопливо ответила:

— Шарковский? Старый, опытный, хорошо знающий свое дело работник. В аптеке он работает давно.

— Насчет его квалификации мы не сомневаемся, — сказал Маслюков. — Он заведует складом?

— Он дефектар. В его ведении находится... Ну, если хотите, склад. По требованиям из ассистентской он отпускает нужные лекарства.

— Вот, вот... Скажите, пожалуйста, у вас никогда не было сомнений в его честности? Никаких подозрений? Особенно зимой сорок первого — сорок второго года...

Вопрос несколько смутил Ольгу Михайловну. Теперь она поняла, зачем вызвали ее и санитарку. Обе они старые работники аптеки, и вся «деятельность» Шарковского проходила на их глазах.

— Вы ставите меня в неловкое положение. Как я могу подозревать человека, если нет точных данных?..

— Ревизии у него бывали? — продолжал спрашивать Маслюков.

— Ну конечно.

— А результаты?

— Я не читала актов, но вы можете получить их у управляющей.

— Все это не то... Документы мы смотрели, но нас интересует фактическая сторона дела. Провести за нос можно любую комиссию... Особенно такому, как Шарковский. Я думаю, надо пригласить для беседы и товарища Каряеву, — неожиданно предложил Маслюков, поднимаясь из-за стола.

— Товарищ Каряева, пожалуйста, сюда! — крикнул он в коридор, широко распахивая дверь. — Проходите, садитесь и не стесняйтесь. Здесь все люди свои.

Аннушка недоверчиво посмотрела на Маслюкова, чинно поклонилась присутствующим и села.

— Вот мы тут начали разговор с Ольгой Михайловной об одном вашем сотруднике, — продолжал Маслюков. — Шарковский Роман Борисович. Работает он у вас давно. Не правда ли?

— Работает он давно, — подтвердила Аннушка.

— И хорошо работает?

Аннушка покосилась на Маслюкова, поправила платок на голове и пожала плечами.

— Я человек маленький. Мое дело уборка, приборка, мойка. Что я могу понимать?

— Но все-таки? Вы с ним работаете не один год. Каждый день видите... Вот нам, например, стало известно, что он меняет дефицитные лекарства... Так сказать, спекулирует.

Аннушка перевела взгляд на молча сидевшую Ольгу Михайловну и поджала губы.

— Вы не замечали, товарищ Каряева? — спросил оперативный работник.

— Я ничего не знаю, — упрямо сказала Аннушка. — Какое мне дело до Романа Борисовича? Чего он меняет, кому меняет... Он же меня не спрашивает.

— Мы вызвали вас не для допроса, а для беседы, — мягко сказал Маслюков. — Мы обращаемся к сознательным женщинам, защитникам Ленинграда. Ну, посудите сами... Государство ему доверило ценности, а он в личных интересах разбазаривает их, наживает. Кого же он обманывает? В первую очередь вас. На ваш хороший, передовой коллектив ложится тень. Верно я говорю? Товарищ Каряева?

— А это мне неизвестно. Вы спросите у Ольги Михайловны. Она провизор, а я что... я санитарка.

— Ольга Михайловна! — обратился Маслюков к рецептару.

— Я вам уже заявила, что не могу обвинять человека, если нет точных фактов. Что я могу сказать? Кто-то к нему приходит? Да, приходят какие-то знакомые. Ну так что? У всех есть знакомые и родные. Разве это что-нибудь доказывает? Дает он им лекарства? Да, дает. На то мы и аптека, чтобы лекарства отпускать. Без рецептов? Ну что ж... Есть много общеизвестных лечебных средств. У нас есть и ручная продажа. Дефицитные? У нас теперь почти все лекарства дефицитные. Что он за это получает? Не знаю и никогда не видела...

Все время, пока говорила Ольга Михайловна, Аннушка молча кивала головой в знак согласия.

— Значит, надо считать, что наши подозрения не обоснованы?

— Этого я тоже не знаю, — сухо ответила Ольга Михайловна. — Если они обоснованы, если у вас есть факты, поступайте, как находите нужным.

— По закону?

— Да. По закону, — повторила рецептар.

— Обэхаэс для того и создан, чтобы бороться с хищениями, — сказал Маслюков и посмотрел на санитарку, сидящую с упрямо поджатыми губами.

Как быть? Если на этом закончить разговор и, извинившись, отпустить женщин, может случиться так, что они сговорятся молчать. В аптеке сейчас все знают и обеспокоены их вызовом. Они же на обратном пути придумают какой-нибудь пустяковый предлог и не скажут, зачем их вызывали в отделение милиции. А ведь эта затея имеет определенную цель. Шарковский должен узнать, что о его комбинациях с лекарствами известно в ОБХС. «Надо сделать так, чтобы они рассердились на Шарковского, — решил Маслюков и забарабанил пальцами по столу. — Связать их одной веревочкой».

— Так... Значит, говорить вы не хотите, — строго проговорил он.

— Нет. Мы не хотим наговаривать, — поправила его Ольга Михайловна.

— Понимаю. Не в ваших интересах.

— А что это значит?

— А это значит, что, когда начнется следствие, может выясниться, что Шарковский старался не только для себя...

— Ну, ну, ну... Ты, пожалуйста, не намекивай, — перебила его Аннушка. — Вижу, куда гнешь.

— А куда?

— А туда... Носом в грязь тыкаешь... Не пристанет. Ишь ты какой хитрый!.. «Не для себя старался»!.. — все больше волнуясь, говорила она. — А для кого? Для меня, что ли? Для Ольги Михайловны?

— Я про вас еще ни слова не сказал.

— И не скажешь. Вы тут привыкли со всякими жуликами да спекулянтами дело иметь. «Не для себя старался», — снова повторила она фразу, особенно возмущившую ее. — Вон куда удочку закидывает!

— Аннушка, не волнуйтесь, — попробовала успокоить ее Ольга Михайловна, но из этого ничего не вышло.

— Каким колобком подкатывается, — продолжала горячиться санитарка. — Ты мне прямо скажи: что я украла? Взяла я себе позапрошлую зиму касторки с литр, лепешки из дуранды жарить. И то с разрешения. Рыбьего жиру брала раза два для внучки. Вот и все мои грехи перед Советской властью.

— А почему вы покрываете Шарковского? — спросил Маслюков.

— Кто покрывает? Я? А на что он мне сдался? Да пропади он пропадом! Расстреляйте, пожалуйста, не пожалею... А только правильно Ольга Михайловна говорит. Нет у нас фактов. Не пойман — не вор. Он меня к своим шкафам близко не подпускает. Даже уборку делать в дефектарной без себя не позволяет.

— Ну, хорошо. Все это мы, конечно, выясним.

— Вот и выясняйте. А на людей поклепы зря не возводите.

Теперь можно считать, что цель достигнута. Санитарка задета за живое и, вернувшись на работу, молчать не будет.

— Товарищ Каряева, мы вас пока ни в чем не обвиняем, — сказал Маслюков. — Напрасно беспокоитесь. Вызовем еще раз на площадь. А вы за это время лучше припомните... Я уверен, что и факты найдутся, если в памяти порыться как следует. Нам надо установить правду.

На обратном пути, как и предполагал Маслюков, между женщинами произошел разговор.

— Как это все неприятно!.. Знаете что, Аннушка, — тихо предложила Ольга Михайловна, — не надо нашим ничего говорить... Особенно о Романе Борисовиче. Будем держаться в стороне.

— Покрывать? — сердито буркнула санитарка.

— Почему покрывать? Пускай милиция сама выяснит.

— Да вы что, Ольга Михайловна! Вы слышали, что он сказал? «Мы, говорит, пока ни в чем вас не обвиняем»... Пока! Шарковский сухим из воды выйдет — вот помяните мое слово, — а нас грязью замажут. Он хитрый... хапуга! Чуюло мое сердце, что все это наружу выйдет. Рано или поздно все откроется.

— Безусловно. Сколько бы веревочка ни тянулась, кончик всегда найдется. Но все-таки нам надо молчать. Самое лучшее — молчать. Время военное...

— Ну не-ет! — угрожающе протянула Аннушка. — Я ему сейчас все выложу. Я душу отведу... Сколько раз он меня одергивал! «Не вмешивайтесь. Дело не ваше», — передразнила она Шарковского. — Вот тебе и не наше дело! Меня первую спросили про его шахер-махеры... Значит, мое это дело? А я что? Слепая, что ли? Не видала, какую он лавочку у нас под носом устроил... Картины ему три раза приносили. Говорят, многие тысячи золотом стоят... Я видала, все видала...

Придя в аптеку, Аннушка первым делом отправилась в дефектарную.

— Ну что... допрыгались, Роман Борисович? — спросила она дефектара, отпускающего лекарства фасовщице.

— Что такое? Как ты сказала?

— А так!.. Допрыгались, говорю! В милицию вызывали и про ваши комбинации спрашивали.

— Кто спрашивал?

— Обэхаэс...

К удивлению Аннушки, это сообщение не произвело особенного впечатления. Шарковский внимательно посмотрел на санитарку и пожал плечами.

— Каждая организация существует для какого-нибудь дела, — равнодушно сказал он. — Если там делать нечего, то пускай спрашивают. А вы, товарищ Каряева, следите лучше за кубом. В дефектарной вам делать нечего.

— Не указывайте! Я свои обязанности лучше вас знаю. Вот погодите... Следствие начнется, не так запоете, — проворчала она себе под нос, но так, чтобы это слышал Шарковский.

В конце рабочего дня Шарковский подошел к рецептару.

— Ольга Михайловна, в милиции действительно интересовались моей особой? — вполголоса спросил он.

— Да. Задавали вопросы, имеющие явное отношение к вам. Догадаться было не трудно.

— Странно... Неужели настучал кто-нибудь из ваших работников?

— Поищите лучше среди ваших знакомых, Роман Борисович.

— Мои знакомые доносами не занимаются. Я подозреваю новую кассиршу.

— Валю! Не говорите глупости. Прекрасная, самоотверженная девушка. Чем вы ей насолили?

— Иногда личные мотивы не имеют особого значения. Она подслана к нам с определенной целью,

— А если и так... вас это тревожит?

— Ничуть.

— Меня тоже.

Шарковский с минуту молчал, выжидая, пока Ольга Михайловна писала рецепт.

— Вы думаете, что они затевают дело? — спросил он,

— Думаю, что да.

— Эх-хе-хе!.. — шумно вздохнул Шарковский, — Опять надо архив поднимать. Хорошо, что я человек предусмотрительный и на каждый грамм у меня есть бумажное оправдание. Не там они ищут причины своих неудач... Кто виноват в том, что война застала нас врасплох? Столько было разговоров, а как до дела дошло... Везде дефицит.

— Роман Борисович, вы напрасно мне это говорите, — резко сказала Ольга Михайловна. — Оправдывайтесь там... Я отказалась давать показания... Я не имею фактов.

— Так их и нет, Ольга Михайловна.

— Тем лучше для вас.

Не желая больше разговаривать с Шарковским, Ольга Михайловна отправилась в ассистентскую за готовыми лекарствами,

28. Арест

Вечером к Шарковскому пришел участковый инспектор.

— Роман Борисович, разрешите войти? — с некоторым смущением сказал он, останавливаясь в дверях дефектарной.

Участковый бывал в этой комнате не раз, и не только по делам службы. В дефектарной имелись весьма привлекательные снадобья, вроде чистого спирта.

— Входите, входите, товарищ Кондратьев! Давно вас не видел. Как здоровье?

— Здоровье вполне приличное. Устаю последнее время. Работы много.

— Присаживайтесь, — предложил Шарковский.

— Да нет... Я к вам по делу. На одну минутку. Видите ли... Такая, понимаете ли, оказия... Не представляю, с какого боку и приступить, — мялся участковый.

— Я знаю, зачем вы пришли, — криво усмехнувшись, сказал Шарковский. — За мной? В гости приглашать...

— Вот-вот... — обрадовался Кондратьев, — приглашают вас завтра на площадь для разговора. Комната двести вторая. Вот повестка, распишитесь...

Участковый вручил розового цвета толстую бумажку V обнадеживающе похлопал Шарковского по плечу.

— Не расстраивайтесь и не огорчайтесь... Ничего особенного... Я уверен, что у вас все в ажуре.

— Да, конечно... Если кому-нибудь и отпустил незаконно немного спирта, то без всякой корыстной цели.

— Без корысти. Для внутреннего употребления, — засмеялся участковый. — Это точно... точно. Но вы про спирт ничего не говорите. Не надо давать им предлоги... Ни к чему. Зацепятся и начнут из мухи слона высасывать. Есть у нас такие... Не давайте им повода... Боже вас упаси! Пускай сами докажут. Я говорил с оперуполномоченным, — переходя на шепот, сообщил он, — спрашивал про ваше дело. Ерунда! Никакого дела еще и нет. Помните, что признаться никогда не поздно. Ну, да вы и сами не мальчик. Не мне вас учить...

Шарковский пристально посмотрел на участкового инспектора, и в этом взгляде Кондратьев увидел и злобу, и раздражение, и презрение, и что-то еще такое, отчего он сильно смутился.

Стремительное наступление Советской Армии сильно подорвало фашистский дух не только на фронте. Завербованные или заброшенные в тыл предатели всех мастей: шпионы, диверсанты, разведчики — крепко задумались о своей дальнейшей судьбе и о том, как им спасти свою шкуру. Вызов в милицию для Шарковского, без сомнения, был выходом почти счастливым. Если его отдадут под суд за такие пустяки, как незаконная продажа лекарств, то он получит от двух до семи лет и скроется в тюрьме до окончания войны. Потом дело пересмотрят, возможна амнистия, и он освободится.

Именно на это и рассчитывал Иван Васильевич. Шарковский был опытный и очень осторожный враг. Не случайно органы госбезопасности его «прохлопали», как выражался подполковник. Долгое время резидент абвера (военной фашистской разведки) Шарковский жил и действовал в самом центре Ленинграда, и никто, даже работники аптеки, общавшиеся с ним ежедневно, ничего не подозревали. Установлено, что к Лынкису на Васильевском острове Шарковский не ходил и встречались они в других местах. Получив повестку, Шарковский имел достаточно времени, чтобы сообщить Тарантулу о вызове его в милицию. Но как это было сделано, проследить не удалось.

На другой день в начале пятого Шарковский отправился на площадь. Шел он по Невскому пешком, неторопливо, иногда останавливался и разглядывал знакомые здания Александринского театра, Гостиного двора, Думы, Казанского собора. На площади долго стоял против Зимнего дворца. Может быть, он чувствовал, что надолго расстается со свободой, и прощался с Ленинградом, а может быть, с этими местами были связаны какие-то воспоминания.

На второй этаж Управления милиции он поднялся спокойно, но, увидев пост, остановился на площадке. Сейчас он предъявит повестку, дежурный пропустит его наверх, а назад он может не вернуться. Назад выпускают только с пропуском.

В пять часов в кабинете Ивана Васильевича на Литейном раздался телефонный звонок.

— Товарищ подполковник, докладывает Маслюков. Шарковский пришел. Сидит в коридоре.

— Хорошо. Пускай посидит с полчаса, а потом приступайте к допросу. Меня беспокоит вопрос: сообщил ли он Мальцеву?

— Полагаю, что да, — уверенно сказал Маслюков.

— Мало ли, что вы полагаете. Я, например, полагаю другое. Если он надеялся вернуться домой, мог и не сообщить.

— Что же делать?

— Начинайте допрос. Если он будет все отрицать, — значит, рассчитывал на благополучный исход. Если сознается, тогда другое дело...

Томительно тянулось время. Шарковский сидел в длинном, тускло освещенном электрическими лампочками коридоре Управления на стареньком скрипучем стуле и ждал. Двери двести второй комнаты часто открывались. Входили и выходили сотрудники в форме, в штатской одежде, с бумагами, с папками дел, но никто из них не обращал никакого внимания на сидящих в коридоре. Неподалеку от Шарковского на узком стуле устроился совсем еще молодой человек, беспечно болтавший ногами. Немного дальше, на скамейке, сидела полная женщина, а рядом с ней крупный пожилой мужчина. Иногда из глубины коридора в сопровождении милиционера проходили на допрос задержанные раньше люди. Минут через сорок из комнаты вышел молодой следователь с розовой повесткой в руках.

— Вы Шарковский? — обратился он к дефектару.

— Я Шарковский, — поднимаясь со стула, сказал тот.

— Проходите...

Огромная комната, несмотря на то что там стояло пять столов, казалась свободной. Три окна выходили во двор, но света было вполне достаточно. Шарковский прошел за следователем и сел на приготовленный стул. Он обратил внимание на то, что все присутствующие в комнате сотрудники при его появлении подняли головы и с любопытством проводили до места.

— Ну так как, гражданин Шарковский? Будем признаваться? — спросил следователь, перекладывая толстую папку на край стола.

— Смотря по тому, в чем признаваться?

— Вот именно, — с усмешкой сказал следователь. — Начнем прямо с результатов... По скромным подсчетам, сколько стоили государству ценности, которые вы приобрели за время войны? А? Во сколько вы их оцениваете?

— Я не подсчитывал,

— Значит, вы не отрицаете... Это уже хорошо. Чистосердечное раскаяние суд всегда принимает во внимание.

— А при чем тут суд? Если я приобретаю, скажем, картину, пускай слишком дешево, на свои заработанные деньги, — значит, меня под суд? — спокойно спросил Шарковский.

— На свои заработанные деньги?

— Да. Только на свои.

— Вы, очевидно, полагаете, что нам ничего не известно о ваших делишках и вызвали мы вас так... на всякий случай. А вдруг признаетесь?

— Гражданин следователь... Посмотрите на мои седые волосы... И давайте говорить в другом тоне. Я вам в отцы гожусь.

— Это верно. Но тогда и вы прекратите прикидываться невинным... У кого вы купили картину Перова?

— Не картину, а эскиз.

— Неважно, у кого?

— Не знаю.

— Как это вы не знаете?

— Я покупал ее через третьи руки.

— А вам известно было, что эта картина украдена из Русского музея?

— Нет, неизвестно.

— Ну, конечно... Откуда вы могли знать! Картинами интересуетесь, а толком в них не разбираетесь, — снова переходя на издевательский тон, сказал Маслюков. — Сколько же она вам все-таки стоила?

— Не помню. Я купил ее в позапрошлом году. Дешево стоила.

— Даром?

— По ценам мирного времени, можно сказать, что и даром.

— Но все-таки... Вы заплатили деньгами?

— Да, в конечном счете деньгами. Я купил в аптеке бактериофаг и немного глюкозы. За них я получил продукты, а за продукты мне принесли картину.

— Сложная комбинация... Значит, в аптеке вы покупали дефицитные лекарства и комбинировали. Так! А почему вам аптека отпускала эти лекарства?

— Гражданин следователь, возьмем для примера такой случай. Вы нарушили правила уличного движения... Будете вы платить штраф постовому милиционеру? — спросил Шарковский.

— Полагается платить.

— Да, по закону вы должны заплатить, а на практике будет иначе. Вы предъявите служебное удостоверение, и милиционер вам козырнет... Этим дело и кончится.

— Ну, а вывод?

— Вывод тот, что, работая в аптеке много лет, я имел какие-то привилегии.

— Хорошо. Пускай суд решает, какие вам полагаются привилегии. Будем говорить о фактах.

С этими словами Маслюков вытащил из папки стопку чистой бумаги и, задавая вопросы, начал записывать показания. Расчет Ивана Васильевича подтвердился. Шарковский не запирался, не путал, не отрицал того, что, по его мнению, известно следователю. Держался он спокойно, с достоинством, на вопросы отвечал коротко, продуманно, но фамилии людей, достававших ему продукты, называть отказался.

— Если я виноват, судите меня, — твердо сказал он. — Других людей запутывать в это дело я не хочу. Тем более что это все случайные люди. Не забывают, какая это была зима. Они цеплялись за жизнь, как утопающие за соломинку, и не думали о том, что совершают незаконные, с вашей точки зрения, поступки,

— А вы этим и пользовались.

— Все пользовались. Кто не пользовался, те отправились на тот свет.

В комнату вошел Иван Васильевич. Увидев его, Маслюков встал. Остальные следователи, не зная подполковника, продолжали сидеть, с любопытством наблюдая за тем, что происходит за крайним столом.

— Ну, как дела? — спросил Иван Васильевич, подходя к помощнику.

— Вот протокол. Шарковский не отрицает...

— Тем лучше.

Иван Васильевич пододвинул к столу стоявший у стены стул, сел, взял исписанные Маслюковым листы протокола и начал читать.

Шарковский понял, что пришел какой-то крупный начальник, и с интересом разглядывал его. Маслюков стоял позади и через плечо пальцем показывал на некоторые наиболее существенные места в протоколе.

— Ну, так... — деловито произнес Иван Васильевич, закончив чтение. — Придется вас задержать, гражданин Шарковский. Какие у вас есть вопросы, просьбы?

Вместо ответа Шарковский безразлично пожал плечами.

— Может быть, хотите кому-нибудь позвонить или написать письмо? Я думаю, что вы не скоро вернетесь домой.

— А куда вы меня посадите?

— Сюда. В дом предварительного заключения. Ход с Мойки.

— Могу я написать своей хозяйке относительно передач?

— Да, да. Я об этом как раз и говорю. Вот вам бумага, перо. Пишите.

Шарковский вытащил из кармана платок, снял пенсне, неторопливо протер его и, нацепив на нос, начал писать.

— А как его отправить? — спросил он, передавая листок.

— Я передам, — сказал Маслюков, складывая письмо. — Во время обыска.

— Будет обыск? — с полным безразличием спросил Шарковский.

— Безусловно.

Равнодушие предателя раздражало Ивана Васильевича. Неужели он и в самом деле ничего не подозревает или только притворяется?

— Машина здесь? — тихо спросил он и, когда Маслюков кивнул головой, прибавил: — Сначала обыщите.

— Ну-с, гражданин Шарковский! — громко сказал Маслюков. — Поехали на новую квартиру. Виноват... Одну минутку. Удирать не собираетесь?

— Куда мне удирать...

— Поднимите руки... Вещи с собой в камеру не разрешаем... Ничего лишнего... Носовой платок? Это можно. Деньги? Нельзя. Здесь документы? Это в дело, — говорил Маслюков, вытаскивая содержимое карманов. — Ключ? От квартиры?

— Да.

— Оставим здесь. Он вам больше не нужен. А это что за ключи?

— От шкафов в аптеке.

— Это мы туда и передадим... Нож перочинный? Какой интересный! Полный набор инструментов... Ну, кажется, все.

— Все. Опыт, я вижу, у вас большой, — криво усмехнувшись, проговорил Шарковский, застегивая пиджак.

— Разрешите везти? — обратился Маслюков к молча наблюдавшему за обыском Ивану Васильевичу, но тот поднял руку.

Скоро Шарковский поймет, что вся эта история с вызовом в милицию инсценировка и что его шпионская деятельность известна советской контрразведке. Следующий допрос должен быть на Литейном, но за это время шпион успеет подготовиться. Нужно было использовать неожиданность и захватить его врасплох.

— Гражданин Шарковский, у меня к вам есть еще вопрос, — медленно проговорил Иван Васильевич, глядя прямо в глаза врага. — Григорий Петрович заболел и просил у вас шесть порошков аспирина. Ну как... поправился он?

Зрачки у Шарковского расширились, а лицо сделалось мертвенно бледным, отчего морщины превратились в складки. Можно было думать, что он сейчас потеряет сознание и грохнется на пол.

Маслюков взглянул на начальника, не понимая, зачем он задал такой вопрос.

— Садитесь, Шарковский. Вы должны понять, что ваша игра проиграна, — холодно сказал Иван Васильевич.

— Откуда вы... Кто такой Григорий Петрович? — тяжело дыша, спросил Шарковский и плюхнулся на стул,

— Ну вот опять... Вы же умный человек... Знаете пословицу: «Что посеешь, то и пожнешь»? Сейчас пришла пора собирать урожай. С Мальцевым — Тарантулом вы скоро встретитесь. Дадим вам очную ставку. Лынкис Адам тоже у нас...

Последние фразы подействовали на Шарковского самым неожиданным образом. На лице появилась краска, а глаза заблестели, и казалось, что стекла пенсне отражают и увеличивают этот блеск.

— Тарантул? — спросил он. — Вы думаете, что Григорий Петрович и есть Тарантул?

— Не думаю, а точно знаю.

— Боже мой!.. Нет, этого не может быть... Боже мой... — забормотал вдруг Шарковский. — Неужели это так?.. Правда, я подозревал... смутно... Я думал, что он... Боже мой!.. Теперь уже не поправить... Почему я не знал...

Затем наступила реакция. Появилось какое-то безразличие и слабость. Это было видно по всему. Глаза потухли, углы губ опустились, а морщины расправились и превратились в тонкие линии.

— Отвечайте мне на вопрос! — строго и четко сказал Иван Васильевич. — Нам известно, что вещественный пароль на вторую явку, к Лынкису на Васильевский остров, — шкатулка. Софья Аполлоновна присылает с поручением. Медальон с фотографией. Чтобы открыть шкатулку, нужно знать число. Какое это число? Вы меня слышите, Шарковский? Какое это число? — спросил Иван Васильевич.

Шарковский поднял полные слез глаза на Ивана Васильевича и, мотая головой, задыхаясь, с трудом проговорил:

— Я не могу сейчас.

Он долго сидел, опустив голову на грудь. Плечи его вздрагивали.

— Отвечайте на вопрос. Я жду! — еще более твердо приказал подполковник, когда Шарковский полез в карман за платком. — Какое это число?

— Число?.. Не помню... забыл...

— Число у вас записано? Может быть, здесь? — спросил Иван Васильевич, пододвигая лежащие на столе документы.

— Нет... я помнил... четырехзначное число... забыл... потом я вспомню...

— Хорошо. Вечером поговорим. Постарайтесь вспомнить, — сказал Иван Васильевич поднимаясь.

Арестованный был в таком состоянии, что продолжать допрос не было смысла. Нужно было дать ему успокоиться и прийти в себя. Главное сделано. Иван Васильевич ждал от Шарковского большого сопротивления и готовился к упорной психологической борьбе, но почему-то этого не случилось. Он понял, что в отношениях между Шарковским и Тарантулом — Мальцевым есть какая-то тайна, и она сейчас сыграла решающую роль. Так или иначе, но Шарковский «раскололся» и сильно облегчил работу. Сделав Маслюкову знак отправлять арестованного, он собрал отобранные при обыске вещи и протокол в портфель.

— До свиданья, товарищи! — обратился он к работающим за своими столами следователям. — Большое вам спасибо за помощь!

29. Ампулы

Вернувшись из Управления милиции, Иван Васильевич спустился в столовую и только здесь почувствовал, как он проголодался. Большинство столиков были свободны. Обедали опоздавшие.

— Иван! Иди сюда.

Оглянувшись, он увидел солидного офицера в морской форме.

— А-а! Костя! Ты когда вернулся?

— Часа полтора назад. Садись.

Устроившись за столиком с Каратыгиным, Иван Васильевич заказал обед и, откинувшись на спинку стула, с удовольствием вытянул ноги.

— Ну, рассказывай, как путешествовал?

— Долгая история... Поговорим лучше о тебе. Ребята в порядке? Аля и Коля?

— Пока все идет хорошо. В основном распутали. Только что взял одного, а на днях ликвидируем всю банду. Начальство торопит.

— Это правильно. Надо торопиться, Иван, Скоро начнем наступать.

Официантка принесла хлеб, столовый прибор, но пообедать Ивану Васильевичу удалось только через полчаса. В дверях появился взволнованный и запыхавшийся от быстрой ходьбы Маслюков.

— Что-то у нас случилось, — проговорил Иван Васильевич, заметив приближающегося помощника, и, когда тот остановился в двух шагах, спросил: — Ну? Сбежал, что ли?

— Сбежал, товарищ подполковник. Совсем сбежал... на тот свет...

— Что это значит?

— Мертвый...

— Новое дело... Как же так? Да вы успокойтесь, Сергей Кузьмич. Садитесь, — сказал Иван Васильевич и, увидев, что Маслюков покосился в сторону Каратыгина, прибавил: — Можно, можно. Он в курсе дел. Рассказывайте.

— Да мне нечего особенно и рассказывать, товарищ подполковник. Ехали мы молча. Он сидел забившись в уголок и только глазами моргал. Все было нормально. А потом... Уже сюда, во двор, въехали, он вдруг бряк... и готов. Немного подергался — и все. Не понимаю... Инфаркт его хватил, что ли...

— Все может быть. Возраст такой, как раз для инфаркта... Врача вызывали?

— Вызывал. Констатировал смерть, но отчего и почему, не говорит. Надо делать вскрытие.

— Неприятность... — задумчиво проговорил Иван Васильевич. — Костя, ты еще тут посидишь?

— А что?

— Попроси, чтобы с обедом подождали. Схожу посмотрю. Не нравится мне эта смерть.

Длинными коридорами прошел Иван Васильевич в здание внутренней тюрьмы. Шарковский лежал в приемной на широкой деревянной скамейке. Первое, что бросилось в глаза, — это посиневшее лицо умершего. Рубашка была расстегнута, и кожа на груди покрылась темно-синеватыми пятнами.

«Что же это такое? — думал Иван Васильевич. — Естественная смерть от инфаркта или самоубийство? Может быть, разговор о Тарантуле привел его в такое состояние, что он не выдержал и отравился. Но когда? Где он взял яд? А может быть, отправляясь в милицию и зная о том, что ему приготовлено, яд принял заранее?»

— Сергей Кузьмич, в боковом кармашке пиджака у него вы смотрели во время обыска?

— Кажется, смотрел...

— Почему «кажется»?

— Не уверен, товарищ подполковник. Во всяком случае, снаружи рукой прощупал, это я помню.

— А не остался ли там какой-нибудь порошок?

— Вряд ли... А вы думаете, что он принял порошок? Не-ет! Этого не может быть. Всю дорогу я с него глаз не спускал. Сразу бы увидел, — уверенно сказал Маслюков.

— В инфаркт я не верю.

— Почему?

— С плохим сердцем в разведке не работают. Тут что-то другое. Вы обратили внимание, какое на него впечатление произвело сообщение о Тарантуле?

— Конечно. Он не знал, что Мальцев и Тарантул одно лицо.

— В том-то и дело. Тут какая-то тайна. И вот, видите, тайна ушла в могилу.

— Мальцев расскажет.

— Он может и не знать... А что, если и Мальцев... — начал было Иван Васильевич и, не договорив, задумался.

— Что будем делать, товарищ подполковник? — спросил Маслюков после того, как Иван Васильевич, нагнувшись к телу, поднял веко и посмотрел глаз.

— Что делать? — машинально переспросил Иван Васильевич, думая о другом. — Явное отравление. Не знаю, почему врач не мог определить сразу...

— Он у нас слишком ученый. Сто раз примеряет и только потом отрежет, — с усмешкой заметил Маслюков.

— Н-да! Что делать? — опять повторил подполковник, не слушая помощника. — Что делать? Пускай тут где-нибудь полежит до завтра...

Назад в столовую Иван Васильевич возвращался с тяжелым чувством совершенной ошибки. Что-то, где-то было не предусмотрено, недодумано, и вот результат. Дело осложнялось. Многие предположения, которые должен был подтвердить и уточнить Шарковский, повисли теперь в воздухе. Секрет пластинки остается секретом. Облаву на кладбище придется проводить вслепую. И, наконец, последняя тайна. Единственным утешением может служить то, что он успел выяснить назначение закрытой шкатулки, найденной при обыске у Лынкиса.

За столиком с Каратыгиным сидел один из его помощников и о чем-то оживленно рассказывал. При виде подполковника он встал и пересел за соседний стол.

— Ну что, Ваня? Действительно инфаркт?

— Какой там к черту инфаркт!.. Отравился цианистым калием. Посинел весь.

— Как же ты не предвидел? Я всегда считал, что ты на два дня вперед заглядываешь...

— Не издевайся, и без того на сердце кошки скребут.

— Ничего, Ваня... Мало ли что в жизни бывает!.. А у меня настроение сейчас великолепное! Исход войны определился...

Подполковник не слушал своего друга. Неожиданная смерть Шарковского спутала все его планы. И чем больше он думал, тем больше росла тревога в душе.

«А что, если он никому не сообщил о вызове в милицию? — размышлял Иван Васильевич. — Что, если он понял и предупредил Мальцева о том, что они в ловушке? Но ведь ловушка еще не захлопнулась, и Тарантул на свободе. Значит, он может скрыться. И навряд ли такой человек уйдет просто так... Из мести он оставит после себя память».

И воображение нарисовало Ивану Васильевичу страшную картину. Вот он, не дозвонившись по телефону, отправляется на квартиру к Завьялову, открывает дверь своим ключом и находит два безжизненных трупа... Мишу и Лену. Кожа их, как и у Шарковского, будет покрыта темно-синими пятнами... Укус ядовитого паука! Ведь он не случайно взял себе такое прозвище — Тарантул.

— Ты что нахмурился, Ваня? — спросил Каратыгин и тем отвлек Ивана Васильевича от мрачных мыслей.

— Да так... Сомнения мучают. Хочется скорей покончить с этой операцией. Забрать Тарантула и всех, кого уже знаем... А если кто и останется на свободе... черт с ними! В другой раз попадутся. Все равно всех не переловить.

— Нервочки пошаливают, — с улыбкой сказал Каратыгин. — А горячку пороть не стоит. Это на тебя вид покойника так подействовал. Не надо было перед обедом смотреть. Appetit испортил...

После обеда Иван Васильевич поднялся в кабинет, вызвал Маслюкова и приказал немедленно отправиться на квартиру Шарковского и вместе с сотрудниками ОБХС произвести самый тщательный обыск. Сам он решил поехать в аптеку.

* * *

Евгения Васильевна до позднего вечера надеялась, что Шарковский вернется на работу,

— Неужели он не придет и не скажет, что у него там случилось? — с возмущением говорила она с ассистенткой. — Неужели не понимает, что здесь люди волнуются?

— А я считаю, что из милиции он просто ушел домой и спит. Наплевать ему на нас, — сказала одна из фасовщиц.

— Нет, нет... Роман Борисович — человек педантичный. Он мне сказал, что вернется сразу, как только его отпустят.

— Ну, значит, его не отпустили.

— И не отпустят! — уверенно заявила Аннушка. — Вот помяните мое слово!

— Не надо так говорить раньше времени, — с досадой остановила ее Евгения Васильевна, — Я знаю, что вы его не любите... Но чужой беде радоваться нехорошо.

Сотрудники аптеки понимали, почему волнуется Евгения Васильевна. Если Шарковский «засыпался» и попадет под суд за хищения, то управляющую в покое не оставят. Правда, она приняла аптеку недавно и не знает всех махинаций позапрошлого года, но к Шарковскому и до сих пор приходят какие-то подозрительные знакомые, и он их снабжает то порошками, то какими-то каплями или патентованными средствами.

— Евгения Васильевна, вас спрашивают! — крикнула рецептар, приоткрывая стеклянную дверь в ассистентскую.

Иван Васильевич стоял возле кассы и, как показалось управляющей, о чем-то расспрашивал Валю, Второй человек разглядывал выставленные под стеклом и никому не нужные сейчас предметы ухода за новорожденными. Взглянув на пришедших. Евгения Васильевна сразу поняла, что пришли по поводу Шарковского.

— Вы меня звали? — спросила она, обращаясь к пожилому посетителю,

— Да-да... Извините, что потревожили, но у нас серьезное дело, — сказал Иван Васильевич.

— Пройдемте ко мне, — предложила управляющая и двинулась вперед, показывая дорогу в свой кабинет. — Аннушка, займитесь в торговом зале. Там грязи нанесли...

Выпроводив санитарку, Евгения Васильевна, с трудом сдерживая волнение, снова обратилась к пожилому:

— С кем имею честь говорить?

Вместо ответа Иван Васильевич передал красную книжку. Прочитав служебное удостоверение, Евгения Васильевна побледнела. Раньше ей казалось, что Шарковским интересуются органы милиции, и ничего удивительного не было в том, что они пришли в аптеку спрашивать о задержанном дефектаре. Но при чем здесь органы госбезопасности?

— Не волнуйтесь, — мягко сказал Иван Васильевич, — и выслушайте меня внимательно. Мы вам вполне доверяем, поэтому я буду с вами откровенен, хотя и предупреждаю... Наш разговор — государственная тайна. До поры, до времени, конечно. На вопросы работников аптеки можете сказать, что был следователь ОБХС по делу Шарковского.

— Его арестовали?

— Да.

— За что?

— Пока идет следствие, я не имею права говорить ничего плохого и ничего хорошего. Работать в аптеке он больше не будет. В этом я уверен. Можете искать другого дефектара. Вот ключи... — сказал Иван Васильевич, передавая управляющей связку ключей, отобранных у Шарковского при обыске.

— Так неожиданно... Правда, я здесь человек новый... Но все равно... Никогда бы не подумала, что Роман Борисович так провинился, — пробормотала Евгения Васильевна.

— Да, да, — с иронической улыбкой согласился подполковник. — Это бывает... Бдительность в речах, подозрительность там, где не надо, а на деле полная беспечность. Есть у вас такой грешок.

При этих словах на щеках управляющей выступил густой румянец, но оправдываться и возражать она не решилась, молча проглотив эту «пилюлю».

— Простите. Вот вы сказали, что я могу искать другого дефектара... Но у меня нет оснований. Надо думать, что нам сообщат об этом официально.

— Сообщим в свое время.

— А пока придется его заменить. У вас есть еще вопросы?

— Вопросов нет, но нам нужно посмотреть, не хранил ли он здесь что-нибудь такое... постороннее.

— Обыск?

— Нет, нет... Не надо так шумно ставить вопрос. Мы хотели бы при вас посмотреть в шкафах...

— Хорошо. Идемте в дефектарную.

Посреди большой комнаты стоял длинный, покрытый линолеумом стол, а вдоль стен — высокие шкафы.

— Что значат эти буквы? — спросил Иван Васильевич оглядываясь.

На дверце шкафа был нарисован крупный белый квадрат и красная буква «В», Несгораемый шкаф, стоящий у входа, имел зловещий черный квадрат, а на его фоне белую букву «А».

— В несгораемом шкафу яды, — пояснила Евгения Васильевна, плотно закрывая дверь в дефектарную. — Под литером «В» — сильно действующие, а в этих шкафах все остальное.

Иван Васильевич и Трифонов начали осмотр с лежащих на столе и на подоконниках ворохов бумаги, кульков, бутылок, коробок. Затем приступили к исследованию шкафов, где стояли банки, бутылки, лежали нераспакованные и наполовину пустые пакеты. Переставляя и перекладывая с места на место, поворачивая и переворачивая медикаменты, они заглядывали всюду, где можно было что-нибудь спрятать, но ничего интересного не находилось.

— Товарищ управляющая, я попрошу вас внимательно отнестись к нашей работе, — сказал Иван Васильевич, видя, что Евгения Васильевна отошла к окну. — Вы можете заметить посторонний предмет скорей, чем мы.

— Я не знаю, что вы ищете.

— Все, что не имеет отношения к аптеке. Вы не замечали у Шарковского особой любви к патефонным пластинкам? Не хвастал ли он когда-нибудь, что достал редкую пластинку?

— Нет. К музыке он, по-моему, равнодушен. Я знаю, что он любил живопись. Говорят, что здесь, в дефектарной, довольно долго стояла хорошая картина. Чей-то портрет.

— А что в этом кульке? — спросил Трифонов.

— Сода.

Больше часа ушло на тщательный осмотр шкафов, но ничего подозрительного обнаружить не удалось. Пришла очередь несгораемого шкафа.

— Кто его может открыть? ~ спросил Иван Васильевич, пока управляющая возилась с замком.

— Допуск к шкафу «А» разрешается только трем человекам. Это отдается специальным приказом. Смотрите, пожалуйста. Вот морфий. Это стрихнин. Мышьяк. Здесь тоже морфий, в ампулах. Сулема... — говорила Евгения Васильевна, переставляя банки.

— А там что? — спросил Иван Васильевич, заметив в углу маленький белый сверток.

— Сейчас посмотрю.

Евгения Васильевна достала сверток, развернула бумагу, и все увидели три цилиндрические ампулы, формой напоминающие радиопредохранители, но значительно меньших размеров.

— Тоже какой-нибудь яд? — спросил Иван Васильевич, беря ампулу и разглядывая на свет прозрачную жидкость.

— Н-не знаю... Я вижу эти ампулы первый раз.

— Да что вы говорите! — вырвалось у Трифонова.

— И знаете что, товарищи, — это ведь не нашего происхождения, — в сильном смущении сказала управляющая. — Наши ампулы совсем иначе запаиваются...

— Та-ак! — с удовлетворением протянул Иван Васильевич. — Неожиданно, но очень кстати. Разрешите-ка...

Он взял ампулы из рук управляющей, неторопливо завернул их все в бумагу, затем в носовой платок и спрятал в карман.

Через час в приемной внутренней тюрьмы Иван Васильевич разглядывал несколько осколков такой же ампулы, только что с большими предосторожностями извлеченных изо рта Шарковского.

30. Секрет пластинки

Поздно ночью вернулся с обыска Маслюков. Иван Васильевич уже собирался ложиться спать, когда зазвонил телефон.

— Слушаю.

— Товарищ подполковник, докладывает Маслюков.

— Вы откуда говорите?

— Я уже вернулся. Обыск закончили,

— Нашли что-нибудь интересное?

— Нашел.

— Тащите сюда.

— Есть!

Первое, что увидел Иван Васильевич, когда Маслюков вошел в кабинет, это характерная квадратная картонная коробка под мышкой.

— Пластинки?

— Совершенно точно. Стащил пластинки.

— Почему стащили?

— Чтобы старуха не заметила. Ох и вредная старуха! Сразу сообразила, что может быть конфискация. Когда начали имущество описывать, все время скандалила. Это мое... это мое. Чуть что получше, — мое, говорит. Цепного добра у Шарковского много, товарищ подполковник. Прямо маленький музей. Удивляюсь я таким людям! Старый и жадный. Ну куда он это все нахватал? В могилу ведь не потащит с собой...

Говоря это, Маслюков положил коробку с пластинками на стол и развязал ее.

— Пластинок много, но я отобрал только заграничные. Вы говорили, что с английским текстом.

— Да, да. Думаю, что все они одинаковы. Одной фирмы, — сказал Иван Васильевич, вынимая пластинки и разглядывая этикетки. — Вот что-то подходящее, но музыка какая-то другая, и номер не тот... Вот еще... Ага! Кажется, эта...

Принесли и завели патефон. Музыка на принесенной пластинке оказалась та же, что и на пластинках Мальцева. Вальс и фокстрот. Но, слушая уже знакомые мелодии, Иван Васильевич по-прежнему не понимал, для какой цели привез их Тарантул.

— Что за черт! Не для развлечения же он их тащил в Ленинград?

— А может быть, и на самом деле пароль? — сказал Маслюков. — Шесть порошков аспирина — это не очень надежно...

— Почему? Наоборот. Просто и хорошо. Нет, тут что-то другое. Отложим до завтра и дадим инженерам. Пускай они поломают голову. Мы пошли, кажется, по неверному пути и забрались в тупик. А сейчас спать...

Маслюков ушел, а Иван Васильевич долго еще сидел за столом, разглядывая пластинки в сильную лупу. Неприятно было идти с докладом к генералу и признаваться в собственном бессилии. Он чувствовал, что разгадка где-то близко и очень проста, но, как это всегда и бывает, в голову лезли самые невероятные, фантастические предположения. Уснул он уже под утро, но и во сне пластинка не давала покоя. Под музыку надоевшего фокстрота в каком-то сыром подвале он танцевал сначала со зловещей старухой, которая потом превратилась в Шарковского.

Проснулся Иван Васильевич от резкого удара и не сразу сообразил, что случилось. Поднял штору затемнения. В комнате сразу стало светло. По улице необычно быстро пробежал трамвай, за ним два грузовика. Тяжелой рысью, сильно напрягаясь, битюг тащил телегу, нагруженную мешками, ящиками, и в этом движении чувствовался какой-то испуг. Пешеходов не видно.

Все ясно: начался обстрел района и где-то поблизости разорвался разбудивший его снаряд. Через минуту удар повторился, затем еще и еще... Снаряды падали недалеко, громада здания вздрагивала, но в душе Иван Васильевич был совершенно спокоен. Он давно убедил себя, что жизнь его персоны, на фоне гигантской борьбы миллионов людей, настолько ничтожна, что и беспокоиться о ней не стоит.

Пока шел артиллерийский налет, он успел одеться, сделать физзарядку и заправить кровать. Собираясь идти умываться, взял из ящика письменного стола мыльницу и тут увидел пластинку, обратил внимание на фабричную марку. На черной круглой этикетке была нарисована золотыми штрихами собака, сидящая перед длинной граммофонной трубой.

«Где же все-таки зарыта собака?» — подумал он, вспомнив известную поговорку.

Этикетка была несколько вдавлена, по краям шел выпуклый ободок, и создавалось впечатление, что текст напечатан прямо на пластмассе. Но это не так. Этикетка была из бумаги, покрыта лаком и приклеена. Ноготь на большом пальце Ивана Васильевича длинный и острый. Проведя им между ободком и краем этикетки, он заметил, что в одном месте бумага отстала. Осторожно потянув за оттопырившийся кончик, он увидел под этикеткой тонкие линии. «Так вот она где зарыта, собака! Запись! Дополнительная запись».

Открытие так обрадовало Ивана Васильевича, что он выскочил с пластинкой в коридор и почти бегом направился к своим помощникам.

Маслюков не слышал обстрела и крепко спал.

— Сергей Кузьмич! Сергей... Да проснись ты, голова...

— А? Я уже... Все в порядке, товарищ подполковник... Можно ехать.

— Куда ехать? Проснись, Сергей Кузьмич...

— Уже проснулся, — с трудом проговорил Маслюков, садясь на кровати.

— Знаешь, какая штука... Собака, оказывается, была зарыта под собакой!

— Собака под собакой. Понимаю, — пробормотал Маслюков, очевидно думая, что все это происходит во сне.

— Сергей Кузьмич, полюбуйся, — сказал Иван Васильевич, поднося пластинку к самому его носу и приподнимая краешек этикетки, — Видишь? Там что-то еще записано...

Только сейчас Маслюков понял, что перед ним стоит настоящий, живой начальник, взволнованный неожиданным открытием.

— Вот оно что!.. Это здорово, товарищ подполковник!.. А что вы насчет собаки говорили?

— Смотри сюда. Фабричная марка: собака перед граммофоном. Видишь? Она-то меня и навела на эту догадку.

* * *

В лаборатории сняли этикетку, промыли пластинку и установили, что запись произведена на тридцати оборотах. Новинка техники — долгоиграющая пластинка — не была уже секретом.

Вместе с пластинкой в кабинет принесли специальную радиолу.

— Ну, что тут за музыка? — спросил Иван Васильевич инженера, когда они остались вдвоем.

— Речь Гимmlера.

— Ого! Даже Гимmlера! — с удивлением сказал Иван Васильевич. — Перевод сделали?

— Нет. Вот послушайте, товарищ подполковник, — сказал инженер, опуская иглу.

В репродукторе возникло легкое шипение, и вдруг раздался гортанный мужской голос. Вначале Гимmlер говорил спокойно, почти дружеским тоном. Обращение его ко всем резидентам немецкой разведки походило на отеческую беседу с сыновьями. Постепенно в голосе появились каркающие нотки приказа, а закончил он почти криком.

Иван Васильевич плохо знал немецкий язык, но главные мысли он понял. Гимmlер говорил, что отступление немецкой армии имеет стратегический характер. Цель отступления — измотать и обескровить Советскую Армию. Говорил, что немецкая армия отступает в полном порядке, по заранее разработанному плану, сохраняя технику и людей, в то время как Советская Армия несет громадные жертвы и потери.

— Это нам известно со времен царя Гороха, — с усмешкой проговорил Иван Васильевич. — Паническое бегство как удачный стратегический маневр.

Инженер засмеялся, но сейчас же поднял палец. Насторожился и подполковник.

Гимmlер сообщал, что второго фронта не будет. В Женеве идут переговоры с Америкой и Англией о заключении мира, и близок час, когда эти страны выйдут из войны,

— Вот как! Что это... провокация или действительно так? — спросил вполголоса Иван Васильевич, следя за выражением лица инженера, который лучше его понимал язык.

— Все может быть, — сказал тот, разводя руками. — Второго-то фронта до сих пор нет...

Дальше Гимmlер говорил о том, что в эти решающие дни немецкие патриоты должны умножить свои усилия для ускорения победы над коммунизмом. Россия истекает кровью. Это последнее ее сопротивление. В заключение он приказывал распространять эти сведения и действовать, действовать... Подрывать мосты, уничтожать заводы, отравлять продовольствие, водоемы.

Закончил свою речь Гиммлер обычными хвастливыми лозунгами третьей империи, ну и, конечно, — «Хайль Гитлер!».

— Все! — сказал инженер.

— Пустой номер. Вторую этикетку вы тоже сняли? Иван Васильевич надеялся услышать что-нибудь о конкретных заданиях, с названием мест, с фамилиями людей, но их не было. Это был призыв вообще.

— Вторую этикетку мы сняли с очень большим трудом, — сказал инженер, показывая обратную сторону пластинки, — Такой клей... Надо отдать им справедливость, товарищ подполковник, — химики они замечательные.

— Не только химики... И как это все случилось?.. — задумчиво проговорил Иван Васильевич. — Трудолюбивый народ... и вот попал в фашистскую кабалу.

— Школы у них, товарищ подполковник, особые. С детства думать самостоятельно не учат. Такая педагогика. А это отражается на всем народе.

— Конечно, школа играет огромную роль. А вы откуда знаете, что у немцев думать не учат?

— Когда-то изучал историю педагогики. Собирался стать учителем.

Иван Васильевич взглянул на очень высокую, худую фигуру инженера и улыбнулся.

— Вас бы, наверно, ребята прозвали «дядя Степа».

— Совершенно верно. Меня и сейчас знакомые мальчишки так зовут, а некоторые еще и «Дядя, достань воробышка».

Позвонили из лаборатории и сообщили, что в ампулах, найденных в несгораемом шкафу аптеки, оказался препарат цианистого калия. Яд очень сильный и быстродействующий.

Предположение Ивана Васильевича подтвердилось. Шарковский отравился в машине, когда окончательно убедился, что разоблачен как немецкий шпион-разведчик. Теперь можно было со спокойной совестью идти с докладом к генералу и приступить к ликвидации всей банды.

31. Неожиданное посещение

Миша и Лена ничего не знали о происходящих событиях и, конечно, не понимали, что тревожит их гостя, почему он озабочен и с каждым новым днем становится все мрачней. Фамилию Казанкова, передавшего им письмо, они даже не слышали.

— Папа был на заводе, а письмо принес какой-то мужчина. Коля открывал ему дверь.

— Он не говорил, что зайдет за ответом? — спросил Григорий Петрович.

Лена повернулась к Мальцеву, и в ее детском, чистом взгляде можно было прочесть искреннее удивление.

— За ответом? — переспросила она. — Не-ет... По-моему, он ничего не говорил. Он только просил передать письмо папе. И больше ничего. А разве нужен был ответ?

— Дело не в этом. Один мой знакомый был командирован в Ленинград, и я с ним отправил письмо, — пояснил Мальцев. — Но я никак не могу его разыскать.

— Так он, наверно, уехал обратно?

— Нет. Мы должны были здесь встретиться.

— А он знал, что вы у нас остановитесь?

— Да. Я ему говорил.

— Тогда он вас найдет, Григорий Петрович, — уверенно сказала Лена.

— Меня беспокоит... Не случилось ли что-нибудь с ним?

В глазах у Лены мелькнула догадка и появилось выражение испуга, жалости и сочувствия.

— Ой! А что, если он ранен, Григорий Петрович? — сказала она. — Смотрите, какие все время обстрелы.

— Я тоже об этом думаю...

— Так вы поищите в больницах или в госпиталях. Хотите, я вам помогу? Надо в больницу Эрисмана сходить, потом есть Веры Слуцкой на Васильевском острове, потом имени Куйбышева. А потом... больше я не знаю. А госпитали во многих школах.

— Может быть... может быть, — задумчиво произнес Мальцев. — Просто не понимаю, куда он исчез. Но искать его не стоит, Алечка. Если он остался жив, то найдется сам, а если погиб... Ну, что ж... Мы же все равно ничем помочь ему не можем.

К обеду вернулся Миша. После похорон своего друга он сильно изменился. Всегда был необычно серьезен и малоразговорчив. Григорий Петрович это видел, но до сих пор почему-то не расспрашивал. И очень кстати. Миша чувствовал, что Мальцев косвенно виновен в смерти Васи, возненавидел его всей душой и боялся нечаянно выдать себя. Дверь открыла Лена.

— Он дома? — тихо спросил Миша, но вместо нее ответил появившийся в прихожей Мальцев.

— Дома, дома... Я вижу, друзья мои, что становлюсь вам в тягость.

— Да нет... Не в этом дело. Какая еще тягость! Мы же встречаемся только по вечерам, — сказал Миша раздеваясь. — Папа скоро приедет.

— Он скоро приедет, а мне, кажется, пора сматывать удочки. Боюсь, что мы с ним разминемся...

Миша понимал, что Мальцев говорит это просто так, для «красного словца», и никуда он не собирается, но Лена приняла всерьез.

— Неужели вы так и не дождетесь папу? Он будет очень огорчен. Не уезжайте, Григорий Петрович... — почти умоляюще сказала она.

— Я и без того загостился. Дел у меня здесь больше нет, в осажденном Ленинграде побывал. Это мне пригодится для будущих воспоминаний. Для истории... Да! Чуть не забыл, — спохватился Мальцев и достал из кармана бумажник. — Получил я литерную карточку из нашего ведомства и хотел вас угостить. Вот мы и сделаем это сегодня. Схожу сейчас в магазин, получу что-нибудь

такое... приятное для желудка, и пообедаем на славу. Говорят, что можно даже праздничное вино получить. Коля, вы со мной рюмочку внутрь опрокинете?

— Смотря по тому, за что. За скорую победу?

— Ну что ж, можно и за победу.

С этими словами Мальцев оделся и вышел. Лена закрыла за ним вторую дверь и вопросительно взглянула на «брата».

— Ну, что же ты стоишь? — А что делать?

— Надо позвонить дяде Ване.

— Зачем?

— Как зачем? А если он уедет...

— Да куда он не денется. Болтает языком.

— А литерная карточка?

— Вот это я упустил, — подумав, согласился Миша. — Насчет литерной карточки надо позвонить. Наверно, купил где-нибудь...

Стол в гостиной был уже накрыт для обеда. Каждый раз, когда Миша видел аккуратно расставленные тарелки и тарелочки, прибор и стеклянные подставки для него, чистую скатерть и салфеточки, солонку, разливательную ложку, он удивлялся. Зачем Лена это делает и как ей не надоедает каждый раз мыть посуду, прятать в буфет и вынимать все эти никому не нужные, по его мнению, вещи? Не проще ли разостлать на столе газету, есть из солдатского котелка или эмалированных мисок, а хлеб ломать руками. Неужели она всегда такая или это только на время, пока они изображают собой профессорских детей?

— Обедать ты сейчас будешь? — спросила Лена.

— Подождем его.

— А училище?

— Успею. Сегодня у нас практика.

Ивана Васильевича на месте не оказалось, но дежурный сообщил, что «дядя Ваня» минут через двадцать будет у себя.

Приходилось ждать. Мальцев скоро вернется, но никакой срочности не было, и поэтому Миша ничего не сказал дежурному, решив, что позвонит сам из автомата, когда пойдет в училище.

Лена ушла на кухню. Миша сел к пианино и от нечего делать одним пальцем начал подбирать «Раскинулось море широко...».

И вдруг в прихожей раздался звонок.

«Быстро же он вернулся», — подумал Миша, захлопывая крышку пианино и направляясь в прихожую.

На площадке лестницы стоял невысокий худенький старичок с аккуратно подстриженной седой бородкой, в очках.

— Вам кого? — спросил Миша, с любопытством разглядывая пришедшего.

— Мне Сергея Дмитриевича.

— А его нет.

— Нет? Жаль... А где же он? — спросил старичок, протирая очки.

Иван Васильевич предупреждал, что к Мальцеву могут приходить какие-то люди и следовало запомнить их внешность, все, о чем они будут говорить или спрашивать. Старик интересовался Завьяловым, но Миша почему-то решил, что он пришел к Мальцеву, и поэтому спокойно ответил:

— Папа уехал в командировку. Эти слова произвели на старичка странное впечатление.

— Что такое? — с удивлением спросил он, надевая очки и пристально разглядывая юношу,

— Я сказал, что он уехал в Москву, в командировку, — повторил Миша. — Чему вы удивляетесь?

— Чему я удивляюсь? А вот тому, что вы изволили сказать «папа», молодой человек.

— Ну так что? — ничего еще не подозревая, спросил Миша.

— То есть как что? Кто вы такой?

Неясная тревога охватила Мишу, и он сильно смутился. «Чего он на меня так пялит глаза?»

— Я? Кто я такой? А в каком это смысле?

— В прямом. Что вы тут делаете? — настойчиво спросил старичок.

— Живу.

— Очень хорошо! А почему вы здесь живете? Вы что, переселенец из другого района или у вас разбомбило дом?

— Ничего подобного. Я живу здесь давно.

— Как вас зовут, молодой человек? Миша растерялся.

— Николай, — ответил он, думая, что на попятный идти уже нельзя.

— Вот оно что... Не хотите ли вы мне сказать, уважаемый, что вы являетесь Колей Завьяловым, сыном Сергея Дмитриевича?

— Да.

— Ах, вот как!.. Я вижу, вы меня приняли за какого-то дурачка... Неуместные шутки, молодой человек. Николашу я знаю с пеленок и уж не настолько ослеп, чтобы не разобрать, с кем говорю.

В этот момент в прихожую вошла Лена. Только что из окна кухни она видела во дворе возвращающегося с пакетом Мальцева и пришла предупредить об этом «брата».

— Коля, это к нам? — спросила она.

— О-о! Да вы не один, — с явным издевательством сказал старичок. — Если не ошибаюсь, вы Аля? Дочь Сергея Дмитриевича?

— Да, я Аля, — простодушно подтвердила Лена.

— Очень мило! А теперь, молодые люди, скажите, пожалуйста, с какой целью вы меня мистифицируете? А? Кто вам дал такое право и что это все значит?

— О чем вы говорите? — спросила Лена.

— А вы даже не понимаете? Это уже становится подозрительным. Самозванцы упрямо не хотят сознаться...

«Что делать? Катастрофа!» — думал Миша. Он чувствовал, что с минуты на минуту может вернуться Григорий Петрович, и, если он застанет этого старика, все пропало, они разоблачены.

Между тем Тарантул перебирался через кучи мусора, приближаясь к входной двери.

— Послушайте, гражданин, что вам нужно? Мы же вас не приглашали, — растерянно произнес Миша, напряженно думая, как ему сейчас поступить.

Лена еще не разобралась в создавшемся положении и с удивлением смотрела на старика.

— Какие самозванцы? — спросила она.

— Это мне нравится! Да что же, наконец, это такое?

— Ой! Вы знакомы с Алей! — воскликнула Лена, всплеснув руками. — Да? Я так и знала... Коля... Он идет... Подожди, я сейчас...

Она сорвалась с места и бросилась в гостиную. Так вот зачем нужен тайный сигнал! Еще утром она разглядывала кисточку от шторы и размышляла о том, что прошло столько времени, а сигнал пригодился только один раз и, наверное, больше не пригодится.

Успеет ли она? Дома ли сосед? Не испортился ли сигнал?

Дрожащими руками Лена совала кисточку в штепсель, не веря, что сигнал сейчас работает, что сосед услышит, а если и услышит, то слишком поздно. Мальцев, наверное, поднимается по лестнице.

Старик начал сердиться, когда дверь напротив распахнулась и на площадку выскочил Бураков.

Только сейчас Миша догадался, куда побежала Лена, и в душе поблагодарил ее за находчивость. Он решил и уже собирался схватить старика, связать, заткнуть рот тряпкой и спрятать в своей комнате.

— Вы будете мне отвечать, молодой человек? — настойчиво спрашивал старик. — Или я сейчас отправлюсь в милицию...

— Он знает... — сказал Миша, увидев Буракова. Бураков мгновенно оценил обстановку и встал между ними.

— Идемте ко мне! — приказал он, наступая на посетителя.

— В чем дело? Кто вы такой? Не толкайтесь, пожалуйста... Чего вы хотите?.. — испуганно забормотал старик. — Позвольте... Куда вы меня тащите?..

Но Бураков не слушал.

— Идемте, идемте... На минутку... Я вам все объясню, — говорил он, подхватывая старика под руку и силой утаскивая в свою квартиру.

Еще секунда — и дверь закрылась. Было слышно, как за дверью старик начал скандалить, протестовать, но скоро все стихло. Видимо, Бураков увел его в свою комнату. Теперь до слуха Миши доносились размеренные шаги поднимающегося по лестнице человека.

В прихожую вбежала Лена. Увидев, что старика уже нет, она перед самым носом Миши захлопнула дверь и втащила его в прихожую.

— Он близко... — прошептала она.

И через несколько секунд раздался звонок. Миша взглянул на свою мнимую сестру и приложил палец к губам. Разговаривать нельзя, — Мальцев за дверью. Объяснившись жестами, они разошлись. Лена на цыпочках ушла в гостиную, а он подошел к двери. Надо было открывать. От пережитых волнений дрожали колени и почему-то не хватало воздуха, словно он долго бежал.

— Ну что? Заждались? — спросил Мальцев, передавая Мише бутылку вина и небольшой пакет. — Повариха наша, наверно, ворчит.

Говоря это, Мальцев спокойно снял пальто, повесил его на вешалку и пошел мыть руки.

«Обошлось! — с облегченным вздохом подумал Миша. — Ничего не заметил и не слышал».

После обеда он отправился в училище. Спускаясь по лестнице, услышал скрип открываемой внизу двери, а когда вышел во двор, то увидел недавнего посетителя. И снова от волнения забило сердце. «Сейчас увидит, узнает и начнется», — думал Миша, не решаясь обогнать старика.

Сделав несколько шагов, старик оглянулся, узнал... Но все остальное произошло совсем не так, как предполагал Миша.

— О-о! Николаша! — преувеличенно радостно воскликнул старик, протягивая руки. — Коля Завьялов! Вот неожиданная встреча! Здравствуй, голубчик! Очень рад тебя видеть.

От удивления Миша вытаращил на него глаза и, уклонившись от объятий, нерешительно подал руку, которую старик начал сильно трясти.

— Я ведь тебя сначала не узнал. Как ты вырос! Совсем взрослый мужчина. А папа в Москве. Я знаю, знаю. Это хорошо. Пускай разомнет старые косточки, — говорил он, беря Мишу под руку. — Зовут меня Глеб Кондратьевич, — вдруг совсем другим тоном и очень тихо сказал он и снова с преувеличенным оживлением продолжал: — Как себя Алечка чувствует? Молодцы, молодцы... А я, знаешь, теперь в пригороде. Занялся, так сказать, сельским хозяйством. Работа у меня большая, важная. Химические удобрения. И не только теория. Вся моя деятельность сейчас связана с практикой. Опыты прямо перед глазами... Да, да... перед окнами растут. Утром встану, в окно гляну — и все как на ладони, — в рифму сказал он и засмеялся...

Опираясь на Мишину руку, старик благополучно перебрался через кучи мусора. Выйдя на улицу, они спокойно направились к трамвайной остановке. Несколько встречных пешеходов с улыбкой наблюдали эту приятную для глаз картину. Два поколения шли рядом, под руку. Старик говорил, а молодой внимательно слушал его мудрые речи.

32. Засада

В пятницу днем Валя Калмыкова сидела в кассе и видела, как за окном несколько раз прошел взад и вперед молодой сержант с автоматом. По опыту трех военных лет она сразу определила, что сержант приехал с фронта в отпуск повидать родных или друзей. А может быть, это был один из тех, кто, получив подарок из Ленинграда, нашел в теплых носках письмо, завязал переписку и вот сейчас приехал разыскать незнакомую, но хорошо известную ему по письмам девушку.

«Ждет. Значит, где-то здесь назначено свидание», — решила Валя.

Некоторое время сержант не показывался и вдруг вошел в аптеку. Оглянувшись по сторонам, он подмигнул молодой кассирше и направился к рецептару.

— Скажите, пожалуйста, у вас в аптеке работает старичок, по фамилии Шарковский?

— Работает, — не поднимая головы от конторки, ответила Ольга Михайловна. — А нельзя ли его повидать?

— Нет. Он сейчас болен.

— Да что вы говорите!.. А что с ним такое?

— Не знаю. Кажется, воспаление легких.

— Ай-ай-ай! Какая неприятность. Что же теперь делать? Я, понимаете ли, приехал с фронта, и меня просил понаведаться сюда один друг... Значит, так ему и передать, что воспаление легких... Простудился старичок... Ну, извините, пожалуйста.

Сержант прошел вдоль витрин, разглядывая выставленные под стеклом вещи, лекарства, и подошел к кассе.

— Ну как, соскучилась, девочка? — развязно спросил он.

— Почему соскучилась?

— По нему...

— Некогда нам скучать, — строго сказала Валя. — Я вижу, что вам делать нечего... Вы зачем пришли? За лекарствами? Платите.

— Ого, какая сердитая! Лекарства мне не требуется, я человек здоровый. Вот если бы ты отпустила мне спиртишки с пол-литра... А? Нельзя? Я бы заплатил... По благу как-нибудь...

— Не болтайте языком, товарищ сержант.

— Н-да... Значит, никак! Ну что ж, пойду на рынок. У вас тут сочувствия фронтовику не дождешься,

Выйдя на Невский, сержант неторопливо направился к трамвайной остановке. Здесь расспросил, как проехать на Васильевский остров, и даже нашел попутчицу. Минут через сорок он уже стоял

перед дверью нужной ему квартиры. Прежде чем нажать кнопку звонка, он перенес ремень автомата на правое плечо, проверил диск, снял предохранитель и зажал оружие под мышкой.

Звонить пришлось дважды, но наконец послышалось шарканье ног и звяканье многих замков.

— Вам кого? — спросил женский голос, и дверь, которую придерживала цепочка, чуть приоткрылась.

— Да видите ли, в чем дело, — оглянувшись по сторонам, сказал сержант, — у меня есть поручение от одной знакомой. Зовут ее Софья Аполлоновна... Здесь оставлена шкатулка на сохранение, так она просила достать, так сказать, и принести ей медальон с фотографией внучки... Только вот адрес не знаю, — туда ли я попал?

— Сейчас открою.

Женщина прикрыла дверь, сняла цепочку, снова открыла.

— Входите.

Сержант вошел в квартиру. Пока женщина возилась с целой серией замков, глаза его привыкли к темноте, и он успел разглядеть широкий коридор, заставленный всевозможными вещами, несколько дверей по сторонам и эту высокую женщину в домашнем халате.

— Идите за мной, — сказала она и, не оглядываясь, пошла вперед.

Большая комната была обставлена хорошей, старинной, но покрытой слоем пыли и копоти мебелью. Посреди комнаты стояла «буржуйка». Трубы от нее, подвешенные на проволоке, выходили прямо в форточку.

Женщина достала из шкафа черную шкатулку, поставила на стол и, молча указав на нее пальцем, села на ближайшее кресло.

— Это она и есть? — спросил сержант. — Замочек тут висит... Хитрый замочек. Ну что ж, попробуем открыть.

С этими словами он поставил автомат на предохранитель, снял его с плеча и, положив на стол, занялся замком. Четыре шестигранные гаечки свободно вращались под планкой, куда входила дужка замка. На каждой грани была выбита цифра. Для того чтобы освободить дужку, следовало поставить гаечки в такое положение, чтобы образовалось четырехзначное число. Сержант уверенно поставил гайки и, словно показывая фокус, отделил планку от дужки.

— Але гоп! Извольте радоваться... Женщина внимательно следила за каждым движением сержанта и, когда он открыл замок, встала.

— Хорошо... Жить вы будете пока в этой комнате. А теперь... Идемте за мной. Он дома. Оружие оставьте здесь, — сказала она, заметив, что сержант потянулся за автоматом.

Какой-то момент сержант колебался, но, видя, что женщина не оглядываясь направилась к двери, быстро пошел за ней. В другой комнате, куда они вошли, предварительно постучав, было совсем темно. Овна занавешены шторами затемнения. Как только сержант переступил порог, с двух сторон его схватили за руки. Яркое загорелся электрический свет, и сержант увидел трех мужчин.

Один из них, стоявший посреди комнаты с направленным на него пистолетом, был в штатском, двое других, державших его за руки, — в форме лейтенантов МГБ.

— Спокойно... без паники, — предупредил Маслюков. — Цацкаться с тобой мы особенно не будем, если начнешь рыпаться...

— А кто вы такие? — сильно побледнев, спросил сержант.

Он еще не верил, что попал в засаду, и надеялся на благополучный исход.

— Все, все... Отвоевал, хватит» — сказал Маслюков, подходя к сержанту.

Спрятав пистолет в карман, он приступил к обыску. Бесцеремонно выворачивал карманы, разглядывал отбираемые вещи и складывал их в вещевой мешок.

— Что, не нравится? — спросил один из лейтенантов. — Не ожидал? Этому вас не учили там... на курсах в Германии?

— А что. вы со мной сделаете?

— Демобилизуем, — сказал Маслюков. — Вчера пришел приказ о вашей демобилизации.

— Расстреляете?.. А ну, стреляй сейчас! Все равно один конец, — сказал он, пытаясь вырваться.

— Тихо, тихо... Пристрелить тебя не трудно. Рука не дрогнет, не беспокойся. Сначала надо посмотреть, кто ты такой и откуда.

Между тем женщина пошла в первую комнату, посмотрела поставленный сержантом номер, записала его в блокнот и снова закрыла шкатулку, смешав цифры на замке. Затем, захватив автомат, вернулась назад.

* * *

Через три часа против дома на Васильевском острове, куда вошел сержант, остановился Мальцев. Если бы Иван Васильевич видел его в этот момент, он сделал бы следующее заключение: Тарантул нервничает.

Только что Мальцев побывал на кладбище, спускался в склеп, прочитал последние германские сводки с фронта, проверил готовность своих людей и, несмотря на это, нервничал Казанков исчез и никаких следов не оставил. Шарковского посадили в тюрьму по уголовному делу. Подкрепление не прибывало.

Тарантул смутно чувствовал, что какая-то посторонняя сила вмешивается и расстраивает его планы. Но что это за сила? Он еще не допускал мысли о действиях советской контрразведки. Нет, оснований для такого вывода не было. Военные неудачи, отступление на фронтах — вот причина. Агенты не верят в победу... Казанков, конечно, сбежал Шарковский — хитрая лиса. Он умышленно сел в тюрьму, с намерением переждать...

Сегодня, в пятницу, должен прибыть под видом воина Советской Армии один из агентов-исполнителей. Приехал ли он? А если нет, то надо выяснить, почему задержался.

Лынкис Адам — отпрыск прибалтийских баронов — давно заброшен в Ленинград и работает все время отлично. У него радиопередатчик, и к нему должны сейчас являться люди с той стороны. С

Лынкисом Тарантул виделся на третий день своего приезда, дал указания, сообщил телефон Завьялова и условился о новой встрече после прибытия сержанта.

Под воротами дома сидела женщина с красной повязкой на рукаве. Если бы Мальцев не задержался или сделал вид, что ищет номер нужного ему дома, он бы вошел под ворота и поднялся к Лынкису. Но сейчас, встретившись взглядом с дежурной, он понял, что упустил удобный момент. Женщина видела его бесцельно стоящим на улице и могла заподозрить... В чем? Взвинченные нервы обостряли мнительность, а встревоженный мозг — плохой советчик. В каждом советском человеке он видел врага.

Приход Мальцева на квартиру к Лынкису Иван Васильевич предусмотрел, и Маслюков со своей группой знали, что надо делать, если Тарантул явится туда.

Но Тарантул не вошел. По каким-нибудь не зависящим ни от кого причинам агент мог задержаться, и он решил, что лучше всего подождать телефонного звонка, как они и условились. В крайнем случае, чтобы не рисковать самому, к Лынкису послать кого-нибудь другого.

Медленно надвигались сумерки, когда Мальцев оказался на набережной. Неподалеку от моста Лейтенанта Шмидта он увидел на берегу группу юношей в бушлатах. Возле гранитной стенки стояла землечерпалка, а на ней происходило что-то такое, что вызывало большое оживление среди курсантов. Мальцев подошел к ним и увидел, как из кочегарки и машинного отделения землечерпалки вылезали сильно перемазанные, засаленные ребята.

— Эй, Колька! А тебя не узнать... Ты все масло себе на штаны перевел?

— А глаза-то... глаза-то как он подвел! — кричали с берега, сопровождая хохотом каждую фразу.

— Петя! Ты из своей робы борщ свари... жирный будет!

— А сам-то давно ли с живота солидол соскреб?

— Сашка! — кричал с землечерпалки коренастый паренек. — Иди сюда, я твой рыжий чуб перекрашу. Брюнетом будешь!

— Эй, вы... Нельзя на палубе сорить!

Мальцев некоторое время наблюдал. Он знал, что здесь поблизости находится училище Балттехфлота, где занимался Коля Завьялов.

— Что это они так перемазались? — спросил он, трогая за рукав одного из курсантов.

— В кочегарке... На консервацию ставят, — ответил тот, взглянув через плечо на солидного мужчину.

— Вы из Балттехфлота?

— Да.

— Здесь учится мой друг, Коля Завьялов. Знаете?

— Конечно, знаю.

— Это не он, вот тот, замасленный?

- Нет. Он, наверно, уже домой утопал.
- Ах, так... А я подумал, что и он такой же чумазый.
- Ну, что вы. Он штурман, а у них работа почище. Это все механики, — сказал курсант и вдруг со смехом закричал во весь голос: — Гоша, Кашалот, ты бы сажу с ушей стряхнул немного... Ну и рожка!
- Они что, закончили работу? — спросил Мальцев, когда тот успокоился.
- Ну, что вы. Это они наверх погреться вылезли, — пояснил паренек и, завидев приближающегося к группе очень высокого, опрятного юношу, прибавил: — Вон Колькин кореш идет. Эй, Крошка! Иди сюда! Вот гражданин твоим корешком интересуется.
- А что?
- Да просто так, — сказал Мальцев. — Спросил, нет ли среди этих чумазых ребят Коли-Завьялова.
- Он уже уехал на завод,
- Почему на завод?
- Он там живет с отцом и сестренкой.
- Так ведь Сергей Дмитриевич, насколько мне известно, в командировке? — настороженно спросил Мальцев.
- Да. Он в Москве.
- Почему же Коля на заводе?
- Я же вам сказал, что они временно там живут, на казарменном положении, — квартиру у них бомбой потрянуло.
- И вы это точно знаете?
- Точно, — с некоторым недоумением, но уверенно ответил юноша. — Я вчера у него был.
- И Аля там живет?
- Ну, ясно, там.
- Странно... — вырвалось у Мальцева.
- А что тут странного?
- Да ничего... так просто. Мне говорили, что Сергей Дмитриевич живет на старой квартире.
- Вообще-то да, но сейчас пока переехали на завод.
- Несколько минут Мальцев стоял среди курсантов, не обращая внимания на шутки и смех, Затем повернулся и решительно направился домой.

33. Облава

Почти три года с наступлением темноты не вспыхивают яркие фонари на улицах Ленинграда, не освещаются витрины магазинов, не зажигаются рекламы, люстры в домах, и со стороны можно подумать, что жизнь в городе замирает.

Несмотря на темноту, немцы стреляют и по ночам, но это давно никого не смущает. Ленинград живет, трудится, набирается сил и готовится к ответному удару. Где-то в штабе разрабатывается план наступления, и все чувствуют, что час освобождения приближается, что кто-то пишет уже секретные приказы и начинается перегруппировка войск. Ленинградцы видят на улицах танки, «катюши», новые пушки. Они научились безошибочно определять, какие боеприпасы перевозят на грузовиках, какие типы авиабомб отправляют на аэродромы.

Чувствуют это и фашисты. Глазами заброшенных в Ленинград шпионов они видят боевую технику, видят, как накапливаются силы. Но и только. А как узнать, в какой день и час назначено наступление? Где намечен главный удар?..

В полной темноте открылись ворота и три крытые машины вышли на проспект. На второй машине сидел Миша Алексеев рядом с Трифоновым.

— Фонарем не злоупотребляй, — предупреждал он юношу. — Конечно, зажигай, чтобы дорогу узнать, но на короткий момент. Понимаешь? Вспышками. Фонарь очень сильный... Когда склеп найдешь, свети прямо па него, пока мы не окружим. Я думаю, что особого сопротивления не будет, если застанем врасплох.

— А там они? — спросил Миша.

— Там! — уверенно ответил Трифонов. — Федя звонил с поста. Трое, говорит, пришли из города и скрылись. Сегодня днем туда ходил твой Мальцев. Часа полтора в склепе сидел.

— Так вы тоже нашли этот склеп?

— Если бы нашли, тебя бы с собой не взяли. В том-то и дело, что знаем только приблизительно. Мы же издали наблюдаем.

— У этого склепа три толстых дерева и густая бузина разрослись около входа, — пояснил Миша.

— Вот, вот. Ты и свети на куст.

— А если второй выход есть?

— Вряд ли... Ну, а если и есть, все равно не убегут. Мы оцепим все кладбище. Сигналы запомнил хорошо?

— Запомнил.

Машины вышли на Старо-Невский, и здесь шоферы прибавили газ. Солдаты, чувствуя, что приближаются к месту операции, и зная, что покурить удастся не скоро, задымили, как по команде. Два ряда красных огоньков освещали сосредоточенные молодые лица. Все эти люди точно знали план операции, свои места, сигналы. Трудность ночных действий в черте города заключалась в том, что в темноте легко ошибиться и принять своих за врагов. Нужны хладнокровие, выдержка, смелость, чтобы не растеряться, в критический момент не удариться в панику и не открыть огонь по своим. А такие случаи бывали. Отбирая солдат для облавы, после объяснения задачи Трифонов несколько раз спрашивал всех, нет ли среди них людей со слабыми

нервами, трусоватых. Конечно, никто не признался в таких недостатках, но, посоветовавшись между собой, комсомольцы сами заявили, что на эту операцию не следует брать троих. И не потому, что они плохие или трусы. Нет, просто потому, что они новички и товарищи не успели еще их изучить.

Развернувшись на площади, машины вышли на шоссе, и здесь последняя машина остановилась. Немного дальше остановилась средняя, а в конце кладбища — первая.

Вылезая из машины, Миша увидел неизвестно откуда появившуюся фигуру человека в штатском.

— Федя? — спросил Трифонов.

— Я, Василий Алексеевич.

Минут через двадцать замигал огонек в одном конце, а вскоре увидели сигналы и в другой стороне. Кладбище было окружено.

— Ну, Миша, трогаемся, — тихо сказал Трифонов, поправляя круглый «светлячок», приколотый на спине у юного проводника. Такие «светлячки» имели все.

— А почему Миша? Я же теперь Коля.

— Вот именно, что не Коля. Обрато перекрестили, — шутливо ответил Трифонов, и в тоне его голоса была уверенность.

«Значит, не случайно назвал меня так, — подумал Миша. — Это не оговорка».

Но расспрашивать было некогда, и Миша уверенно двинулся в темноту. Свернув за каменный амбар, он сразу попал на тропинку.

— Не так быстро, — послышался сзади голос.

Миша пошел медленней. Идти было не трудно, — Тропинка протоптана до земли, и стоило чуть уклониться, как под ногами зашелестила трава.

Сидя в машине, Миша думал, что ночью на кладбище он будет слегка «дрейфить», но никакого страха в душе не чувствовал. Сознание, что он нужен, что он ведет большой отряд вооруженных людей с Трифоновым во главе, вселяло удивительную бодрость и даже гордость.

Неизвестно, чем освещался полированный мрамор, но белый крест, служивший первой отметкой на пути, Миша увидел издали.

«Через двадцать шагов от креста поворот. Шаги нужно делать средние», — думал он, вспоминая, как отсчитывал по его просьбе эти шаги Степка.

Подойдя к повороту, Миша остановился. Здесь тропинка имела ответвление, и нужно было дать сигнал сзади идущим. Он направил фонарь на предполагаемое место поворота и нажал на кнопку. Фонарь был действительно такой сильный, что яркая, хотя и короткая, вспышка не только ослепила, но, как показалось Мише, даже оглушила.

Поворот оказался на шаг сзади. Некоторое время перед глазами на фоне черноты плавали светлые пятна, и Миша двигался скользящими шагами, с трудом нащупывая тропинку. Постепенно глаза привыкли, пятна пропали, и он пошел уверенней, но фонарь решил больше не зажигать. Черный крест, около которого нужно было снова сворачивать, сливался с темнотой.

«Здесь, — подумал Миша. — Вот тут стоит. Можно рукой достать. — И он протянул руку вперед, но она повисла в воздухе. — Вот тебе и на...»

Сзади послышался легкий треск сучьев и шум падения тела. Кто-то споткнулся и упал.

Осторожно поводя из стороны в сторону вытянутой рукой, Миша начал медленно двигаться вперед. Пустота. Потеряв надежду и уже собираясь зажечь фонарь, почувствовал, что пальцы коснулись холодной, гладкой поверхности креста.

— Что у тебя? — раздался шепот за спиной.

— Да тут крест... Сейчас опять сворачивать, — тихо ответил Миша. — Пойдем прямо целиной.

— Далеко еще?

— Нет... близко.

— Может, фонарь зажечь?

— Нет... Слепит.

И снова Миша оторвался от сзади идущих и замаячил им своим «светлячком». Теперь он шел с вытянутыми вперед руками, стараясь припомнить, как выглядели эти места днем. Вот здесь у ребят стоял тайник, справа от него чугунная литая решетка. «Так и есть», — с удовлетворением подумал он, нащупав правой рукой мокрый холодный металл. Слева часовня, вся заросшая кустами. Рядом три могилы, закрытые стеклянной, словно веранда, постройкой.

И опять за спиной послышался шум падения и какая-то возня.

«Здесь ребята прятались», — вспоминал Миша, двигаясь вперед без остановки.

Приближаясь к склепу, откуда шел запах жареной тушенки, Миша начал волноваться. Сердце билось все сильнее, дышать становилось почему-то трудней... Там ли они? Что сейчас делают? Спят или слушают радио?

— Ну вот... пришли, — с глубоким вздохом прошептал Миша, рассчитывая, что идущий сзади Трифонов услышит.

По его расчетам, до склепа было шагов двадцать, и отсюда хорошо виден вход. Выждав, пока цепочка людей подтянулась, он зажег фонарь. Яркий луч заметался по крестам, деревьям, блеснул в застекленных футлярах венков, скользнул и вдруг остановился на массивной черной поверхности камня, закрывающего склеп сверху. Затем луч передвинулся влево, где росли густые кусты, указывая вход.

Как только луч остановился, Миша увидел справа и слева мелькающие тени. Солдаты окружали склеп со всех сторон, не думая больше об осторожности, не опасаясь, что топот их ног, треск ломаемых сучьев кто-нибудь услышит.

— Молодец, Миша! — похвалил Трифонов, проходя мимо и хлопая юношу по плечу. — Жди здесь.

Яркие лучи фонарей вспыхнули вокруг склепа. Они перекрещивались, перескакивали с места на место, медленно ползли по низу, ощупывая землю.

Миша погасил свой фонарь и, отступив назад, залез на высокую, обложенную камнем, могилу. Здесь прислонился к большому тополи, росшему в изголовье. Скоро он услышал глухой стук и голос Трифонова:

— Эй вы там!.. Открывайте!

Через некоторое время стук повторился.

— Слышите! Вылезайте, говорю. Все равно никуда не скроетесь. Вы окружены...

Прошло минуты две, и Трифонов дал команду:

— Кроши, ребята!

Миша видел, как два здоровенных солдата встали по краям входа, взмахнули руками, и резкие, звонкие удары тяжелых ломов о железную дверь ворвались в тишину кладбища. Били ровно, как цепами молотили, но, видимо, дверь не поддавалась.

И вдруг все стихло.

Миша приподнялся на носки, пытаясь разглядеть, почему перестали ломать дверь. Напряжение было такое сильное, что короткая очередь из автомата оглушила, и Миша не сразу понял, что произошло.

Крики... Мельканье огней... Стоны... Какая-то тень бросилась в сторону от склепа и исчезла в темноте...

— Налево! — закричал один из солдат, — Никитин! Налево свети... сюда!

Лучи фонариков заматались в разных направлениях, но натыкались они только на деревья, кресты, решетки, могилы. Человек исчез.

И вдруг короткая очередь снова резанула слух. Фонари погасли. Солдаты попрятались за ближайшие укрытия.

— Никитин, спокойно! — раздался твердый голос

Трифонова, и Миша облегченно вздохнул.

— Никуда не уйдет. Не горячитесь. Я спущусь вниз, а вы ловите. Федя, за мной...

Теперь Миша понял, что произошло. Один из шпионов распахнул дверь, очередь из автомата расчистил себе дорогу и выскочил из склепа в темноту. Кладбище он хорошо знает, и в этих зарослях, среди могильных построек легко прятаться. Фонари зажигать нельзя. Он видит огонь и будет стрелять.

«Что же теперь делать? — с волнением думал Миша. — Он побежал в мою сторону и прячется где-то поблизости».

В этот момент кто-то из солдат зажег фонарь возле склепа. И сейчас же недалеко от Миши заблестели красные вспышки автоматной очереди. От неожиданности Миша присел, но успел заметить, в каком месте спрятался шпион.

«Ждать нельзя. Действовать быстро, решительно. Надо осветить его». Спрятавшись за толстый ствол дерева, Миша поднял фонарь, направил его в сторону шпиона и зажег.

Почти тотчас же раздались выстрелы. Несколько пуль со звонким щелканьем впились в тополь, остальные ударились в каменный крест и с визгом улетели.

Нагнувшись еще ниже, Миша выглянул из-за дерева, повел фонарем...

И снова оглушительный треск. Завизжали, защелкали пули...

Миша инстинктивно спрятал голову, но руки с фонарем не опустил. Он успел разглядеть спрятавшегося за памятником мужчину в финской шапке, в очках. Луч его фонаря нашел шпиона и ослепил.

«Теперь не опускать... Пускай стреляет... Он меня не видит», — убеждал себя Миша, напрягая все мускулы, чтобы сдержать невольную дрожь руки.

Выглянув из-за дерева вторично, он увидел, что фонарь освещает каменную глыбу с выпуклым крестом.

«А где же он? Сбежал?» — со страхом подумал Миша, но, повернув слегка фонарь, сразу его нашел.

Мужчина стоял, прижавшись к высокой решетке. Миша видел, как блеснули его очки, как быстро перекинул он автомат, и в то же мгновение пуля ударила о край фонаря и вырвала его из рук.

Стало темно, но не надолго. Почти одновременно с двух сторон вспыхнули два фонаря и осветили шпиона. Отчаянно отстреливаясь, он попытался перебежать на другое место, но фонари продолжали гореть, и светлые пятна упорно преследовали.

«Горя-ат! — радостно думал Миша, высовываясь из-за дерева. — Тоже укрылись от пуль».

И вдруг из темноты выскочил солдат.

— Не уйдешь, гад!

Оба они с криком и руганью упали на могилу, затем скатились вниз. Все остальное произошло очень быстро.

В полосе света появились еще две фигуры в шинелях и навалились на отчаянно барахтающегося врага. Всюду загорались фонарики; лучи их металась, прыгали, но все стремились к месту борьбы.

— Тихо, Горелов, тихо! — кричал на бегу Никитин. — Не задуши до смерти. Связывайте руки... У кого веревки? Давайте сюда!

Возбуждение борьбы быстро погасло.

— Давайте его в машину, — через минуту уже спокойно приказал Никитин. — Горелов, ты и веди.

Освещая дорогу, Горелов пошел вперед, а двое других, поддерживая под руки, повели связанного шпиона.

— А кто его первый осветил? — спросил Никитин.

— Мальчишка наш... тот, который проводником шел.

— А где он? Жив ли?.. Как его зовут?

— Кажись, Михаил...

— Эй, Миша! Откликнись!

— Я здесь! — отозвался Миша,

— У тебя все в порядке? Где ты там? Не царапнул он тебя? — спросил Никитин, обращаясь в темноту.

— Нет, фонарик только разбил.

— Ну, эта беда не велика!

Возле склепа замелькали огни, и внимание солдат переключилось туда.

Минут через двадцать машина увезла под конвоем трех пойманных шпионов и одного убитого солдата.

На второй машине возвращались раненые. Трифонову пуля попала в руку, но, несмотря на это, он, туго перетянув ее, довел облаву до конца.

34. Тарантул

Судьба благоволила к Тарантулу. Он уже попадался в сети советской контрразведки, но в самый последний момент благополучно уходил.

Вот и сейчас. Счастливый случай привел на набережную, и здесь он выяснил, что сети снова расставлены...

Осенью сорок первого года Тарантул лихорадочно засылал в Ленинград группу за группой, а сам собирался войти в город вместе с германской армией.

Осенью сорок второго года, когда готовился решительный штурм, пришлось приехать самому. Штурм не состоялся, но людей он потерял много, а сам едва успел скрыться.

Осень сорок третьего года. Он снова в Ленинграде, и снова дела складываются не в его пользу.

Было уже совсем темно, когда Мальцев вышел из трамвая и, не оглядываясь, медленно зашагал к дому. Теперь он знал, что за ним наблюдают, но тем более не следует показывать, что это ему известно. Завтра утром он исчезнет, и советская контрразведка останется с пустыми руками.

«А что, если сегодня ночью?..» Эта мысль заставила остановиться. Тарантул никогда не ждал. Так он учил и других. Малейшее подозрение — и немедленно принимаются меры. Без паники, с трезвым, холодным расчетом, и немедленно... Но на квартире Завьялова остались вещи и нечто такое, что он не может бросить... Как же быть?

Сегодня он был на кладбище. Там все спокойно. Казанков, который его предал — а в этом он теперь не сомневался, — ничего не знал о Лынкисе, и, значит, вторая явка в безопасности. Неизвестно, что говорил Казанков о Шарковском и не вызван ли арест аптекаря его

разоблачением. Но даже если и так, Шарковский никогда не сознается. В этом Тарантул был уверен...

Под воротами дома горела синяя лампочка. Мальцев увидел, как оттуда вышел человек и торопливо направился в его сторону.

«Мужчина или женщина? Если женщина, надо рискнуть», — задумал он.

Человек быстро приближался, и, когда поравнялся, Мальцев разглядел солдатскую шинель.

— Опоздал, дружок? — спросил он.

— Да, засиделся, — ответил тот на ходу. Солдат ушел, но вопрос остался нерешенным. Рискнуть или не рискнуть?..

Снова и снова он взвешивал свои шансы на успех, восстанавливал в памяти последние дни, проведенные в Ленинграде, стараясь разгадать план советской контрразведки. Никаких признаков, что сегодня ночью намечен его арест, не было. Значит, надо рискнуть!

Перелезая через кучи мусора, Мальцев еще испытывал тревогу, но когда поднялся по лестнице и остановился перед дверью квартиры, окончательно успокоился. Почему, собственно, он решил, что сегодня ночью?

Лена, открывшая дверь, встретила его необычайно приветливо, почти радостно, но и в этом он не увидел ничего подозрительного.

— Долго вы сегодня, Григорий Петрович.

— А Коля еще не пришел? — спросил Мальцев, взглянув на вешалку.

— Нет. Он звонил, что придет очень поздно. У них там какие-то срочные работы. Судно ставят на зимовку... Чаю вам согреть?

— Пожалуйста...

Мальцев разделся, прошел в свою комнату и зажег свет. Вещей не было. Не веря своим глазам, он откинул одеяло и заглянул под кровать. Пусто. С перекошенным от отчаяния и злобы лицом он выскочил в прихожую. Там стоял высокий, коренастый мужчина с седыми висками, в штатском костюме. Правую руку он держал в кармане пиджака.

— Простите, пожалуйста. Алечка вас не предупредила...

— Да, да, — сказала девочка, выходя в прихожую. — У нас гость, Григорий Петрович. Он тоже к папе приехал. Знакомьтесь.

Мальцев быстро справился со своим состоянием, и на лице его появилось любопытство, с каким обычно встречают нового человека.

— Очень приятно, — сказал он. — Вы тоже ученый?

— Да. Я химик.

— Коллега, значит. Моя фамилия Мальцев, — сказал Григорий Петрович, протягивая руку.

— Нет, нет... Фамилия ваша не Мальцев, и здороваться с вами я не могу, — любезно сказал гость, предостерегающе поднимая левую руку. — Оставайтесь на месте. Разговор у нас предстоит большой и интересный, но я должен быть уверен, что вы взвесили все...

— Я взвесил, — насмешливо сказал Мальцев. — Вы очень хорошо спрятали людей.

— Тем лучше. Приятно иметь дело с умным человеком. Алечка, посмотри, что у дяди в карманах... Попрошу вас поднять руки на минутку.

— Пожалуйста, ничего не имею против. Мальцев поднял обе руки, но Лена стояла у двери в гостиную, не решаясь выполнить просьбу Ивана Васильевича.

— Не стесняйся, Аля. Посмотри, нет ли у него в карманах оружия.

— Не бойся, Аля. Смотри, — ободряюще сказал Мальцев. — Мы же с тобой друзья...

Любезный тон разговора сбил Лену с толку, и она широко раскрытыми глазами смотрела на мужчин. Она уже догадалась, что пистолет в правом кармане Ивана Васильевича направлен на Мальцева и потому он так послушно поднял руки.

— Ну, в чем же дело, Аля? — строго спросил Иван Васильевич и этим привел ее в движение.

По очереди она осмотрела все карманы, но никакого оружия в них не оказалось.

— Руки можно опустить? — спросил Мальцев, когда Лена закончила осмотр.

— Сейчас. Аля, в боковом кармане у дяди вечная ручка. Дай ее сюда.

Лена вынула массивную, необычно тяжелую ручку и передала Ивану Васильевичу.

— А вы знакомы с этой техникой? — спросил Мальцев.

— Да. Приходилось видеть. Однозарядный пистолет, — ответил подполковник, пряча ручку в карман. — Теперь можно опустить руки. Пройдемте сюда...

Они прошли в гостиную, и здесь Мальцев развалился в кресле, как дома. Лена осталась в дверях.

— Значит, чаю не надо? — спросила она.

— Действительно, время у нас есть, давайте выпьем чайку и поболтаем, — предложил Иван Васильевич.

— Не возражаю.

Лена ушла, и на какое-то время воцарилось молчание. Оба с интересом разглядывали друг друга. Со стороны можно было подумать, что в гостиной сидят два ученых, собирающихся обменяться мнениями о научных проблемах.

— Простите за любопытство, — сказал Мальцев. — Зовут вас Иван Васильевич?

— Совершенно верно.

— Н-да... А ведь я знаю вас давно, майор госбезопасности.

— Теперь уже подполковник.

— Вот как!.. Поздравляю. Карьеру у вас делают быстро. Головокружительно быстро.

— По способностям, — заметил Иван Васильевич, но Мальцев пропустил это мимо ушей.

— Да-а... Знаю вас давно, а вижу впервые.

— А разве вы не собирались со мной встретиться, когда отправлялись в Ленинград?

— Признаться, нет... Казанков у вас?

— У нас.

— Сколько раз я давал себе слово не связываться с такими болванами. Трус и дурак, — что может быть хуже?

— Это верно, — согласился Иван Васильевич. — Я предпочитаю иметь дело с людьми идейными.

— Вроде этих... девчонки и мальчишки. Как тебя зовут? — спросил Мальцев вошедшую в этот момент Лену.

Лена поставила на стол хлебную корзиночку с галетами и вопросительно взглянула на Ивана Васильевича.

— Он сомневается в том, что вас зовут Аля и что вы дочь Сергея Дмитриевича, — пояснил тот.

— Я не сомневаюсь, — возразил Мальцев, — Я точно знаю, что настоящие дети Завьялова живут при заводе.

— И давно вы это узнали? — спросил Иван Васильевич.

— Часа два тому назад.

— Зачем же вы сюда пришли?

— За вещами. Решил рискнуть. Но как же все-таки тебя зовут, девочка?

— Скажите ему правду, — разрешил Иван Васильевич.

— Меня зовут Елена.

Мирный тон беседы мужчин подействовал на Лену так, что она совсем перестала волноваться.

— И ты, Лена, знала, на что идешь? — спросил Мальцев. — Ты знала, кто я такой?

— Я знала, что вы наш враг.

— Почему во множественном числе? Почему наш?

— Вы враг моей Родины.

— Ах, вот что... А твой брат?

— Он мне не брат, но он тоже патриот.

— Леночка, чай, наверно, готов, — напомнил Иван Васильевич и, когда она ушла, обратился к Мальцеву: — Убедились?

— Да... Вы с детства вбиваете в головы высокие идеи, а они, как попугаи, их повторяют.

— Станный вывод. На собственной своей особе вы испытали, что они не только повторяют эти идеи, но и борются за них. Обычная ваша ошибка. Вы начали с нами войну потому, что недооцениваете силу наших идей.

— Время покажет.

— Согласен.

— Чего вы ждете? — спросил Мальцев после минутного молчания.

— Машину.

— Зачем? Вы, очевидно, думаете, что захватили Мальцева врасплох. Арестовали...

— Тарантула, — подсказал Иван Васильевич.

— Пускай так. Но вы заблуждаетесь, подполковник, — меня нельзя арестовать. Нет такой силы в мире. В любой момент я могу исчезнуть, как невидимка. Испариться. Да, да! Именно поэтому я так спокоен и трачу время на пустую болтовню,

— Я бы не сказал, что вы очень спокойны.

— Ваше дело думать как хотите.... Вы что-то сказали относительно недооценки. Это верная мысль... И как раз она имеет прямое отношение к вашему поведению. Вы недооцениваете меня... Я знаю, что в соседней комнате спрятаны ваши люди. Они есть и во дворе, и на лестнице, и там, где черный ход. Кругом все оцеплено... И, однако, все это чепуха! Когда будет нужно, я спокойно уйду от вас.

— Это уж какая-то мистика, — с улыбкой сказал Иван Васильевич.

— Я не принимаю ваших идей именно потому, что они узки. Материализм убивает всякую фантазию, воображение... Скучное учение.

— А вам нравится обманывать себя даже сознательно?

Лена принесла на подносе два чайника, достала из буфета стаканы, поставила их на стол и начала разливать чай. Все это делалось на глазах у Мальцева.

— Вам покрепче, Григорий Петрович? — спросила она.

— Как всегда.

Иван Васильевич внимательно следил за настроением врага. Он понимал глубокий смысл, который таился за внешними, бьющими на эффект фразами, и поэтому был очень осторожен. Наблюдал он и за девочкой, боясь, что она чем-нибудь себя выдаст. Нет. Все шло прекрасно, и Лена вполне естественно передвинула стаканы с чаем.

— А может быть, вы хотите сначала поесть? — простодушно предложила она. — У меня осталась от обеда овощная тушенка.

— Спасибо. Я сыт, — сухо ответил Мальцев.

— Вот галеты... Я очень их люблю. Они какие-то рассыпчатые!

Мальцев взглянул на девочку и нахмурил брови. Лена говорила таким тоном, словно ничего не понимала. Не понимала, какой опасности случайно избежала. Не понимала, что сейчас происходит в этой комнате, на ее глазах. Что это? Наивность, глупость или громадное, почти невероятное, самообладание? Иван Васильевич взглянул на часы.

— Ну что? — настороженно спросил Мальцев.

— Ничего... Время у нас еще есть. В вашем деле я многого еще не уяснил, — начал Иван Васильевич, беря стакан в руки. — Вот, например, такой вопрос... Вы немец... фон Штаркман. Но ведь вы обрусевший немец. Вы родились и выросли в России, на русских хлебах, среди русской природы. Россия стала для вас родиной...

— Вам непонятно, почему я националист? — со смехом спросил Мальцев. — Вы верите в ассимиляцию? Посмотрите на людей других национальностей. Сколько веков они живут среди вас...

С этими словами Мальцев начал катать горячий стакан между ладонями рук и отхлебывать чай крупными глотками.

— Я говорю не о национализме, а о нацизме. Между этими понятиями есть существенная разница...

Лена не интересовалась темой разговора. Чтобы не выдать своего волнения, она отошла к буфету и стала передвигать посуду с места на место, делая вид, что очень занята. Сейчас должно что-то случиться, но что именно, — она плохо представляла.

И это случилось.

Речь Мальцева стала неровной, путаной; он поставил недопитый стакан на стол, провел рукой по лбу.

— Мне что-то нехорошо... голова... — с трудом проговорил он и откинулся на спинку стула.

Иван Васильевич встал. Мальцев пробормотал еще несколько непонятных слов и затих.

— Хорошо, Молодец, Леночка. Я в вас не ошибся, — похвалил Иван Васильевич сильно испуганную девочку и подошел к Тарантулу. — Идите сюда. Сейчас я ему открою рот, а вы осторожно ищите там ампулу. Маленькую такую пилюлю стеклянную. Но только не раздавите ее... Она где-нибудь за щекой...

Сказав это, Иван Васильевич одной рукой взялся за подбородок Тарантула, а другой, упираясь в лоб, попробовал открыть ему рот. Это удалось не сразу. Тарантул судорожно стиснул зубы и в таком виде потерял сознание. Сделав несколько попыток, Иван Васильевич переменял руку. Большим и указательным пальцами он нажал на мышцы под скулами и потянул челюсть вниз.

Рот открылся. Оттуда с хрипением стало вырываться дыхание.

— Ну, давайте, Леночка, не бойтесь. Он не укусит. Я держу крепко.

Лена без колебаний залезла пальцем в рот Мальцева.

— Осторожно, не раздавите, — предупредил Иван Васильевич.

— А там ничего нет...

— Смотрите за другой щекой. Поглубже.

— Есть, есть, — прошептала Лена, нащупав пальцем ампулу и перекатывая ее вдоль десен. — Вот она...

Иван Васильевич отпустил челюсть, взял ампулу и усмехнулся.

— Вот с помощью этой штуки он и хотел от нас исчезнуть, испариться. А теперь давайте сигнал и откройте дверь.

Лена сунула кисточку в степсель и пошла открывать дверь.

Через несколько минут в комнату вошли Бураков и три других помощника. У одного из них был большой узел с одеждой.

— Ну как, товарищ подполковник?

— Все в порядке. Предупредил меня, что у него есть шапка-невидимка... Леночка, идите в свою комнату, — мы его переоденем.

— А зачем? — вырвался некстати вопрос у Лены, но Иван Васильевич нашел нужным ответить.

— Зачем? У него в одежде может быть что-нибудь спрятано, зашито или написано невидимыми чернилами. Надо все проверить. Понятно?

— Да.

— Вот мы и захватили с собой обновку для него. Минут через двадцать Мальцев пришел в себя. Мутным взглядом он посмотрел на стоящих вокруг него мужчин, затем, почувствовав какое-то стеснение в одежде, поднял руку и взглянул на рукав пиджака. Встретив насмешливый взгляд Ивана Васильевича, он выпрямился в кресле и глубоко вздохнул.

— Что со мной?..

— Ничего страшного, — ответил подполковник. — Небольшой обморок.

— Это ваша работа?

— Да. Когда имеешь дело с ученым-химиком, приходится и самому заниматься химией.

Только сейчас Тарантул почувствовал, что во рту нет ампулы. Видно было, как он ищет ее языком.

— Как вы... — проговорил он. — Как вы догадались... откуда?

— Не ломайте напрасно голову, — перебил его Иван Васильевич, — меня предупредил об этом Шарковский. Собирайтесь, пора ехать. Надеюсь, теперь вы не испаритесь.

В ответ на эти слова Мальцев безнадежно опустил голову на грудь. Многолетняя борьба закончилась полным поражением, и он даже не мог умереть по собственному желанию.

35. Коробочка

Иван Васильевич вернулся в свой кабинет с головной болью. За двое суток он четыре раза вызывал на допрос фон Штаркмана, устроил ему очную ставку с его подчиненными, неоднократно допрашивал Лынкиса, задержанных на кладбище и на Васильевском острове, но добиться ничего не сумел. Все они словно сговорились, утверждая, что служат в военной разведке и собирали сведения чисто военного характера.

— Перед нами была поставлена одна задача: разведать как можно скорей, сколько и какие части стоят в Ленинграде, не готовится ли на этом участке наступление, — сказал Лынкис на первом же допросе.

— Ну, а если готовится? — спросил Иван Васильевич.

— Регулярно сообщать командованию.

— А дальше?

— Все.

— Значит, вы были только пассивным наблюдателем?

— Если хотите — да.

Примерно то же заявляли и остальные. На допросах фон Штаркман охотно говорил о чем угодно: о литературе, о науке, о политике, о религии, но, как только Иван Васильевич задавал вопросы о цели его приезда в Ленинград, он, как и остальные, начинал твердить, что прибыл с намерением выяснить готовность Советской Армии к наступлению и, если будет возможность, выяснить день, час и направление главного удара.

На вопрос о том, почему Шарковский был так поражен, узнав, что Тарантул и Мальцев одно лицо, фон Штаркман с кривой улыбкой ответил:

— Это наши личные дела... так сказать, семейные. Не будьте, подполковник, нескромным.

На повторные вопросы об этом он вообще отказался отвечать.

Положив папку с протоколами на стол, Иван Васильевич неторопливо налил в стакан воды, достал из шкафа и проглотил таблетку пириминаля, запил ее водой, сел за стол и протянул ноги.

— Н-да... поторопились, — сказал он вслух. Операция была закончена. Вся банда выловлена и обезврежена, но этого Ивану Васильевичу было недостаточно. Он ни на одну секунду не сомневался в том, что фон Штаркман явился в Ленинград с каким-то конкретным заданием. Но с каким именно? Угадать это было невозможно и даже зацепиться, чтобы строить какие-то предположения, не за что.

— Войдите! — сказал Иван Васильевич, услышав стук в дверь.

Бураков быстро подошел к столу, лихо козырнул и, с плохо сдерживаемой улыбкой, громко сказал:

— Разрешите доложить, товарищ подполковник?

— Докладывайте.

— Выяснил. Савельев врет. Работает он на городской водопроводной станции. Пробрался туда совсем недавно.

— Савельев? В финской шапке, с противогазом? Который отстреливался на кладбище?

— Он самый. Это такой тип, товарищ подполковник... Жуткий тип! Хищник!

— Так. Ну и какие же ты делаешь выводы?

— Очень простые. Он был связан с аптекарем. Почему-то скрывал место работы. Почему? Я думаю, не хотели ли они взорвать станцию и оставить город без воды.

— Есть аварийная водокачка, — возразил Иван Васильевич, но сейчас же прибавил: — Это хорошо, что ты выяснил место его работы. Зацепочка. Ну, а что с ребятами?

— Завтра утром перебираются на свои места. Условились, что я заеду на машине и развезу.

— Ключи надо передать Завьяловым.

— Есть передать Завьяловым.

Отпустив Буракова, Иван Васильевич задумался. Предположение помощника было маловероятным. Городская водопроводная станция — большое сооружение, хорошо охраняется, и для того, чтобы ее взорвать... Нет, одному человеку этого не сделать. Одной взрывчатки нужно пронести слишком много.

* * *

Лена Гаврилова ходила по квартире с тряпкой и щеткой. Она переставляла мебель, заглядывала на полки, за картины, и если находила неизвестно откуда появившуюся паутинку, осевшую пыль или оставшуюся после ремонта краску, то с каким-то радостным удовлетворением принималась за работу. Ей хотелось оставить квартиру в образцовом порядке.

Часы пробили десять раз. Скоро ложиться спать, а Коля еще не пришел.

— Фу! Опять Коля, — со смехом сказала Лена вслух. — Привыкла и теперь никак не отвыкнуть.

Раньше Миша сердился, когда она оговаривалась и называла его Мишей, а сейчас, наверно, будет обижаться, если по привычке она назовет его Колей.

Вспомнив о том, как Миша однажды пробрал ее за это, Лена невольно взглянула на люстру. В тот раз она собиралась ее вытирать, но помешал приход Каратыгина.

Так и есть. Люстра до сих пор перемазана краской.

Не долго думая, Лена передвинула стол, поставила на него стул и, захватив тряпку, проворно забралась наверх. Колпак люстры большой, и для того, чтобы вытереть внутри, нужно его снять. Сумеет ли она это сделать? А если забраться еще выше? Лена отвела колпак в сторону, поднялась на цыпочки и заглянула внутрь... Что такое? Немного выше центральной лампочки висела привязанная ниткой к патрону маленькая коробочка. Откуда она взялась? Правда, в тот раз она не заглядывала в люстру, и, может быть, коробочка была здесь раньше и привязал ее хозяин квартиры для груза или для чего-нибудь другого?

«Да, но почему она чистая? — задумалась Лена. — Если краской забрызган колпак лампочки, то почему на коробочке нет следов ремонта и даже пыли? Коробочку повесил Мальцев», — решила Лена и немедленно соскочила на пол.

Набрать номер хорошо известного ей телефона было делом нескольких секунд.

— Алло! Это кто говорит? Дядя Ваня?.. Извините, Иван Васильевич. Теперь вы уже не дядя Ваня... Да, это бывшая Аля... Согласна. Дядя Ваня, я сейчас хотела вытереть люстру, — знаете, которая в гостиной висит, с большим таким колпаком?.. Ну как зачем? Если она грязная, надо же ее кому-то вытирать. И вот когда я заглянула туда... Ну, залезла сначала на стол, а потом на стул... Нет, Коля... то есть Миша, еще не пришел. Я сама. В этой люстре, то есть не в самой люстре, а сверху, оказалась коробочка. Да, да... Четырехугольная коробочка. Кажется, из железа... Нет, я ее не трогала. Она привязана черной ниткой к лампочке, к этому самому... к патрону. Наверно, спрятана, чтобы не нашли. А коробочку спрятал Григорий Петрович... Почему я так думаю? Потому, что она чистая. Ни одной капельки краски нет...

Через полчаса Иван Васильевич с Бураковым, отряхиваясь, звонили в квартиру Завьялова. На улице густо сыпал снег, и, пока они шли по двору, плечи их покрылись толстым слоем чистых, пушистых снежинок.

Лена распахнула дверь, взглянула на пришедших, и на лице ее появилось озабоченное выражение. Не напрасно ли она потревожила занятых людей? Может быть, коробочка никакой ценности не имеет и подвешена как груз,

— Здравствуйте, Леночка. Как вы себя чувствуете? — спросил Иван Васильевич, дружески протягивая руку.

— Хорошо.

— Ну, что ж... Мы тоже чувствуем себя неплохо. Слышали сводку?

— Да.

— Я думаю, что скоро в Ленинграде будет салют... Ну, что у вас за находка?

— Коробочка... Идемте, пожалуйста. Стол в гостиной по-прежнему стоял под люстрой, а на нем стул.

— Я сам, — сказал Иван Васильевич, увидев, что Бураков порывается залезть на стол.

— А вы, Леночка, не видели, как Мальцев прятал эту коробочку? — спросил подполковник, переставляя стул.

— Нет.

— И никаких подозрительных звуков не доносилось из гостиной, когда он находился здесь, а вы в кухне или у себя в комнате?

— Нет.

— Значит, это только ваше предположение... Иван Васильевич залез на стол, отодвинул колпак и увидел коробочку. Не трогая, ее внимательно осмотрел.

— Оцинкованное железо, — заметил Бураков.

— Да, — подтвердил подполковник и отвязал коробочку. — Запаяна.

Лена с тревогой следила за всеми движениями Ивана Васильевича. Вот он взвесил коробочку на руке, несколько раз повернул и при этом наклонил голову набок, прислушиваясь, не пересыпается ли что-нибудь внутри.

— Н-да! А вы действительно очень наблюдательная, Леночка. Я согласен, — коробочку эту оставил Мальцев. Спрятал на всякий случай.

— А что там? В коробочке? — с горящими от любопытства глазами спросила Лена.

— Вот этого я пока сказать вам не могу, — ответил Иван Васильевич, слезая со стола. — Да, не могу. Потому, что и сам не знаю. Но это интересно. Я вам позвоню... Хотя будет слишком поздно. Сделаем так. Товарищ Бураков завтра заедет и скажет, что там лежит. Но помните, Леночка, что это тайна. Государственный секрет. Пока не закончится следствие... вернее, пока идет война, никому ничего говорить нельзя.

— И даже Коле... то есть Мише, не говорить?

— И даже Мише не нужно говорить. Впрочем, Мише можно сказать. Он умеет хранить тайны.

* * *

Коробочку вскрыли со всеми предосторожностями. Внутри лежали хорошо упакованные небольшие пробирки с мутной жидкостью.

— Опять что-то новое, — проворчал подполковник, разглядывая пробирки на свет, — Какая-то химия. Придется дать в лабораторию.

Через полчаса Ивану Васильевичу сообщили по внутреннему телефону, что в пробирках оказались бактерии.

От неожиданности подполковник даже встал. Встали и Бураков, Трифонов и Маслюков, сидевшие в этот момент в кабинете начальника.

И пока Иван Васильевич хмуро слушал сообщение лаборатории, в комнате стояла напряженная тишина.

— Так вот что они хотели сотворить!.. Это уж от отчаяния! — сказал он, повесив трубку. — Знаете, что мы предотвратили, товарищи? Эпидемию! В пробирках была культура какой-то болезни... бациллы. Совершенно ясно, что они хотели вызвать эпидемию в городе и тем самым сорвать наше наступление. Теперь понятно, зачем Савельев поступил на водопроводную станцию, понятно, почему фон Штаркман вошел в квартиру, несмотря на то что был уже предупрежден о ловушке. Ему нужна была коробочка. Н-да! Теперь стало все ясно!

Некоторое время он барабанил пальцем по столу.

— А что сказать Гавриловой? — неожиданно спросил Бураков,

— Что? — не понял вопроса Иван Васильевич.

— Вы обещали через меня сообщить Лене Гавриловой о содержимом коробочки.

— Да, да... Скажите ей, что в коробочке были... Что бы там могло быть?

— Лекарство, — подсказал Трифонов. — Пенициллин.

— Нет. Это малоинтересно... — возразил Иван Васильевич. — Скажите ей, что там были капсулы для гранат. Каких-нибудь особенных гранат. Самовзрывающихся, что ли...

36. Заключение

Прошел месяц. Сергей Дмитриевич вернулся из Москвы, но не переехал в отремонтированную квартиру, а продолжал жить и работать на заводе.

Лена вернулась в мастерскую и совмещала работу с учением.

Миша перебрался на судно, но иногда оставался ночевать в общежитии учебного комбината.

Утром пятнадцатого января тысяча девятьсот сорок четвертого года курсанты Балттехфлота шумно пришли в свою столовую. Среди них был и Миша Алексеев.

В самый разгар завтрака вдруг раздался страшный грохот. Стекла со звоном вылетели из всех окон столовой. Растерявшиеся и испуганные ребята повскакали с мест. Некоторые от страха полезли под столы, скамейки, кто-то бросился бежать, кто-то окаменел и не двигался.

Новый взрыв потряс воздух.

— Наши-и! — закричал что было сил Миша и побежал к выходу. — Наши бьют!

За Мишей устремились и остальные.

На середине Невы стоял крейсер «Киров». Стволы его орудий были направлены в сторону Пулковы. Залп за залпом он посылал фашистам смертоносные снаряды. Это — за Ленинград!

Но стрелял не только «Киров». Все батареи Ленинградского фронта били по врагу. Воздух гудел, содрогался от множества залпов.

И как не похож был этот грохот на грохот разрывавшихся три года фашистских бомб и снарядов! Радость, гордость, ликование в душе каждого ленинградца вызывал этот грохот.

Бейте их, сыны Ленинграда! Бейте без пощады! Гоните вон с родной земли!

Началось долгожданное наступление. И через несколько дней был опубликован приказ о полном разгроме врага под Ленинградом, о снятии трехлетней блокады.